

Ольга Морозова

# Баловень судьбы



**О. М. Морозова**

**БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ:  
генерал Иван Георгиевич Эрдели**

УДК 97(47+57)(092)  
М80

Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Морозова, О. М.

М80 Баловень судьбы: генерал Иван Георгиевич Эрдели / О. М. Морозова.  
– \_\_\_\_\_ – 225 с.

ISBN \_\_\_\_\_

Книга посвящена одному из основателей Добровольческой армии на Юге России генералу И.Г. Эрдели. В основу положены его письма-дневники, адресованные М.К. Свербеевой, датированные 1918-1919 годами. В этих текстах нашли отражение реакции генерала на происходящее, его рассуждения о будущем страны и смысле личного участия в войне; они воссоздают внутреннюю атмосферу деникинской армии; содержат отрывки личного характера, написанные ярким поэтическим языком. Автор монографии особое внимание уделил реконструкции причинно-следственных связей между жизненными событиями и системообразующими свойствами личности.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, интересующихся российской историей.

УДК 97(47+57)(092)

ISBN \_\_\_\_\_

© Морозова, О. М., 2013

© \_\_\_\_\_

## ВВЕДЕНИЕ

Своим появлением биография генерала от кавалерии Ивана Георгиевича Эрдели (1870-1939) обязана хранящимся в Центре документации новейшей истории Ростовской области его запискам, датированным 1918-1919 годами. Эти письма-дневники – тексты оригинального и редкого эпистолярного жанра – в виде двух копий, рукописной и машинописной, находятся в «истпартовском» фонде. Место в описи, где указаны номера дел 1311 и 1312, заклеено полоской белой бумаги. Уже никто не помнит, по чьему приказу это было сделано. Кому понадобилось превращать эти дела в подобие мифической второй книги «Поэтики» Аристотеля? По-видимому, это связано не со странным соседством записок белого генерала в истпартовской коллекции, а с тем, что это были любовные письма в самом полном смысле этого слова. Адресатом этих писем была Мария (Мара) Константиновна Свербеева (1870-1963), в девичестве – Олив, в первом браке с племянником Саввы Мамонтова она носила фамилию этой знаменитой семьи предпринимателей и меценатов.

Архивное дело предваряют записки двух лиц, благодаря которым эти бумаги оказались в начале 1925 года на государственном хранении. Это жительница Екатеринодара Надежда Васильевна Вечная и бывший деловой партнер ее мужа, а ныне советский служащий, В. Пшеничный.

Мара Константиновна Свербеева год с лишним снимала квартиру в доме Вечных. Коробка с бумагами, которыми она дорожила, был оставлен у Вечной в момент эвакуации при подходе красных при следующих обстоятельствах. В момент выноса вещей из дома ее муж Фёдор Дмитриевич Свербеев заин-

тересовался этим ящиком. Мара солгала, что это хозяйский сундучок, и Федор отставил его в сторону и не уложил в экипаж с остальными вещами. Ящик остался в кладовой, при большевиках во время многочисленных обысков на него не обращали внимания, а потом и забыли. Примерно через год Вечная отдала бумаги Пшеничному. Тот поинтересовался у одного из членов Кубанского ревкома, что с ними делать. Тот сказал: прочти, если будет там только любовная переписка, делай, как знаешь, если что-то контрреволюционное – передай нам. Пшеничный решил, что это сугубо личная переписка, и забросил бумаги на полати дачного дома, в котором жил. Только спустя два года, после того как в Туапсе на чердаке бывшей дачи Сувориных, издателей популярнейшей дореволюционной газеты «Новое время», наткнулся на 25 пудов бумаг, он вспомнил об эрделевских тетрадах. За это время они сильно пострадали от воды, поэтому часть текстов оказалась просто нечитабельна. Оставшееся он просушил и принес в архив<sup>1</sup>.

Судьба подлинника пока неизвестна. Возможно, что его состояние стало плачевным еще в 1920-е годы, о чем сообщают сопутствующие документы. Тот факт, что эти тексты использовались в 1920-1950-х годах советскими историками Н.Л. Янчевским и В.Т. Сухоруковым, свидетельствуют о том, что эти весьма информированные авторы питали к ним доверие.

Это документ редкого жанра. С одной стороны, это ведущийся синхронно событиям жизни дневник, с другой – письма, предназначенные для чтения другим человеком и обращенные к нему. Генерал делал записи в толстых тетрадах, которые отсылались с оказией Марии (Маре) Константиновне Свербеевой (1870-1963), женщине с которой у него был длительный роман. Круг содержащейся в них информации исключительно широк: от описания событий военно-политической жизни до подробностей интимных переживаний и физического состояния генерала. Причиной этого было его стремление сохранить с Марой Свербеевой состояние духовного единения, которое оба очень ценили. Иван Георгиевич подчеркивал, обращаясь к Маре Констан-

тиновне: «Я пишу не отвлеченно, всегда пишу тебе и для тебя»<sup>2</sup>.

Большинство личных бумаг – писем и дневников – носит контекстный характер. Их содержание исчерпывается описанием происходящего вокруг человека. И лишь малая их часть относится к исповедальному типу. Там реализуется человеческая потребность высказать наиболее сокровенные мысли и чувства, и тем самым разобраться в себе, в происходящем, определиться с оценками и со стратегиями поведения. Такие бумаги несут наиболее полную информацию о мировоззренческих и психологических особенностях человека. Если говорит только о дневниках, то по времени возникновения более ранними считаются записи контекстного характера. Затем, по мере эмансипации человеческой личности, развития интереса людей к самим себе появляются глубоко личные, предельно откровенные тексты ежедневных записок.

Вторая половина XIX – начало XX веков – время наибольшего расцвета в России дневникового жанра. Ведение ежедневных записей в тетрадках или даже на клочках бумаги стало всеобщим поветрием. Дневники вели не только чиновники, офицеры, деятели культуры, священники, образованные женщины из высших и средних слоев общества, но и кучера, приказчики, горничные, рабочие и даже крестьяне. – Отдельные примеры такого рода или упоминания о подобной практике приходилось встречать среди архивных бумаг.

Люди стали почему-то ценить всякие движения своей души и стремились сохранить память о них. У одних это получалось емко, глубоко, ярко; у других этот важный для них миг жизни был зашифрован в виде кондовой фразы типа: был у Петра, много говорили за жизнь.

Традиция ведения дневника предполагала, что в особых случаях он мог быть дан другому лицу для прочтения. Это была форма крайнего доверия, которая могла укрепить отношения, а могла и расстроить. В дневнике раскрывалась вся голая, неприкрытая, а подчас и безобразная правда о человеке. Объяснить

природу этого мазохистского духовного эксгибиционизма поможет фраза из так называемого «тайного» – для себя – дневника писателя Л.Н. Толстого, с которым Ивана Эрдели связывали отношения свойства. 9 июля 1908 года старый граф записал, все кинулись писать его биографию, но что можно понять в нем, не зная «ужасной грязи» его интимной жизни: «А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться». Вот это *опомниться*, стать лучше двигало многими авторами дневников исповедального типа. Другим поводом могло быть желание оправдать и оправдаться. Третьим – определиться со своими оценками, оформить позиции по ключевым вопросам посредством диалога с самим собой или с воображаемым собеседником или оппонентом.

Записки Ивана Эрдели не менее откровенны, чем «тайный» дневник великого писателя. Но причина была иной. Мара Сverbеева стала центром мироздания Эрдели по числу нитей, связавших их. Клубок образов и ощущений, ассоциировавшихся с ней, отличаясь оттенками, наполняет собой значительную часть записок. Без этой страсти не было бы самих текстов, ни их глубоко эмоционального и информативно многообразного содержания. Эрдели – человек исключительно творчески одаренный, у него изумительный стиль речи, который он демонстрирует на страницах своих записок. Они сами по себе оригинальный литературный, а не только исторический памятник.

Находясь в разлуке с предметом своей страсти, Эрдели практически ежедневно находил время, чтобы делать записи в толстые тетради (он их называл «листками»), которые пересылались с оказией Маре Сverbеевой. В некоторые дни, а такие случались нередко, он делал записи в 9 часов утра, в 3 часа дня, в 12 ½ часов ночи, – всякий раз, когда у него была свободная минута. И эту минуту он предпочитал проводить наедине с тетрадью, то есть с Марой. Он желал, чтобы тогда, когда его «листки» окажутся в руках Мары, она знала, что он думал и чувствовал. Потребность в этом была столь велика, что во вре-

мя 1-го Кубанского (Ледяного) похода 24 апреля 1918 года в течение дня он написал более 1600 слов. Иван Георгиевич заносил на бумагу все свои мысли и чувства, посещавшие его в течение дня. Эта были реакции на состоявшиеся встречи, произошедшие события, рассуждения о будущем и смысле его участия в войне; ей он повеждал о состоянии своего здоровья и со страстью описывал свои чувства и желания, объектом которым была она. Так он старался сохранить духовную связь с ней. Эта цель побуждала его быть максимально откровенным с Марой: «...Тебе-то я свое нутро выкладываю на чистоту, понимаешь...»<sup>3</sup>.

Запискам Эрдели присуща характерная для дневниковых записей противоречивость оценок одних и тех же лиц, явлений, событий. Человек, перемещаясь из одной роли в другую, видит ситуацию то так, то иначе. Примером может быть короткие отрывки, датированный 2 мая 1918 года (все даты дневника приведены по юлианскому календарю):

*«...Теперь я вижу, что России действительно настал конец, нет ее, а лишь жалкие куски великого целого остались. А Московское государство – какая насмешка какая-то, ужасно. Какое безысходное горе, какое крушение лучших чувств гражданина и сына любимой родины. А да черт с ней, с этой родиной, дряблой и противнейшей, мне нужна ты, если ты жива и цела, тогда все есть, и родина, и солнце, и свет и радость и жизнь, а нет тебя – никого нет и ничего нет, пустота и бессмысленность. [...] Я действительно одинок? – Хоть бы разрешить мне эту загадку. Уж тогда, по крайней мере, если я остался один, то чего мне добиваться, кому служить, к чему стремиться. Зачем мне Добровольческая армия, Россия, идея. Все мелось и пустые забавы. Не мелочь – собственная душа и смерть – вот что остается главным»<sup>4</sup>.*

В мемуарных текстах, как правило, запечатлевается устоявшееся мнение: его определенность освящена прошедшими годами и количеством высказываний на этот счет. Дневник же



передает живость реакций, которые стремятся успеть за изменяющейся жизнью. В марте 1918 года с перерывом в несколько дней генерал отразил в дневнике весьма различные чувства по отношению к кубанцам и конкретно В.Л. Покровскому. Тогда, когда кубанские казаки не без влияния Покровского отказывались подчиниться Корнилову, Эрдели посыпал голову пеплом, корил себя, что совсем недавно помог им в организации армии и поддерживал выдвижение вместо себя на пост командующего Покровского, и надеялся, что тот поставит общее дело выше личных вожделений, хотя и не обольщался на счет его личных качеств. Вскоре Корнилов собрался поручить ему переформирование отряда Покровского с целью создания полноценной кавалерийской части. И тут генерал превзошел себя в интеллигентской рефлексии по поводу «хирургической операции» над теми, кто еще недавно принимал его как гостя, а теперь он должен стать распорядителем их судеб и подчинить воле общего командования<sup>5</sup>.

Отрывок из дневника, датированный 20 мая 1918 года, дан в приложении к книге, поскольку он емко показывает и стиль мышления генерала, и его настроения в конце 1-го Кубанского похода, и оценки сложной, на тот момент запутанной внутриполитической ситуации в стране в связи с присутствием германских войск, и многое-многое другое (приложение №2).

На страницах этих писем-дневников события текущей военно-политической жизни и суждения видного белогвардейского военачальника представлены широко. Генерал от кавалерии И.Г. Эрдели – офицер блестящей военной карьеры. Место в армейской иерархии сделало из него одного из отцов-основателей Добровольческой армии. Уровень информированности делает его оценки текущей ситуации, отраженные в записках, датированных весной 1918 – летом 1919 годов, бесценными именно в связи с их дневниковым характером. На страницах писем много неожиданных, в том числе и нелицеприятных характеристик отдельных политиков, командования и движения в целом.

Некоторые страницы дневника имеют все признаки травелога – отчета о путешествии. Для того чтобы Мара хорошо представляла его маршрут, он чертит план своих поездок, указывает станции и населенные пункты и то, каким транспортом он преодолевал эти расстояния. Он делал чудесные путевые зарисовки. Например, будучи главноначальствующим на Северном Кавказе, и направляясь по железной дороге из района Кавказских Минеральных Вод в Кизляр, он внес в дневник 18 мая 1919 года свои впечатления от видов, открывавшихся из окна его вагона:

*«7 часов утра. Проснулся рано, думы одолели, не спится. Чудное утро. Едем по зеленым степям, покрытым травой, цветов много, сено уже косят. Ширина необъятная. Виден Терек, а за ним синеют предгорья Кавказа. Станицы вдоль Терека в садах утопают, а между деревьев видны колокольни церквей, и кресты золотятся на солнце. Так все свежо, так ярко чувствуешь, что весна, что утро, что дождик был ночью – перестал, и теперь все искрится, все сверкает, все живет, радуется. [...]*

*Мара, сейчас едем, и целое поле белых и лиловых ирисов. Как хорошо, никогда этого не видел. Потом боярышник цветет чудно, но красный, кровавого цвета цветочки – удивительно. Лошади пасутся, жеребята скачут кругом матерей. Пастухи-мальчики в огромных папах лежат в траве на животах, задравши пятки кверху, и глазеют на поезд точно зверьки. Сейчас Терек совсем близко, другая сторона, чеченская, уже гористая, и так вспоминается, помнишь: “По скалам струит Терек, Плещет мутный вал, Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал”»<sup>6</sup>.*

И спустя два дня по дороге из Кизляра в Порт-Петровск генерал продолжил свои путевые заметки в состоянии восторга от бурной южной весны:

*«День дивный. Солнце. Все луга полны цветов, аромат удивительный; фазаны вырываются при проходе поезда. Горы здесь мягких очертаний все в зелени и коврах незабудок и маков. Бо-*

*ярышник всюду цветет и точно снежные кусты. Горные речки после дождей вздулись и стремятся, захлебываясь в мутных потоках. Красиво, а тебя нет со мной, милый, и все мне наполовину»<sup>7</sup>.*

Постоянный диалог с Марой определяет структуру документа. Ей он поверял свои сокровенные мысли и чувства. В разлуке ему не хватало внимающего собеседника в ее лице. Дневник заменял ее. 18 февраля 1919 года, находясь в Баку для переговоров с английским командованием о судьбе русского военного имущества в Закавказье, переговоров неудачных и тяжелых, он записал удивительный по силе и эмоциональности монолог:

*«Скорее бы вон из этого Баку, кошмарного, ужасного, ненавистного; скорее к тебе, к твоей любви, к ласке, нежности, растаять около тебя, вылить душу свою, оскорбленную и униженную, чтобы ты поняла меня. – Слиться душой с тобой, говорить с тобой одним языком, одним чувством, одним пониманием, – чувствовать в тебе свое второе “Я”, чувствовать в тебе ответ на все-все. И самому отвечать на все тебе, моему сокровищу, моей единственной в жизни женщине – человеку, которую я понял, которая меня поняла и полюбила, и которую я полюбил – истинной и единственной в моей жизни любовью. И опять чем дальше, тем определеннее, тем вернее и тверже все становится, что нет жизни без тебя, и когда я без тебя, то так и говоришь себе, что это переходное время, а настоящее время, – когда около тебя, когда с тобой, и не мыслится иначе. Ты чувствуешь, понимаешь, как я тебя глубоко, серьезно люблю, Марочка. Целую тебя милый мой, ложусь спать. Христос с тобой»<sup>8</sup>.*

Итак, за окном номера гостиницы в Баку февраль 1919 года. Во Франции готовится к изданию роман Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету». А знаменитый роман «Улисс» ирландского писателя Джеймса Джойса будет издан только через три года. Но записи реальных переживаний реального чело-

века представляют собой текст той же художественно-эстетической природы: фиксация мыслей, образов и эмоций на много-много страниц и без знаков препинания. Интуитивно белый генерал переоткрыл для себя модернистский литературный метод, названный потоком сознания – изложение как литературного текста вереницы мыслей, соединенных странными и далеко не очевидными ассоциациями и связками.

То, что это произошло на русской культурной почве, не случайность. Первопроходцами в описании и дешифровке видений и снов были не Ф. Фрейд, не М. Пруст и не Дж. Джойс. Нигде нет такого обилия снов как в произведениях Ф.М. Достоевского. Писателю удавалось очень точно передавать чувства, думы, фантазии, сны людей, потерявших опору в реальном мире. Внимание русской литературы к человеческому подсознанию, к отслеживанию неосознаваемых импульсов поступков и эмоций продолжилось в период Серебряного века. Техника потока сознания, экспрессивность и алогичность образов обнаруживается в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, «Петербурге» А. Белого.

Иван Георгиевич пересказывал в своем дневнике некоторые свои сны, в основном носящие эротический характер. Именно в этой сфере шли эксперименты западноевропейской модернистской литературы. Мир не такой, каким он выглядит, утверждала новая физика А. Эйнштейна. Общество и литература откликнулись: нельзя доверять чувствам, эмпирическому восприятию понятий о времени и расстоянии, о добре и зле, о законе и справедливости, о природе поведения человека в обществе. Чувство личной ответственности и долга было подорвано. Наступило время моральной анархии. Это было начало широко экспериментирования и в скрытых сексуальных эмоциях. Внутренний монолог, в котором смешаны и ощущение героя, и то, что он видит, и мысли с ассоциациями, вызванными образами, которые возникают, вместе с самым процессом их возникновения, стал новым средством проникновения во внут-

ренный мир человека, давая особый ракурс взгляда на индивидуальность человека и в целом на окружающий мир.

Мара Свербеева вызывала у Эрдели сильнейшее физическое влечение. Глубоко личные переживания и видения генерал заносил в дневник. Вот пример подобного рода из записей за 22 мая 1918 года:

*«Подчас представляется, как ты повязываешь головку на ночь, как голыми ножками в ночных туфельках ходишь, как в лорнет смотришь, как хорошо и элегантно одетой сидишь, перелистываешь что-нибудь, читаешь, и серьезные складки по лбу, и милая головка склоненная, породистая, а затылок и шея в волосинках любимых, и прическа нехитрая, а на руках обручик мой – и весь твой облик гармонический. Породистый, милый... И так потянет к тебе, к твоему обаянию женщины, привлекательности, простоты, ласки, ума, нежности и чудной женственности. Через четыре дня [будет] пять лет нашей любви. А я не могу ни поздравить, ни обручика подарить. Если мы встретимся, я тебе подарю обручик из черной эмали, узенький и плоский, как символ тяжкого года 1917-1918, когда мы пережили столько ужасов и страданий, душенька моя»<sup>9</sup>.*

На страницах дневника мы можем встретить и более интимные воспоминания и эмоции. Во время командировки генерала в Закавказье Мара тяжело болела. Эрдели очень переживал по поводу ее здоровья, надеясь, что к его приезду все останется в прошлом. Генерал действительно не смущался своей любви и этих отношений. В одной из тетрадок он упомянул, что допускает возможность чтения его дневника другими лицами. Его содержание он видит вполне достойным, ведь кроме интимных страниц в нем немало высоких мыслей о благе Родины. Круг содержащейся в этом документе информации исключительно широк и ранжирован от очевидной до доступной лишь исследовательскому глазу. Ее представление и анализ осуществлены во второй и третьей главах книги.

Сохранившаяся часть бумаг охватывает с перерывами период с весны 1918 года, когда Эрдели принимал участие в Ледовом походе, до лета 1919 года, когда генерал стал часто бывать в Екатеринодаре. Общий объем сохранившегося текста более 70 тыс. слов. Эрдели упоминал в тексте, что та часть его дневников, которые он вел до осени 1917 года, были зарыты его денщиком Андреем в сарае усадьбы Яновых в Новочеркасске. Кто знает, может быть, они до сих пор где-то там. А письма Мары к нему были им спрятаны на чердаке дома Яновых: генерал боялся, что хозяева уничтожат их после прихода большевиков. Судьба этих бумаг неизвестна. Вероятно, что за прошедшие почти сто лет они уже были обнаружены при ремонте, перестройке или сносе дома, но у никого из нашедших не возникла мысль позаботиться об их дальнейшей судьбе.

Поскольку дневник известен в виде копий – рукописной и машинописной, то в тексте накопилось изрядное количество ошибок и опечаток. В ходе работы с ним были выявлены искажения, вызванные тем, что переписчики не поняли ряд мест дневника и внесли в него свою их трактовку. В архивном тексте не достаёт знаков препинания, что также затрудняет понимание его содержания. Все это потребовало определенной работы по реконструкции изначального смысла текста при сохранении характерной лексики и стиля автора документа. В связи с этим в книге осуществлено цитирование уже отредактированного текста.

Наряду с главным источником из ростовского архива были использованы отдельные документы из фондов Тамбовского и Одесского областных архивов.

В 1994 году в Государственный архив Тамбовской области в соответствии с завещанием В.К. Андреевской был передан собранная ею и ее мужем В.М. Андреевским подборка эмигрантской периодики. Владимир Михайлович Андреевский был крупным тамбовским помещиком, избирался предводителем дворянства Кирсановского уезда, а затем и Тамбовской губернии; в 1906-1917 годах состоял членом Государственного Совета. Вера

Константиновна Андреевская (урож. Олив) была родной сестрой Мары Константиновны Свербеевой.

Справочные материалы к фонду Р-5328 дают представление о том, когда и как М.К. Свербеева с детьми покинула Россию, какую жизнь вела в эмиграции. Среди документов этого фонда принадлежащие Андреевскому тексты автобиографического характера, немного фотографий и большое количество разобранных по темам вырезок из белоэмигрантских газет за 1928-1958 годах. К сожалению, в фонде практически отсутствуют письма и личные записки Андреевских, но имеются фотографии сестер Веры Константиновны и Марии Константиновны, сделанных до революции в Петербурге и в период эмиграции во Франции.

В Государственном архиве Одесской области (Украина) хранится семейный фонд Эрдели, поступивший туда на хранение в 1921 год из имения Мостовое Ананьевского уезда Херсонской губернии. Имение принадлежало Владимиру Яковлевичу Эрдели и его потомкам. Владимир Яковлевич приходился Ивану Георгиевичу Эрдели родным дядей.

Основная масса документов этого фонда относится к другой ветви семьи Эрдели, потому сведений об Иване Эрдели и его родителях обнаружено там немного. Однако ценной находкой оказались «Советы моим детям», рукопись, обозначенная в описи как анонимная. Ближайшее знакомство с ее текстом позволило признать в ее авторе Георгия Яковлевича Эрдели – отца генерала И.Г. Эрдели. «Советы» содержат наставления финансового и карьерного характера, составленные главой семьи в предчувствии скорой смерти. Этот документ показывает, в какой среде родился и вырос будущий генерал, какие качества в нем хотел видеть его отец, через какую систему формирования личности он был проведен в процессе взросления. Информационный потенциал этого текста образует и более широкий контекст – характерные для ответственного отцовства той поры представления о воспитании молодого дворянина. В рукописи изложено немало суждений по вопросам усадебного хозяйства,

что позволяет оценить уровень материального достатка семьи, а также составить представление о распространенных практиках ведения дел, применявшихся наиболее успешно приспособившейся к товарному производству частью южнороссийского дворянства.





## **ГЛАВА 1**

### **ЭПОХА ЮНОСТИ И НАДЕЖД: ПЕРВОЕ ПОРЕФОРМЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ**

Русское дворянство пополнялось выходцами из многих земель. Немало служивых людей приходили из Литвы, Германии, Италии, Польши и оставались в русских княжествах, потом в Московском государстве и в Российской империи.

Фамилия Эрдели происходит от венгерского названия Трансильвании – гористого района на Севере Балканского полуострова, на котором веками развивалось соперничество Австрии, Венгерского государства и Турецкой Порты. Длительное время жизнь на этой окраине христианского мира была беспокойной, поэтому и все уроженцы этих мест были чрезвычайно воинственны. В начале XVI века Трансильвания обрела государственное оформление, хотя и признало в 1566 году вассальную зависимость от турецкого султана. В это время происходит оформление Трансильвании как оплота протестантизма на востоке Европы. В 1687 году в ходе неудачной для турок войны с Австрией княжество Трансильвания было занято войсками Габсбургов. Начался процесс интенсивного окатоличивания Трансильвании. Трансильванские протестанты из старых местных родов отодвигались на вторые роли. И в начале 1750-х годов (называются разные даты переселения) в составе целого обоза сербских, венгерских, валашских семей выходцев из юго-восточных районов Австрийской империи на территорию, названную Новой Сербией, позже ставшей Херсонской губер-

нией, прибыл глава семьи Шимон Эрдели и его сын 40-летний вахмистр венгерской службы Пал Эрдели.

Как писал его потомок Георгий Яковлевич Эрдели в своих воспоминаниях: «В 1753 году из Венгрии, Сербии, Черногории, Хорватии (принадлежавших Австрии) в безбрежные пустообразные земли Украины двинулись переселенцы, искавшие свободы и надеявшиеся начать новую привольную жизнь. Шли они полувоенным порядком, образовав два полка в количестве около 1400 мужчин (с ними шли и их семьи). Предводительствовали этими полками Иван Шевич (вероятно, серб) и Райко Прерадович (его потомки получили фамилию Депрерадовичи). В числе новопоселенцев были сербы Живковичи, Хорват (вероятно, прозвище, данное по его происхождению из Хорватии), Эрдели, Пишчевич и другие. Эрдели являлись потомками крупных венгерских земельных магнатов, не пожелавшими носить в России своего графского титула. Осели они близ тогда же основанного города Елисаветграда (ныне – Кировоград)»<sup>10</sup>.

Павел Семёнович Эрдели был принят на русскую службу в один из поселенных полков, которые были созданы из балканских переселенцев. К жизни на границе роду Эрдели было не привыкать. Там, в Трансильвании им тоже веками приходилось жить в постоянных походах и ожидании визитов из-за границы.

Позднее род Эрдели был внесен во II-ю часть родословной книги Херсонской губернии. Но герб был, как тогда выражались, «Высочайше утвержден» лишь в 1893 году<sup>11</sup>.

Уже после того, как Павел Эрдели был уволен со службы в 1770 году в чине секунд-майора, его полк был влит в новый Александрийский 5-й гусарский полк, сформированный в 1773 году из македонских и далматских поселенных полков. В дальнейшем мужчины Эрдели имели особую привязанность к кавалерии, а в 1919 году Главноначальствующий на Северном Кавказе Иван Георгиевич Эрдели был особо расположен к александрийским гусарам, стоявшим в Темирхан-Шуре, а с их командиром генералом Глебовым был дружен. В 1882 году шефом этого полка стал великий князь Николай Николаевич-старший.

Вот как глубоко по времени уходят корни того покровительства, которое оказывал Ивану Эрдели на протяжении всех лет его службы великий князь Николай Николаевич-младший.

А пока, во второй половине XVIII века, Эрдели осваивали целинные земли дарованного царским указом участка. Они основали селения, два из них носили название Эрделевки и находились в 60 верстах друг от друга.

В родословной семьи второе поколение Эрдели на русской земле значатся имена трех сыновей Павла: Якова, Андрея и Степана. Они уже по традиции служили в кавалерийских южнороссийских полках: старший в том же полку, что и отец; средний в Ольвиопольском гусарском полку; младший – в Переяславском легкоконном полку. При увольнении в отставку выше чина VIII разряда не имели.

Третье поколение русских Эрдели уже начинает выделяться на общем фоне губернского дворянства. Владимир Яковлевич Эрдели (1789-1853), ушедший в отставку подполковником артиллерии был избран Ольвиопольским уездным предводителем дворянства.

Тот факт, что Владимир Яковлевич имел серьезную военную специальность, говорит, что его устройством в кадетское, а потом военное училище уже было кому заниматься. По-видимому, сыграли свою роль связи отца – подпоручика.

В дворянских семьях ключевым вопросом всегда была судьба сыновей. Их наставляли, определяли на службу, следили за продвижением, способствовали по мере сил их карьере. Успешный сын был гордостью родителей. С начала XIX века времен детям стали давать образование, соответствующее дворянскому званию; сыновей стремились определить в кадетский корпус, потом в военное училище; дочерей – в институты благородных девиц.

Как известно из офицерской переписки примерно того же поколения русских дворян, что поступить эти училища было непросто, особенно на казенный счет. Чтобы восполнить картину забот семьи мальчика-дворянина, привлечем донские фонды.

Полковник Донского казачьего войска Иван Самойлович Ульянов, нелегким путем шедший по служебной лестнице, хотел облегчить дорогу своему старшему сыну Павлу. Он, используя привилегию, на которую мог рассчитывать Павел как крестник великого князя Константина Павловича, определил его в кадетский корпус в Санкт-Петербурге и строго наставлял:

*«Ты без сомнения знаешь, что после кадетского воспитания тебя ожидает шестилетняя кавказская служба. Я не говорю, что ты не должен служить, но мне не хотелось бы ссылать тебя в эту сторону с кадетской скамьи. Ты казак – следовательно[,] и без того не минешь службы кавказской. Теперь у нас есть примеры, что лучшие кадеты поступают в артиллерию, службу у нас почетную, и выгодную по содержанию»<sup>12</sup>.*

Отец советует ему подготовиться по «артиллерийским» наукам, а тогда и он хлопочет доставить сыну случай закончить начатое.

Опять же благодаря влиянию и хлопотам отца следующий сын Аркадий зачислен в не менее престижное, чем артиллерийское, Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге на одну из войсковых вакансий и на войсковой счет<sup>13</sup>. Но через пять лет в 1854 году он отчислен из него за неуспехи в науке и по просьбе отца, которую сам Аркадий и вымолил<sup>14</sup>. Иван Самойлович жаловался одному из товарищей:

*«Признаюсь, мне тяжело расставаться с надеждами, которые подавало прекрасное училище, но сын одно твердит, что у него нет способностей для головоломной математики»<sup>15</sup>.*

А Аркадию, уже, что называется, вдогонку писал:

*«Мне тяжело [...] видеть, что я напрасно себя мучил[,] хлопоча о твоём образовании. Больно, когда подумаешь, что*

*другие отцы едва дадут [...] случай к поступлению детям в учебные заведения...»<sup>16</sup>.*

По-видимому, отцам-Эрдели более повезло с сыновьями. Представители 3-го и 4-го поколений русских Эрдели показывают хорошие карьерные результаты.

Статусный рост Владимира Яковлевича хорошо прослеживается даже по женам Владимира Яковлевича. Если первой его женой была дочь поручика, то второй – дочь вице-губернатора Херсонской губернии П.П. Брюхачева, девица на 30 лет младше его.

Брат Владимира Яковлевича Георгий (1807-1976) уже начинал службу в столичных полках – в лейб-гвардии Семеновском полку. После отставки был избран уже предводителем дворянства Херсонской губернии (1871-1876). Он и стал отцом будущего белого генерала.

Первым генералом среди Эрдели был Феодосий Петрович, представитель того же 4-го поколения, что и Иван Георгиевич, но родившийся почти на 50 лет раньше, чем он, потому что между их отцами – родными братьями была разница в 37 лет.

Это поколение Эрдели уже породнилось не только с соседями-помещиками или офицерами-сослуживцами. Александр Семёнович Эрдели, занимавший в 1874 – 1890 годах пост губернатора Херсонской губернии, был женат на Анне Викторовне Лутковской, внучке Е.Г. Тёмкиной, дочери императрицы Екатерины II и князя Г.А. Потемкина-Таврического.

Примечательно, что сменил его в губернаторском кресле генерал-майор Сергей Вильгельмович Олив – дядя Мары Константиновны.

Имения Эрдели находились довольно кучно – на территории Врადиевского района, названного так по имени первого владельца этих земель полковника И. Врадия, который получил их за храбрость, проявленную в войне против турок. В середине XIX в. эти земли были выкуплены представителями рода Эрдели. К началу XX в. имения уже были изрядно поделены между

наследниками, и размер среднего эрделевского владения составлял около 500 десятин, что на юге не считалось крупным поместьем.

Отец будущего белого генерала Георгий Яковлевич Эрдели (14.04.1807-01.02.1876) был самым младшим в семье подпоручика Якова Павловича Эрдели (1750-1821), имевшего на 1807 г. возраст в 57 лет. Старшие братья и сестры Георгия были уже взрослыми людьми, когда он появился на свет. Потом эта история повторилась и с его сыном-последышем Иваном, рожденным 63-летним отцом.

В завещании Якова Павловича сказано:

*«Сыну моему, Георгию, сел[ение] Эрделиевку, не разделяя строений и заведений, не ставя ему того в честь, ибо на воспитание других употреблено мною немало сумм; а Георгий еще в малолетстве, для воспитания его нужны издержки. Так же 75 душ мужского пола, а женского – сколько при них случится»<sup>17</sup>.*

Георгий Яковлевич начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку, затем в Невском морском полку. Несмотря на название, полк был пехотным. Он относился к числа старейших русских полков, будучи сформированным в 1706 году. В основном за годы своего существования он квартировался в городах Прибалтийского края, преимущественно в Санкт-Петербурге, Риге и в Финляндии. Это справедливо и для 1830-х годов, когда в нем служил Георгий Эрдели. В отставку он вышел в чине штабс-капитана около 1838 года.

Ко времени, когда Георгий Яковлевич был энергичен и полон сил, относится закладка парка в имении<sup>18</sup>, описанная внуком Георгия Яковлевича и его полным тезкой в воспоминаниях. Г.Я. Эрдели построил в 1850 году в Эрделиевке и новый дом о двадцати восьми комнатах:

*«На увитом виноградом западном балконе нового дома дед и его семья проводили все свободное время. Отсюда, посасывая чубук и прихлебывая чай, Егор Яковлевич мог обозревать дерев-*

ню, лежащую по ту сторону пруда с плотиной, и Большой шлях, спускающийся по склону горы и идущий мимо ворот господского двора. Если вдали показывался въезжающий на плотину экипаж, внушавший своим видом доверие, раздавался дедов возглас: “Эй! Люди!” и хлопок в ладоши. Как из-под земли вырастал казачок, выслушивал приказание, стремглав бежал за ворота, останавливал экипаж и рапортовал седоку: “Барин приказал доложить, что он очень просит, чтобы вы заехали к нему отдохнуть да отведать хлеба-соли”. Седок, проехавший уже не менее пятидесяти верст (от ближайшей почтовой станции), с удовольствием соглашался. Прием ему оказывался самый любезный. Бывало, такой случайный гость задерживался в Эрделевке дня на два, на три.

И вот однажды казачок зазвал в дом некоего француза, который был поражен тем, что здесь, в бескрайней степи, свободно говорят на его родном языке, угощают французским вином, швейцарским и голландским сырами, чудесным кофе... Все это располагало к откровенности. Оказалось, что француз - известный садовник-художник и вызван в Россию затем, чтобы распланировать парк при одном из дворцов под Петербургом. Тут у деда блеснула мысль: “Вот кто должен разбить мой парк!” Стал об этом говорить гостю, но тот замахал руками: невозможно, его ждут в столице! На другой день с утра - то же самое. Разошлись до завтрака. За это время дед принял решительные меры: раздалось обычное “Эй, люди!”, сопровождаемое хлопком в ладоши, и появившийся казачок получил распоряжение: “Кучера приезжего напоить в лоск, гайки от колес отвинтить, спрятать в кладовую, а ключ от кладовой отдать мне!” Гость, позавтракав, собрался в путь, и тут ему докладывают, что его кучер пьянее дыма, а гайки от колес неизвестно где. Француз рвет и мечет, но обаятельность и любезность моей бабушки, перспектива изысканного обеда и чудесного вечера, непреклонность деда, заявившего, что пока парк не будет разбит, гайки не найдутся, а также обещание щедрого вознаграждения сделали свое дело: француз махнул рукой и принялся за дело. [...]

Будучи подлинным художником в своем ремесле, он пришел в такой азарт, что три дня его не могли оторвать от работы;

казачку, посылавшемуся к нему с приглашением “откушать”, он только нетерпеливо бросал: “Да-да, прекрасно, через минуту” – и не трогался с места. Завершив планировку, он перед отъездом целый день таскал деда за собой, наставляя, что и как надо делать дальше, и предупредил: парк по данному им подбору деревьев будет особенно хорош осенью.

И действительно, парк, вообще изумительно красивый, осенью делался просто великолепен: такой роскошной расцветки осеннего убора я нигде не встречал. Разбит он был по последней английской моде: там казался лесом с естественными лужайками, просветами, перспективами, там имел вид рожицы, там являл собой раскидистые группы дубов, ясеней, лип. Аллеи француз устроил с искуснейшим расчетом: никогда нельзя было и подумать, что идешь всего в нескольких шагах от только что пройденного места; только осенью, когда совершенно опадал лист, весь фокус открывался. Да, чудесный, замечательный был парк! Мне часто приходилось гулять по Дворцовому парку Гатчины, и я поражался его сходством с эрделевским: возможно, именно в Гатчину спешил тогда наш француз...»<sup>19</sup>.

Рядом с новым домом остался стоять прежний небольшой дом, который стали называть Старым. В воспоминаниях Эрдели-внука сказано:

«В Старом же доме было семь жилых комнат. В двух отдельных жил управляющий с семьей, четыре служили для размещения гостей; большой проходной зал, где в старину плясали деды, превращался осенью в “заготовочную”: свозились телеги капустных кочанов, и несколько женщин в течение восьмидвенадцати дней шинковали капусту, солили, трамбовали в бочки; там же зимой и перед Пасхой “разбирали” зарезанных кабанов, быков. При доме имелось два погреба. Таких я больше нигде не видел! Вглубь земли уходила лестница; она вела под обширные каменные своды. В один из погребов ссыпали неимоверное количество картошки, другой был усыпан толстым слоем влажного песка, в который по осени втыкали сотни корней петрушки, моркови, так что всю зиму мы имели свежую зелень и овощи»<sup>20</sup>.



Кроме этих ностальгических воспоминаний его внука, сына Якова Георгиевича Эрдели (1856-1919), земского деятеля и минского губернатора (1906-1912), надежных сведений о том, как провел лучшие годы своей жизни Георгий Яковлевич-старший, нет. Хотя и сохранились его «Советы моим детям», содержащие наставления экономического и карьерного характера, в которых встречаются некоторые упоминания о том, как чем он жил в эти годы, но они дают лишь общий абрис судьбы отставного офицера и рождают больше вопросов, чем содержат ответов. Этот примечательный документ помещен в приложении к книге. Он составлен престарелым отцом семерых несовершеннолетних детей<sup>21</sup> в состоянии острого беспокойства за их судьбу. Там он дает им и еще молодой своей жене Леониде Никоноровне, урожденной Тулубьевой, наставления по поводу того, как им жить после его смерти. Он болен и не сомневается, что дни его сочтены.

Сохранилась лишь вторая тетрадь его записок. Она начата 25 февраля 1871 года. Последняя запись сделана 15 июля 1875 года, за полгода до смерти Георгия Яковлевича. Записки начинаются с фразы: «Прошло два года, любезное мое семейство, как я прекратил мои заочные советы тебе!»<sup>22</sup> Заочные, по-видимому, потому что Георгий Яковлевич, будучи избранным предводителем дворянства Херсонской губернии, стал жить в Херсоне – в 250 верстах от дома. Но, возможно, что были и другие причины, а также другое место обитания главы семейства. Прямых указаний на это не сохранилось.

Отчего же немолодой и больной человек согласился занять пост губернского предводителя дворянства? Ведь в своих записках о всякой выборной деятельности он отозвался так: «Не стоит брать плуг в руки ранее 40 лет или даже служить по выборам общества. Последнее вреднее первого»<sup>23</sup>.

Это нередкое настроение среди дворян. Представители донского казачьего семейства Ульяновых, чьи сохранившиеся фамильные архивы постоянно вызывают параллели с перипетиями эрделевских судеб, высказывались в близкой тональности.

Павел Иванович Ульянов (1828-1889) вышел в раннюю отставку под предлогом болезни и занялся ведением хозяйства в приобретенной его отцом экономии «Мираж», расположенной в самой западной части земель Войска Донского. Павел в своих письмах к отцу с большой иронией отзывался о жизни местного дворянского сообщества, отмечая его мечтательность и склонность смешивать собственное честолюбие и общественную деятельность: «чают унаследовать Царствие небесное» и прославиться. Самому ему тоже приходилось служить на выборных должностях, но он шел на это только в самых крайних случаях:

*«Сижу дома, но мне необходимо быть у предводителя дворянства, который грозит мне новым каким-то выбором на службу. Но ведь я три года еще недавно отслужил – и не боюсь, т.е. могу отказать. По назначению служить ни в коем случае не буду, потому что это значит зависеть от какого-нибудь са-трапчика»<sup>24</sup>.*

При отсутствии влечения к подобного рода деятельности, тем не менее, Георгий Яковлевич взял на себя бремя службы губернским предводителем дворянства. Напомним, что это служба была безвозмездной, то есть непосредственной корыстной заинтересованности у главы многодетного семейства быть не могло. При этом должность была довольно хлопотной. Закон предусматривал членство губернского предводителя дворянства во множестве комиссий, посредством которых осуществлялась координация деятельности правительственных учреждений и согласование интересов различных сословий на губернском уровне.

Некоторую подсказку в отношении мотивов Г.Я. Эрдели можно усмотреть в процедуре выдвижения и утверждения на пост, о котором идет речь. Свободного выдвижения кандидатов в губернские предводители не было, кандидатами становились по должности. Первым голосовали за действующего губернского предводителя, затем за всех бывших губернских предводителей, следующим кандидатом был попечитель гимназии, затем

уездные предводители, занимавшие должности в последнее трехлетие, и затем вновь избранные уездные предводители. Георгий Яковлевич оказался в числе претендентов, поскольку ранее, по-видимому, был избран уездным предводителем дворянства. Косвенно на это указывает наличие у него чина V класса (статский советник), в котором утверждались те, кто по выслуге трех трехлетий пребывания в должности имел на него право. Губернские предводители утверждались в чине V класса по выслуге двух трехлетий, но Георгий Яковлевич не успел пробыть в этой должности положенных лет, скончавшись раньше.

Жалование предводители дворянства всех уровней не получали, но имели право на пенсию, судя по всему, это право у Г.Я. Эрдели уже было. Так почему же он не отказался, будучи выдвинут в губернские предводители, ведь это право у него было? По «Своду законов о состояниях» дворянами губернии избирались два кандидата, набравшие наибольшее число голосов, затем, через министра внутренних дел, кандидатуры представлялись императору, который назначал одного из них по своему усмотрению губернским предводителем дворянства. Оправданное службой личное доверие государя подразумевало возможность обратиться к нему с частными ходатайствами, в частности, о судьбе детей.

Георгий Яковлевич намекает о чем-то подобном. В последний год жизни он пишет:

*«...Попа [сын Павел – О.М.] посылается в морское училище, а Ваня принят в кандидаты на пажа. Если удадутся эти два последних предприятия, что Попа и Ваня будут воспитываться на казенный счет, то это немалое облегчение в расходах, не менее как на 1.500 руб. в год и более»<sup>25</sup>.*

По-видимому, жертвенная служба вызвана стремлением возложить на государство заботу о воспитании своих младших сыновей. Отец знал, что самому это сделать уже не удастся.

К слову, Ивану не пришлось учиться в самом элитном военно-учебном заведении Российской империи – Пажеском кор-

пусе, но он закончил Николаевский кадетский корпус. Также престижное военное заведение, однако в корпусе не было мест для казеннокоштных воспитанников, а плата за обучение была значительно выше, чем в других подобных заведениях<sup>26</sup>. Впрочем, как писал о своих сыновьях Георгий Яковлевич: «Собственной материальной поддержки у них довольно для всякой службы»<sup>27</sup>. Но у него было еще три дочери, и каждой нужно было собрать приличное приданное – 20 тыс. руб. Режим экономии был включен и в этой связи.

Итак, мотивы несения службы по выбору дворянства ясны, как и причины написания этих «Советов моим детям». Но что они могут рассказать о личности Георгия Яковлевича?

В них он предстает как опытный помещик и хозяин. Он не только описывает состояние дел в имении, но и учит детей приемам хозяйственного мышления; делает подсчеты и объясняет мотивы тех или иных своих действий; пытается объяснить, как работает механизм товарной сельскохозяйственной экономии. Мы можем почувствовать, что имение – это его жизнь, его любовь, это подлинная страсть. Не случайно на память приходит другой помещик, автор известных писем «Из деревни» А.Н. Энгельгардт, который так и писал:

*«...Решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о Хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет»<sup>28</sup>.*

По-видимому, Георгий Яковлевич не сразу постиг науку хозяйствования. Известно, что он потерял одно из имений, заложенное в Земельный банк – хутор Бордюже. Но и оно осталось в семье, было выкуплено его племянником Николаем Владимировичем Эрдели<sup>29</sup>. Но в дальнейшем он умело маневрировал кредитами и доходами, получая за счет залога имения в банке свободные средства для решения хозяйственных и семейных вопросов, в итоге преумножая свое достояние.

Из архивного текста известно, что он любил путешествовать, находил время съездить и в столицу, и за границу. В «Советах моим детям» он излагает требование, чтобы в детстве детей отправляли за границу на несколько лет: для того, чтобы овладели европейскими языками:

*«С новыми [в отличие от древних, латыни и греческого – О.М.] языками можно составить хорошую и скорую карьеру в морской службе и по министерству иностранных дел»<sup>30</sup>.*

Образование он признает подходящим для своих детей только столичное. Но не из снобизма и соображений престижа. Только в Санкт-Петербурге, по его мнению, можно усвоить правильный настрой мысли.

*«Окончательно образовывать Попу [Павла – О.М.] и Ваню конечно надо в Петербурге, другим местам я не верю и более [всего] заведению (?) в Одессе. – Одесса довольно уже убила Эрделиев. В Петербурге они [сыновья – О.М.] усвоят и мысль, что надо служить, то есть работать. Они будут всегда видеть там юношей, которые готовятся для государства и общества. От Москвы и до Одессы они увидят только тех фатов, которые, проповедуя о социализме и коммунизме, отрицая собственность, чтобы на оставленную им отцами собственность распутствовать, пренебрегать и дичиться порядочного общества. Конечно, в ресторации гораздо легче быть героем, чем в обществе образованных людей, да даже на балах и в порядочных семействах»<sup>31</sup>.*

Каких «Эрделиев», убитых Одессой, имел в виду Георгий Яковлевич? Может быть тех, что стали активными земскими деятелями? Таковых в роду было немало. Александр Семёнович Эрдели (1825-1898), выпускник не только Царскосельского, но и Одесского Ришельевского лицея, с 1865 года стоял у истоков южнороссийского земства, сначала уездного уровня, потом и губернского. При его участии началось становление системы земского образования и медицины. Одновременно с этим он со-

стоял мировым судьей Елисаветградского уезда. В 1874 году он был назначен губернатором Херсонской губернии и в этой должности пребывал более пятнадцати лет. Сергей Павлович Эрдели (1834-1897) – председатель Херсонской земской управы в 1874-1892 годах. Николай Владимирович Эрдели был гласным Ананьевской уездной земской управы в 1876-1897 годах, его сын Борис продолжил вслед за отцом земскую деятельность. К сожалению, сведений об образовании этих лиц не имеется, поэтому полноценный вывод о том, что имел в виду Георгий Яковлевич, говоря об «убитых Одессой», сделать нельзя.

Пренебрежение к знакам препинания породило вероятность двоякого толкования одного отрывка из его записок. 25 февраля 1871 года Георгий Эрдели писал:

*«...Я по сделанной на службе привычке не мог уже увлекаться мотовством, идя терпеливо со своими делами; ездил в Петербург, за границу два раза женился еще, и всем тем не только не промотал наследства, но нажил для Вас семерых имение...»<sup>32</sup>.*

Получается этакая амфиболия: то ли за границу ездил дважды, то ли был женат дважды.

Если истинен второй вариант (а для этого есть некоторые основания), то это несколько объясняет имеющиеся в генеалогических базах данных неувязки. Дата рождения его супруги Леониды Никаноровны указана как 1843 год, а старшая дочь родилась в 1853 году. Конечно, может быть, что Леонида родилась где-то в начале 1830-х годов<sup>33</sup>. Но в любом случае, странно, что, выйдя в отставку около 1838 года, Георгий Яковлевич женился только в начале 1850-х.

Возможно, что первый брак был бездетным, и все дети родились во втором браке.

А возможно, что не все дети Георгия Яковлевича рождены Леонидой Никаноровной. Даты рождения детей таковы: 1853 (Ольга), 1854 (Георгий), 1856 (Яков), 1858 (Александра), 1859 (Вера), 1861 (Павел), 1868 (Леонида), 1870 (Иван)<sup>34</sup>. Обращает

на себя внимание перерыв между рождением Павла и Леониды в семь лет. Косвенно эту версию может подтвердить тот факт, что в своих «Советах детям» Эрдели хотел бы, чтобы его вдова была экономически независима от детей. Он требует наделить ее недвижимой собственностью, купив специально для нее земельное владение. Но все это лишь предположения.

Одно несомненно, что матерью Ивана была Леонида Никаноровна. Известно о ней немного. Судя по всему, она была бесприданницей. Стремление супруга обеспечить ее свидетельствует об этом, как и разница в возрасте в 36 лет.

В Государственном архиве Одесской области сохранилась переписка той ветви семьи Эрдели, которая владела имением Мостовое Ананьевского уезда Херсонской губернии. Это родной брат Георгия Яковлевича – Владимир (1798 г.р.), сын того Николай Владимирович (1848-1902) и его потомки. В одном из писем, подписанном А. Эрдели (инициал не расшифрован, дата не указана), говорится:

*«Я слышал, что Ольга была больна лихорадкой, пишите, пожалуйста, что они делают; скучает ли Леонида Никаноровна по-прежнему. [...] Скажи, пожалуйста, Егору Яковлевичу<sup>35</sup>, что его карточки вышли порядочно, и что я их скоро вышлю. Поклонись им всем от меня и скажи, что желаю поскорее с ними встретиться, но в Эрделевке нет, что херсонская Леонида Никаноровна мне не нравится»<sup>36</sup>.*

В другом письме, датированном 19 января 1872 года (автор – женщина из клана Эрдели), также сообщается об интересующих нас людях:

*«А Егор Яковлевич с женой и дочерью переехали на жительство в Херсон и скоро дадут громадный блестящий бал, чтобы повеселиться вдоволь»<sup>37</sup>.*

Вероятно, что речь идет о переезде в связи с исполнением обязанностей губернского предводителя дворянства. Упомяну-

той в письме дочерью, скорее всего, была старшая Ольга, которой на тот момент было уже девятнадцать лет, и вывоз ее в губернский город мог быть связан с намерением подыскать ей жениха. Она действительно вскоре вышла замуж за Павла Александровича Зеленого (1840-1912). Это был не известный одесский градоначальник, высмеянный дрессировщиком В. Дуровым<sup>38</sup>, а его родственник и полный тезка.

Георгий Яковлевич Эрдели умер 3 февраля 1876 года. У него было восемь наследников: вдова и семеро детей – Ольга, Георгий, Яков, Вера, Павел, Леонида, Иван. После смерти мужа Леонида Георгиевна оказалась владелицей одного из сел – Копанки<sup>39</sup>. При сдаче в аренду эта земля приносила при жизни ее мужа ежегодный доход в 3 тыс. руб. Но судя по тому, что хранящийся в архивно-исторической коллекции Кировоградского областного краеведческого музея план села Копанок снят с чертежа, находящегося при деле Земского банка Херсонской губернии, говорит, что имение было к 1889 году уже заложено.

А имение было немаленьким и богатым. Землемер так описал это владение:

*«...Под господским двором и садом 1 дес. 1200 саж., бывшим старым током 1 дес. 2100 саж., старым загоном и постройками 1500 саж., под бывшим старым амбаром 200 саж., кирпичным заводом 360 саж., левадою ниже плотины и бывшей водяной мельницы 2 дес. 950 саж., господским трактиром 400 саж., усадьбою церковно-служителей 654 саж., двумя экономическими усадьбами и садом 1 дес. 4 саж., селищем и бывшим садом 11 дес. 2092 саж., под прудом и истоками 11 дес. 900 саж., берегом для очистки пруда по 6 саж. – 1 дес. 240 саж., из общего выгона 26 дес. 2230 саж., итого 59 дес. 830 саж.; полевой, пахатной и сенокосной 528 дес. 400 саж., под болотистыми местами и истоками 4 дес. 344 саж., садом и левадою при меже села Эрделевки 5 дес. 410 саж., под дорогами 2 дес. 900 саж. [...] А всего в окружной меже, за исключением крестьянской, 599 дес. 484 кв. саж.»<sup>40</sup>*



В этом году Леонида Георгиевна все еще вдова – «статская советница Эрдели». Но в дальнейшем она вышла замуж за генерала Александра Николаевича Ободова<sup>41</sup>, который только благодаря этому факту и вспоминается. В списке землевладельцев Елисаветградского уезда на 1908-1909 гг. она уже значится женою генерал-лейтенанта Ободова, а в документах 1913 г. – его вдовою.

Иван Георгиевич родился 15(27) октября 1870 году в с. Эрделевка. О ранних его годах ничего не известно. Знаем только, каким хотел видеть его детство умудренный жизненным опытом отец: с 8-9 лет жизнь за границей, потом учеба в Пажеском корпусе. Была ли реализована эта программа, наверняка сказать трудно. Но европейские языки генерал знал хорошо. Не случайно ему неоднократно командованием ВСЮР поручались дипломатические миссии. Но в Пажеский корпус Иван не попал, окончив Николаевский кадетский корпус – учебное заведение также не из разряда бросовых.

Среди Эрдели не было радикалов – ни правых, ни левых. Для них типичны два варианта биографии: первый – недлительная военная служба, уход в отставку и занятие сельским хозяйством, одновременно участие в местных делах по дворянской и земской линии; второй – выбор военной карьеры как дела жизни.

Брат Яков Георгиевич (1856-1919) пошел по первому пути. Он закончил гражданское учебное заведение Александровский лицей и поступил на службу по Министерству внутренних дел с откомандированием в распоряжение Рязанского губернатора. В ноябре того же года, на правах вольноопределяющегося, перешел на военную службу в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Этот полк был «закреплен» за Эрдели. Впрочем, как и другие гвардейские кавалерийские части, ведь Эрдели продолжали считаться «венгерцами».

В марте 1879 года Яков был произведен в корнеты, а в мае того же года уволился от военной службы для поступления на

гражданскую. Надо отметить, что он окончил Александровский (бывший Царскосельский) лицей, а это значит по характеру изучаемых дисциплин, что он готовился для исполнения гражданской службы, потому что в 1850-1870-е годы учебные программы лицея все больше приближались к курсу юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

С 1882 года он жил в своем имении в Елисаветградском уезде Херсонской губернии, посвятив себя ведению хозяйства и общественной деятельности. С первых же дней сельской жизни он избирался гласным уездной управы, почетным мировым судьей, уездным предводителем дворянства. Успешная работа по линии народного образования (в течение почти двух десятилетий председатель правления Елисаветградского земского реального училища) способствовала его производству в действительные статские советники по представлению министра народного просвещения.

В 1906 году, накануне введения земства в западных губерниях, был назначен минским губернатором и пробыл на этом посту более шести лет. В октябре 1912 года был избран в члены Государственного Совета от Херсонского земства. Там занимал центристские позиции. Яков Георгиевич погиб в 1919 году во время анархо-махновской власти в Елисаветграде, будучи арестованным как брат белого генерала.

В одной из опубликованных ранее монографий автор ставил задачу выявить причины чувствительности представителей разных сословий к леворадикальным идеям. Ее решение, далекое от полноты, осуществлялось путем сравнения этапов взросления тех, кто ушел в оппозиционный лагерь, и их ровесников, избежавших этого. Один из факторов был связан с тем, что в предреформенное и пореформенное время дворянские семьи оскудевали, их отпрыски оказывались в поисках новых путей жизни и новых идеалов, на обанкротившиеся отцовские стандарты жизнеустройства они смотрели свысока. Нарастание экономических проблем в этом слое благоприятствовало не только появлению бунтарей. У рано повзрослевших молодых людей

формировалась тяга к получению практических знаний, что и обеспечивало им отсутствие интереса к кружковой деятельности и пустым разговорам. П.П. Семёнов-Тянь-Шанский (1827-1914) рано лишился отца и провел несколько лет, ухаживая за душевно больной матерью. В юности вместе с близким другом Н.Я. Данилевским, братьями Майковыми, Д.В. Григоровичем, Ф.М. Достоевским, М.Е. Салтыковым (Щедриним) он посещал кружок М.В. Бутаевича-Петрашевского, но активистом, как и многие его завсегдатаи, не стал. В воспоминаниях он писал о себе, что с восторгом прислушивался к далекому для него шуму борьбы за свободу, но сам борьбы не затевал и революционером не был<sup>42</sup>. Бремя ранней ответственности ощутил на себе и А.И. Деникин: с 15 лет он выполнял отцовский завет, данный перед смертью: береги мать.

Семья Эрдели в этом смысле была благополучной, в пореформенное время она была на подъеме благополучия. У ее молодых членов были вполне четкие перспективы в жизни, чем они и пользовались. Дробление имений у наследников различных ветвей Эрдели приводило их в ранг среднепоместных помещиков. Но земли были черноземные, Херсонская губерния входила в зону товарного сельского хозяйства, разветвленная сеть железных дорог и близость портов помогали избегать больших затрат на транспортные расходы. Эрдели на рубеже веков только-только начали спускаться с достигнутого их отцами пика материального достатка. Понимая это, они немало усилий тратили на общественном и служебном поприще, компенсируя недостаток доходов от земельной собственности за счет чиновничьего и офицерского жалования, связей в бюрократическом мире, доступа ко двору.

Иван Эрдели потерял отца, будучи шести лет от роду. Он унаследовал 594 десятины при деревне Краснополь Эрделевской волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Имение называлось хутор Роща. На 1911 год оно составляло 408 десятин. От губернского города – 250 верст, уездного – 55 верст. Ближайшая железнодорожная станция Плетёный Ташлык

находилась в 20 верстах. Не так плохо для земледельческого хозяйства. Рядом находилась земля его брата Якова.

В возрасте десяти лет он был определен в Николаевский кадетский корпус. В ближайшем уездном городе – Елисаветграде – тоже было училище, но юнкерское. Кавалерийским оно стало только в 1902 году. Родные юного Ивана, наверняка, заботясь о его последующей карьере, отправили мальчика в одно из самых перспективных столичных училищ, через которое прошли и многие из них.

Николаевским кадетам разрешалось иметь лакеев, носить шашку и заниматься верховой ездой в манеже Николаевского кавалерийского училища, куда многие из выпускников поступали после кадетского училища. В 1887 году окончил корпус и стал юнкером этого училища с двухлетним курсом и Иван, однако с пропуском в один год, причина которого не известна. По-видимому, это было связано с семейными обстоятельствами.

Традиции этого элитарного военного учебного заведения были описаны его выпускниками – в эмиграции Евгением Вадимовым и в среднеазиатской ссылке Владимиром Сергеевичем Трубецким<sup>43</sup>. Кроме устава училища оба года юнкер жил по «славной традиции» училища, называемой «цуком». Это традиция беспрекословного подчинения младшего курса («зверей», «скифов» и пр.) старшему («благородному корнетству»). Вадимов вспоминает «цук» как что-то забавное и необременительное для «зверей», поскольку старшим запрещалось оскорблять личное достоинство младших и исключалось рукоприкладство, – за это обеим сторонам грозило немедленное изгнание из училища. Трубецкой настроен иначе к «славной традиции». Он называет «цук» беспощадным и считает его системой издевательства старших над младшими и излагает имевшую хождение среди юнкеров версию происхождения «цука»: тот был введен обучавшимся в училище в 1832-1834 годах Михаилом Юрьевичем Лермонтовым<sup>44</sup>. А Вадимов сообщал о проведенной шпорой Лермонтова по полу курительной комнаты полосы, разделившей помещение на зоны для «зверей» и для «корнетов».

Всякое нарушение пространства сопровождалось окриком: пол обвалится! Участие в системе «цука» было добровольным. Просто отказавшийся выходил в армию с клеймом «отказника» и ни в одном полку не был бы принят за своего.

Трубецкой объяснял причину столь нежного в последующем отношения выпускников училища к этой традиции тем, что тяжести первого года всегда сглаживались, и «всякий цукаемый первокурсник, на второй год превращался из цукаемого в цукающего»<sup>45</sup>. Он также противопоставил Николаевское кавалерийское училище Пажескому корпусу, в котором процесс обучения длился девять лет, переводы из других учебных заведений не допускались, и в силу кастовости и замкнутости в нем царила, по словам Трубецкого, «особая печать утонченного благообразия и хорошего тона». Принцип цука был не чужд и пажам, однако там все это не выходило из рамок человеческого достоинства и строгого приличия. Впрочем, бывший паж Пётр Александрович Кропоткин писал, что и в Пажеском корпусе нравственная атмосфера была отвратительной<sup>46</sup>.

Как мог отразиться этот юношеский опыт «цука» на характере будущего генерала? Он научился подчиняться, но и командовать, то есть усвоил полезные социальные роли. Наглядные уроки изъянов пребывания на нижних ступенях иерархии нацеливали на карьерный рост. Был усвоен принцип ценности корпорации. Это стало критерием оценки людей. В годы Гражданской войны он как русский генерал не мог принять поступок другого русского офицера, который поклялся служить государству, возникшему на развалинах их общей родины<sup>47</sup>. Навыки выполнения прихотей «благородных корнетов» пригодились генералу в 1919 году в Порт-Петровске. Когда он поселился в лучшей когда-то гостинице города, то смог самостоятельно справиться с неудобствами: «Номер сырой, холодный, грязный и неудобный. Начал с очистки, мытья пола, потом раскрыл замazanное окно, и в первый раз за неделю, кажется, номер оказался проветренным»<sup>48</sup>.

Кадетский корпус и кавалерийское училище сделали свое дело и воспитали образцового офицера. А среди природных наклонностей Ивана Эрдели была необыкновенная музыкальность. Это была семейная эрделевская черта. Среди родственников Ивана Георгиевича две знаменитые арфистки – двоюродная сестра Ксения Александровна Эрдели и внучатая племянница Ольга Георгиевна Эрдели.

Будущий генерал обладал абсолютным музыкальным слухом и был в высокой степени эмоционально восприимчив к мелодическим образам. Сила и яркость вызванных музыкой впечатлений, смысловых ассоциаций и психологических переживаний была одним из способов его эмоциональной релаксации и восстановления сил от физических и эмоциональных нагрузок. Музыка на страницах его дневника посвящено немало восторженных слов. Казалось, дневные стрессы вечером сгорают в звуках музыки. Эрдели не был любителем вина и сигарет, подлинное удовольствие и расслабление ему давали музыка и хорошие книги.

Иван Георгиевич был человеком эмоциональным. Это родовое качество было отмечено в воспоминаниях его племянника Георгия Яковлевича, сына бывшего минского губернатора: «Следует прибавить, что все Эрдели обладали кипящим темпераментом, перешедшим с венгерской кровью: мгновенно зажигались, вспыхивали, но так же быстро успокаивались»<sup>49</sup>. Экспансивность Эрдели нашла выражение и в их частной жизни.

В том, что личная жизнь представителей этой семьи не всегда подчинялась общественным правилам, виновата не только горячая кровь, но и постепенное ослабление давления внешнего мнения на поведение отдельного человека. Вернее будет выразиться так: неконвенционное поведение существовало всегда, но в пореформенное время и позже его все меньше стыдятся и скрывают. Быть как «не все» на фоне философски-нравственного переосмысления старых ценностей искусством Серебряного века становится даже модным.

Уже отмечалось, что основным поводом к написанию данной книги стал факт существования писем-дневников Ивана Георгиевича к Маре Свербеевой, с которой его связывали неосвященные церковью и непризнанные обществом чувства и отношения, в связи с чем небезынтересно, какие обыкновения в области сердечных дел проявлялись другими членами семьи Эрдели.

Знакомство с перепиской владельцев имения Мостовое дает представление об их частной жизни. Двоюродный племянник генерала Борис Николаевич Эрдели (род. в 1876 году) с женой Верой Константиновной (урожд. Дитц) в 1908-1910 годах оказались у разбитого супружеского очага. По некоторым фразам из писем можем судить, что у Бориса Николаевича появилась пассия – худая как вобла, так ее описала в письме законной жене Вере Константиновне некая соседка по фамилии Супруженко. Она называет ее также «mademoiselle». Возможно, это была гувернантка сыновей Б.Н. Эрдели. Супруженко описывает ее возвращение из Одессы: Борис Николаевич привез ее оттуда на автомобиле<sup>50</sup>. Дата на письме отсутствует.

Также недатированное письмо некоего Шмуля представляет собой кляузу на гувернантку по фамилии, начало которой удалось прочитать как «Четвери». Она, гуляя с маленьким сыном Бориса Николаевича, ходит в деревню и там общается с простыми парнями, которые не следят за своей речью в присутствии маленького мальчика. Чему он там научится, подумать страшно, сообщает обеспокоенный обыватель.

В период семейного кризиса мать Веры Константиновны, жившая в Санкт-Петербурге или в Москве (известно, что на улице Моховой), общается посредством переписки с зятем и дочерью. По законам жанра отношения с зятем у нее напряженные, поэтому в ее письмах нет упреков в его адрес, она только осторожно выражает сочувствие своей дочери.

Перед началом войны с Германией, казалось, тучи рассеялись. Мать шлет в имение к дочери новую учительницу и выражает надежду, что, став мировым судьей, Борис Николаевич

будет более занят и перестанет быть таким нервным<sup>51</sup>. Переписка, датированная весной 1916 года, свидетельствует, что семейный мир ненадолго утвердился в имении. В это время, до мая 1916 года, Борис Николаевич находился в действующей армии по линии Красного Креста. Но вскоре, в августе, опять разлад.

Явно к военному времени относится письмо некой Елены, которая после окончания курсов, вероятно, сестер милосердия, собирается ехать на фронт. Но перед этим она хочет повидаться с Борисом. Это для нее крайне важно, она настаивает на их встрече, не принимая никаких отговорок. Возможно, именно эта встреча повлияла на судьбу брака Бориса и Веры. В августе 1916 года Вера Константиновна уехала из поместья, оставив там детей. Ее мать возмущена: «негодяйка» будет жить в поместье! Она будет заниматься хозяйством! Оказывается, Вера Константиновна разводила в имении коров. Оставлены не только четверо детей, но и милые симменталки.

Но и Вера Константиновна жертва лишь отчасти. Она еще не свободна, пока ее муж только настаивает на разводе, но она уже не одна. Около нее обнаруживается присутствие некоего «Гр. И.», человека с тяжелым характером. Это корбит родственников с обеих сторон. Во время бракоразводного дела мать Веры расстроена намерением дочери вновь связать себя узами брака<sup>52</sup>. Любопытно адресованное Вере письмо сестры Евгении, которое показывает насколько изменилось по сравнению с прежними временами женское поведение:

*«Очень жаль, милая Вера, что ты не живешь здесь, мы бы с тобой повеселились. Вчера я встретила в клубе “Кахо”. Он говорит, что хорошо помнит тебя и очень тебе симпатизирует. Теперь он в отставке и не живет с женой, а ходит по дамским клубам. Я думаю, что ты его помнишь»<sup>53</sup>.*

При таком наложении бурного темперамента и среды семейная жизнь Ивана Георгиевича не обещала быть спокойной. Особенно для его законной жены.



Первым браком Эрдели был женат на Марии Александровне Кузминской (1869-1923), родной племяннице Софьи Андреевны Толстой. Ее матерью была Татьяна Александровна Берс, чья судьба и черты характера были положены Л.Н. Толстым в основу образа Наташи Ростовской.

Иван был младше Марии на год. Они познакомились, когда ему было 17 лет, и именно этот факт мешал их родителям дать согласие на брак. Он производил впечатление «жалкого, слабого, чистого и нежного мальчика»; Мария была безоглядно влюблена, впрочем, как и юный Иван. Между началом знакомства и свадьбой прошло четыре года.

Иван Эрдели как жених Маши Берс фигурирует на страницах дневников самого Толстого и его жены Софьи Андреевны. Он появляется в дневниках графини Толстой в декабре 1890 года. Из дневника Софьи Андреевны:

*«23 декабря. [...] Сегодня... приехала Маша Кузминская с Эрдели, мне неприятно было, что с **ним**, – и я не скрыла. [...]*

*24 декабря. [...] Маша Кузминская с Эрдели не особенно приятны: ни то ни се, объявить женихами не велят, а ведут себя так. Моя Маша жалка своей худобой и грустью. [...]*

*25 декабря. Рождество. [...] Елка прошла весело... С Эрдели в первый раз говорила откровенно об его отношениях к Маше Кузминской и об его свадьбе будущей. Они жалки с Машей; им так хочется соединиться, и все что-то мешает»<sup>54</sup>.*

*«5 января. [1891 года] Маша Кузминская читала мне письмо Эрдели. У них там все сплетни и неприятности; бедные, молодые, все это терзанье напрасное»<sup>55</sup>.*

Запись от 7 января 1891 года в дневнике Софьи Андреевны продолжает рисовать отношения молодых Ивана и Марии как бы с налетом болезненности, а также странным образом переключается с еще ненаписанным текстом дневников Эрдели 1918-1919 годов:

*«Маша Кузминская совсем безлична: она вся в своей любви к Эрдели, и весь мир для нее перестал существовать.*

*Сегодня думала, что в мире совершается 9/10 событий, выдающихся по поводу какого-нибудь рода любви или проявления ее; но все люди это тщательно скрывают потому, что пришлось бы выворачивать все самые тайники людских дум, страстей и сердец. И теперь я много могла бы назвать таких явлений, но страшно, как страшна нагота на людях. [...] О любви, как двигателе, я выразилась неясно. Я хотела сказать, что если любовь овладела человеком, то он ее вкладывает во все: в дела, в жизнь, в отношение к другим людям, в книгу, во все влагая такую энергию и радость, что она делается двигателем не одного человека, а всей окружающей его среды. Потому я не понимаю любовь Маши Кузминской. Она точно подавлена. Или это слишком долго продолжается»<sup>56</sup>.*

Софья Андреевна была очень привязана к Маше и почему-то чувствовала вину за недостаточную любовь к ней. Так она записала в своем дневнике.

В эти дни Иван ездил к матери за разрешением на женитьбу, но получил отказ. 3 декабря 1866 года были утверждены правила, по которым офицерам русской армии запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. Вторым условием было получение разрешения начальства, которое было обязательным для офицеров, не достигших 28 лет. Третьим условием был так называемый реверс – денежный взнос в размере нескольких тысяч рублей, вносимый офицерами в обеспечение будущей семейной жизни при женитьбе. Этот капитал должен был приносить не менее 250 руб. чистого дохода в год. Очевидно, что для Ивана Эрдели в тот момент главным барьером на пути к женитьбе была мать. Он был раздавлен решением Леониды Никаноровны. Тогда-то и записала в дневнике Софья Андреевна: «Он жалкий, слабый мальчик».

День 20 января, когда Иван вернулся от матери с отказом, наиболее подробно описан в дневнике кузины Маши – Татьяны Толстой, старшей дочери писателя.

«Маша Кузминская получила вчера письмо от Ивана, в котором он говорил, что его мать хочет, чтобы он подождал женьиться еще два года, и вот мы сегодня все решили сказать ему, что это невозможно. Встретив нас, он всмотрелся в наши лица, и сейчас же его лицо как-то упало. Он видел, что мы встревожены и расстроены (Маша вчера плакала), и это сейчас же на нем отразилось. Приехавши домой и позавтракавши, мы разошлись по своим делам, а Маша с Иваном остались в зале. Перед самым обедом Мишка ко мне прилетел, говоря, что Маша ревет. Я пошла наверх и увидала Машу, уткнувшую голову в колени и рыдающую, Ивана, стоящего против печки, бледного, как смерть, и всего дрожащего, и **тата** тоже заплаканную, тут же сидящую. Маша ушла вниз, и я немного погодя за ней и спросила у нее все, что произошло. Оказывается, что **тата** пришла к ним в залу и стала спрашивать Ивана про то, что его мать сказала на его брак, и, узнавши ее решение, сказала, что, очевидно, мать совсем этого не желает, и что двух лет ждать нельзя, что Машино несчастье важнее, чем неудовольствие матери, и что ей жалко смотреть на них и т. д. Маша плакала, **тата** тоже, а Иван ушел в гостиную и там без чувств повалился на диван. Маша, рассказывая это, просто кричала от рыданий. Мне самой было страшно его жалко – сам еще такой ребенок, и такая на нем огромная ответственность. И Машу жаль: она положила всю свою жизнь, все свои надежды на эту любовь, и если она рухнет, то ей ничего на свете не останется. А рухнуть она может. Мать, очевидно, имеет большое влияние на сына и, очевидно, хочет расстроить эту свадьбу, а он слабый и молодой и может подчиниться ее влиянию. Потом мы привели Ивана вниз к Маше, чтобы увести его от **тата**, и тут мы все плакали... После обеда опять они сидели вдвоем и говорили до тех пор, пока Маша не расплакалась и не пришла меня позвать пройтись с ней. [...]

Меня трогает ее доверчивое отношение ко мне, даже в мелочах. [...] Бедная! И в ее любви я ей помочь не могу. Я вижу, как она просто тает, и только могу ей повторять, чтобы она не клала своей жизни в этом, и вместе с тем утешать ее, говоря, что все устроится. Что за сильная и злая страсть – любовь! Как тут можно жить хорошо и помнить свои обязанности, ко-

*гда все существо захвачено этой эгоистичной и жестокой страстью? Какое при этом полное равнодушие ко всему и всем вне этого. Мне иногда жалко, что я никогда не испытала этого, потому что никогда не была любима, когда сама любила. Но, когда я ясно себя представляю в таком положении, я чувствую, как страшно мне захотелось бы отделаться от него и опять быть свободной, жить полной жизнью и быть в состоянии все видеть, что вокруг, а не быть прикованной к одной точке»<sup>57</sup>.*

Но в мае 1891 года Иван уже зовется женихом Маши. Удалось ли уговорить его мать, осталось неизвестным. Но, учитывая, что никого из Эрдели на свадьбе не было, может быть, что брак был заключен вопреки воле Леониды Никаноровны. А как были преодолены другие препятствия, такие как разрешение начальства и одобрение офицерской среды? Надо не забывать, что отец Марии Александровны был крупным чиновником по судебной части, входил в бюрократическую элиту империи.

Свадьба состоялась 25 августа 1891 года в Красной Поляне. Благословляли Ивана Софья Андреевна и ее брат. Утром этого дня Софья Андреевна повезла Ванечку Эрдели в карете в церковь:

*«Мне жаль было этого юного, чистого, нежного мальчика, что он так рано берет на себя обязанности и что он так одинок». Накануне вечером она с сестрой Татьяной, матерью Маши, говорили с женихом и невестой о супружеских отношениях: «...Я им рассказывала, как я замуж выходила, и передо мной возмужала вся моя прошедшая безотрадная довольно жизнь. Безотрадность эта особенно обнажилась теперь. Если в молодости жили любовной жизнью, то в зрелые годы надо жить дружеской жизнью. А что у нас? Вспышки страсти и продолжительный холод; опять страстность и опять холод. Иногда является потребность этой тихой, нежной, обоюдной ласковости и дружбы, думаешь, что это всегда не поздно, и всегда так хорошо, и сделаешь попытки сближения, простых отношений, участия, обоюдных интересов, и ничего, ничего, кроме сурово,*

*брюзгливо смотрящих удивленно глаз, и безучастие, и холод, холод ужасающий»<sup>58</sup>.*

Все записи Толстых об отношениях Ивана и Маши Кузминской какие-то минорные, неодобрительные. Как указывается в комментариях к дневникам Софьи Андреевны, сам Толстой также неодобрительно относился к предстоящему замужеству М.А. Кузминской. 9 января 1891 года он писал ее матери:

*«Маша твоя очень мила, но страшна: страшно так ставить всю жизнь на одну карту, как она делает, что я ей и говорю»<sup>59</sup>.*

В записи его дневника от 5 октября 1893 года о судьбе собственной дочери Марии Львовны, увлекшейся учителем музыки младших братьев, говорится по-толстовски менторски:

*«Надо не мешать им жить, не мешать им ошибаться, не мешать им страдать и каяться и идти этим вперед»<sup>60</sup>.*

Это не значит, что великий писатель равнодушен к судьбе племянницы, просто он как обыкновенный гений любит наблюдать за людьми и позволять им изнывать и терзаться.

Видимо, Иван не был близок ни с матерью, ни с братьями и сестрами. Может быть сказывались характер матери и разница в возрасте с другими детьми Георгия Яковлевича. Он стал частью семьи Кузминских, особенно тогда, когда служил в столицах.

Но со временем между ним и семьей жены пробежала какая-то черная кошка. К ссоре это не привело, но отношения стали прохладными. По-видимому, охлаждение к жене привело к охлаждению и в отношениях с ее родственниками. Контакты не прерывались, просто стали не такими как раньше. С точки зрения той стороны – семьи Кузминских, Иван Георгиевич стал слишком далек от собственной семьи: жены и детей.

В «листках» за 1920 год он пишет о приезде в Екатеринодар Дмитрия Кузминского<sup>61</sup>, брата его жены, который был зна-

чительно (на девять лет) младше ее. Иван Георгиевич ценил его как самого, по его мнению, стоящего представителя «берсовской» семьи:

*«Дмитрий Кузьмин[ский] – хороший основательный человек и очень ко мне расположен. Из Берсовской семьи исключение. Честный, хороший служака, благородных взглядов, вообще человек, а не балалайка, и приспособлен для жизни»<sup>62</sup>.*

К сожалению, основания столь решительного перехода от влюбленности к равнодушию мы так и не узнаем. Причина не только в отсутствии соответствующих документов, но и в том, что гибель любви – это настолько неуловимо и необъяснимо, что не может быть подчас объяснена и самим человеком. Может быть, Иван просто устал от пережитого напряжения; от ожидания счастья, которое в чем-то не оправдалось. Известно, что Маша проводила много времени в Красной Поляне, где столь же часто бывала ее мать. Может быть, сказалась разлука супругов.

Детей в этом браке родилось четверо: в 1892 году – Иван-младший; в 1896 году – Мария-младшая; в 1901 году – Георгий; в 1904 году – Александр. В 1919 году Иван Георгиевич уже не образцовый родитель: слишком мало он вспоминает о своих детях на страницах дневника, что и объяснимо, ведь он адресован не их матери. Генерал осознает недостаточность своей отцовской заботы о детях и испытывает вину. Старший сын Иван зимой 1919 года сумел пробраться к нему в Екатеринодар, но его присутствие тяготило отца. Лишние глаза и лишние расходы.

Больно читать отзывы об Иване Эрдели-младшем. Т.Л. Сухотина-Толстая записала 28 сентября 1914 г. в своем дневнике: «Оба Эрдели – отец и сын – ушли на войну. Ваня младший был в бою 10 дней. Шинель прострелена». Надежда Вечная описала его как человека немного не в себе, страдающего kleptomanией. Психика Ивана действительно была повреждена. Не исключено, что именно участие в войне причиной этому, ведь до войны Иван окончил училище правоведения, потом воевал на фронтах

в составе лейб-гвардии 4-го стрелкового полка<sup>63</sup>. В Екатеринодаре он уже странный молодой человек. Через пару месяцев праздной жизни сына Эрдели посчитал, что тот достаточно отдохнул, чтобы идти офицером в строй на фронт. Примерно в феврале 1919 г. Иван-младший был определен в полк и пропал. Через пять месяцев объявился. Как писал об этом Эрдели, обобраным, даже без зубной щетки (!), с опухшим лицом; боялся показываться отцу на глаза. Поскольку Иван-младший принадлежал к кругу Л.Н. Толстого, искусствоведами было установлено, что он умер в 1926 году в эмиграции во Франции.

О судьбе других детей генерала известно немного. Дочь Мария (1896-1961) состояла в первом браке за Петром Лебедевым, во втором – за Фёдором Ивановичем Крамаревым (1877-1945), который был значительно старше ее. Он был также из дворян Херсонской губернии. В 1920-х годах у нее родился сын Дмитрий. Следы младших сыновей Георгия и Александра потерялись из виду основного ствола русской общины за границей.

Впору вспомнить предчувствия графа Льва Николаевича: жаль их, нехорошо. Брак действительно оказался несчастлив.

Ивана Георгиевича Эрдели, полного генерала, что-то мешает считать исключительным офицером. Он кажется воплощением всех типичных черт своего сословия от тяготящего его семейного союза до убивающего всякую инициативу и индивидуальность корпоративного чувства. Обширный архивный текст его писем-дневников позволит всесторонне познакомиться с личностью его автора.

Потомок «венгерцев» демонстрирует свою великорусскую идентичность. Не к этому ли стремился его отец Георгий Яковлевич, настаивая на столичном воспитании сыновей?

Воюя на Юге, Иван Георгиевич плачет о средней России, давшей ему сознание русского человека. Маре он пишет:

*«Я так привык все относить к России, к центру, а в нем видеть все настоящее, корень всего, что меня туда неудержимо*

*тянет, точно я там вырос, родился. К этому надо прибавить, что ты сама – центр-российская и значит мне этого достаточно, чтобы центр был мне дорог, родной и любим»<sup>64</sup>.*

Тут он ошибается, полагая, что это сложилось всецело под влиянием личности Мары. Связь с ней только подкрепляет усвоенное в ранней юности отношение его – уроженца жаркого степного Юга – к местам, где зародилось Московское государство.

Не великодержавно настроенных образованных людей в Российской империи была горсть. И кто знал, что вскоре они смогут влиять на глобальные события? Как правило, уроженцы православных окраин чувствовали себя русскими. Иоанникий Алексеевич Малиновский, ныне почитаемый за основоположника украинской правоведческой мысли, в записках, датированных зимой 1920 года, писал о своем первом посещении Москвы:

*«...На меня очень сильное впечатление произвел Московский Кремль. При виде старинных кремлевских стен и ворот с башнями, колокольни Ивана Великого, Успенского Собора, при виде Красной площади перед Кремлем с лобным местом и церковью Василия Блаженного... мною овладело какое-то восторженное и вместе с тем жуткое чувство при мысли о том, что здесь колыбель русской государственной мощи»<sup>65</sup>.*

У него вызывали восхищение масштабы русской государственности, и все же себя он называл и «украинцем по происхождению», хотя, находясь в Варшаве, считал себя русским<sup>66</sup>.

Такие настроения – результат общеимперской образовательной системы, делавшей даже из потомков кокандских ханов и северокавказских эмиров русских офицеров.

Едучи из Баку, Эрдели говорил с «полукондуктором вагона»<sup>67</sup> – Фионией Степановной Романовой, бабой, уроженкой Перми. И его потянуло к северу, снегам, грибам, речкам, заливым лугам, и он почувствовал, как же ему «опостылел юг этот



разноплеменный»<sup>68</sup>. Тут все значимо и символично. Взять упоминание весны. Уроженцами Центра южная весна, хотя и ранняя, ощущается чужой. Один из участников 1-го Кубанского похода молодой офицер А. Моллер, находясь в станице Успенской, записал в свой дневник:

*«Сирень вся в бутонах. Яблоки и вишни в цвету. Но все же весна здесь не хороша. Нет душистого воздуха, нет того очарования, что у нас. Например, как бы сразу лето, причем днем жарко, а ночью морозы» (12.04.1918)<sup>69</sup>.*

Так и Эрдели не радует бакинская весна.

Во время поездки в Туркестан его одолевали противоречивые эмоции. Во время езды по Закаспийской линии он испытывал дивное, по его словам, чувство, что все здесь русское, насаждено русскими и нет иной конкуренции, его радовало, что к русским местное население продолжало оставаться приветливым. Но после нескольких встреч со старым товарищем по кадетскому корпусу Сордар-Ураз-Берды, высказывавшим туркофильские идеи, настроение Ивана Георгиевича изменилось:

*«Пошел к собору, бывшему военному туркестанских стрелков, осмотрел различные памятники времен Скобелева, Куропаткина. Кругом собора в середине так чисто, хорошо, и грустные мысли навевал мне этот собор. Представилось все покорение Закаспийского края, сколько трудов, денег, культуры, жизни люди вложили. И теперь как все это разрушено... И только вот этот тихий скромный собор, выстроенный насадителями здесь культуры и знаний, безмолвный памятник минувшего. [...] Как-то грустно, ну грустно, грустно на душе становится, чего-то жаль»<sup>70</sup>.*

Ему на память пришли стихи М.Ю. Лермонтова «Спор» и «Три пальмы». Если причина, по которой ему вспомнился первый стих, рассказывающий о победоносном приходе чужой цивилизации на восток, ясна. То возникновение ассоциаций со

вторым требует разъяснений. Три пальмы в пустыне искушали судьбу и Бога, разговорами о том, что они без пользы живут на свете. Пришедшие с караваном люди срубили пальмы и грелись ночью у разведенного костра. Гибель пальм стала концом оазиса: «И ныне всё дико и пусто кругом...». В Мерве, недалеко от станции Байрам-Али было царское Мургабское имение. Там кипела жизнь, была сооружена сеть каналов, орошение сделало пустыню зеленой. Эрдели высказывал опасения, что это все погибнет, потому что местным — текинцам-скотоводам — это не нужно.

Религиозное чувство отчетливо проявилось на страницах дневника Эрдели. Он страдал, когда у него не было возможности приобщиться церковным таинствам, «успокоиться молитвой», о чем он писал в дневнике. Когда он оказывался в церкви в чувствах, расстроенных тяжестью исполнения службы, его печалило неподходящее к этому случаю настроение. На пасхальной неделе он был в церкви и положил на плащаницу букет из цветов груши и яблони.

Описание пасхальной ночи показывает, как для него был важен ритм жизни, заданный церковным календарем:

*«Вчера мы выступили в 8 ч. вечера, ночь была холодная, ветреная, шли 25 верст до донской станицы Егорлыкской, куда прибыли без четверти двенадцать часов ночи. Подъехали к церкви, и только что там пропели Христос воскрес. Прямо с лошади ввалились в церковь. Громадная, залита огнями, поют чудесно, голоса чудные. Мара, ты знаешь, когда пропели Христос воскрес, и я в первый раз это услышал, то меня охватила такая восторженная радость, такое лучезарное счастье, что вот дожил я до этого великого дня, цел и невредим, и удостоился слышать Христос воскрес. И что сердце мое и душа так радуется этому, и вместе с этим счастьем и радостями весь в слезах я, чуя, что ты и молитва твоя здесь рядом [...] Что же-на и дети мои в эту минуту молятся обо мне, и люди, которые любят, вспоминают меня в эту минуту. Так опять ясно чудилось, что ты в церкви с девочками и молишься, и я вижу тебя внутренним оком и чувствую твою молитву. И вся душа моя*

*несется к тебе навстречу, и твоя ко мне, и мы вместе. И такое неземное счастье и радость охватила меня в церкви, ну правда, я не помню просто, когда мне было так дивно хорошо, умиленно восторженно – прекрасно как вчера в эту заутреню. Встреча Донских казаков благожелательная, приехали домой, хозяйка наша приготовила нам яиц, куличей, поджарила свинины и дала свежего масла и молока – чего же больше, но главное – на душе свет, радость, чистота, любовь и восторг, все вместе вероятно. То есть и причастие с исповедью, и чудное церковное пение после ночного холода и ночного похода в пыли и по ветру, и несомненное твое присутствие около меня и мое около тебя – все это подготовило душу и влило в нее неопишемое ощущения светлой лучезарной радости, которые я, стоя в церкви, переживал с тобой, и все время звал тебе по имени про себя, мою дорогую, любимую Мару, Марочку, радость, жемчужинку. [...] Меня знобит всего, трусит, но это все пустяки, наши души в эту ночь соединились, сошлись, [нрзб.] я счастлив, я озарен радостью, озарен любовью и бесконечной милостью господней, который послал мне эту чудную радость в мою печальную тяжелую жизнь»<sup>71</sup>.*

Сохранившаяся часть дневника запечатлела две весны, с Великим постом и Пасхальной неделей, в жизни генерала Эрдели – 1918 и 1919 годов. Примечательно, что религиозное чувство более выпукло представлено в более ранних записях. Куски дневника за 1919 год показывают генерала не столь религиозно экзальтированным, как год назад. Чувствуется общая, в том числе и эмоциональная усталость. Понимает это и сам генерал:

*«Масленица промелькнула в этом мусульманском городе незаметно, все-таки блины ел. Теперь Великий пост, что-то смутное, милое, далекое связано с Великим постом. Разметано, разрушено все кругом. За земными делами и душу забывают. Хоть бы мне Господь помог добраться домой... выплакаться в церкви все свои горести и обиды около тебя, набраться сил и опять за дело, на унижение, на борьбу, быть может и на страдание, но и на успех» (20.02.1919)<sup>72</sup>.*

Усиление бытовой религиозности происходит в пограничных ситуациях, в том числе на войне<sup>73</sup> и в военное время. Наиболее сильно проявлялся мистический компонент: вера в защитную силу икон, молитв и ладанок, в приметы, сны, предзнаменования. Популярность гадалок, разговоров о предсказаниях, предвидениях была вызвана длящейся годами неизвестностью о судьбах близких. Даже подлинно воцерквленные христиане прибегали к услугам хиромантов и гадалок<sup>74</sup>. Иван Георгиевич также, находясь в состоянии полной неопределенности и безуспешности всех своих начинаний, посчитал нужным прибегнуть к гаданию на узелках:

*«Ну вот и не уехал. Ты знаешь, меня брало сомнение какое-то, что я не уеду, и вот я взял платок, завязал узелок и решил вытащить жребий, ехать ли мне сегодня или нет. Перед этим помолился, и пусть бы меня Бог наставил. Закрыв глаза и вытащил узелок, чтобы не ехать. Затем вторично загадал также с молитвой, ехать ли мне завтра или еще отложить отъезд, и вышло, что ехать надо завтра. Только что я кончил это, как приходит ко мне офицер и сообщает, что приезжает сюда прямо от Деникина из Екатеринодара Коцев, глава Горского правительства. [...] ...И мне конечно крайне важно и интересно дождаться его здесь, чтобы узнать обо всем, что переговорено, решено и т.д. Таким образом, мое гадание вышло как раз во время и, кстати, и оправдалось событиями. Ты не смейся надо мной на такие детские приемы. Марочка, но правда, находясь в полной неизвестности, — один Бог знает, что нужно и что своевременно. Ну я к нему и обратился, и твердо себе сказал, что как выйдет — так и поступлю»<sup>75</sup>.*

Генерал не уехал на следующий день, и все получилось не так, как он загадал.

Отраженные в дневнике бытовые и пищевые пристрастия генерала сами по себе способны многое рассказать о нем и его среде. Он такой же аккуратист, что и Мара. Садится за дела, обычно после тщательного утреннего туалета:

*«...Умылся, оделся с ног до головы в чистое, вычистил сапоги, платье, побрился... привел в порядок свои вещи и теперь вот сел писать тебе»<sup>76</sup>.*

Необходимость решения неотложных дел с генералами Пржевальским и Лазаревым нарушило привычный график: с утра до 12 часов он провел совещание, но потом непременный ежедневный туалет: «Сейчас помылся, почистился, а то с утра не мылся», записал он 24 февраля 1919 года<sup>77</sup>.

Даже в суровых походных условиях он все равно моется, следит за чистотой одежды и жилища. Находясь на рыбацкой шхуне, на которой он предпринял попытку добраться до пристани Старотеречной, после морозной ночи устроил себе обливания морской водой:

*«Спал плохо. Было холодно, ноги мерзли, но это ничего. Сейчас попили чайку с балыком и хлебом. Пойду скоро мыться соленой водой с моря. На дворе свежо, солнца нет, но все-таки пахнет весной. [...] Вымылся холодной водой, холодная, живительная» (1.03.1919)<sup>78</sup>.*

Но ненастная погода отучила его от подобных бодрящих моционов. И через два дня он записал в дневнике:

*«Только что встал, вымылся хорошенько после двух ночей не раздеваясь в лодке»<sup>79</sup>.*

Внимание к этой стороне уклада жизни вызвало существование некоторого числа замечаний в отношении чистоты и гигиены быта:

*«Вчера выстирали мне белье, и сейчас в комнате баба [его] гладит, за перегородкой отчаянно кричит ребенок, пахнет чадом, пол грязный, нанесена грязь с улицы, на дворе дождь –*

*неприглядно. Почки болят. Ну да человек ко всему привыкает» (18.03.1918)<sup>80</sup>.*

В Порт-Петровске сырой, холодный, грязный и неудобный номер в когда-то лучшей гостинице города пугает его своей кроватью:

*«Кровать хорошая, но вероятно с клопами. Для Захара, слуги Обломова (Гончарова) клоп мил: как же быть без клопа, с клопом и спится теплее. Ну а по-теперешнему времени клопы, вши и т.д. паразиты сыпным тифом и просто страшны»<sup>81</sup>.*

У него сформировался определенный суточный ритм жизни, который нарушался по причинам чрезвычайного характера, но при возможности им точно соблюдался. Отход ко сну в 11 часов вечера, подъем – в 8 часов утра.

В 1918 г. 21 мая, в день св. Елены и Константина, он попал к праздничному столу своего хозяина квартиры – священника. Его дочь Елена была именинницей. К завтраку подали мясной пирог, но он отказался, предпочтя хлеб с маслом. Спросили, почему не ест, ответил:

*«...Не привык с утра накладывать на мясо, с детства привык есть иначе, ведь я... чистокровный буржуй, и хоть гроша медного теперь за душой нет, но привычки, вкусы – все буржуйское, и с этим умру, и менять не хочу, не могу и не умею. Родился дворянином и барином, таким жил и таким останусь и умру»<sup>82</sup>.*

В этом отрывке примечательно использование им большевистского глоссария, слова «буржуй», «буржуйский» в том значении и контексте, что и распропагандированная масса. В этом замечен и другой первопоходец – А. Моллер. Во второй фазе похода, когда изменилось отношение к добровольцам большей части населения, они окунулись в когда-то привычный мир бы-

тового комфорта, который с долей иронии стали именовать «буржуйским»:

*«Стоял в буржуйском доме какого-то мелкого земельного чиновника. Отлично сервировали нам чай с закуской...» (Моллер А., ст. Павловская, 27.04.1918)<sup>83</sup>.*

*«День разобран по-буржуйски: баня, всенощная, ужин в гостях и чай с медом» (Эрдели И., 2.05.1918)<sup>84</sup>.*

Приглашение генерала Эрдели в кампанию офицера-кубанца и сестры милосердия пить чай с медом прокомментировано им достаточно иронично. Это время 1-го Кубанского похода. Год назад такое предложение не было бы сделано, да и не было бы для него соблазнительным. По-видимому, прошло недостаточно времени, чтобы Иван Георгиевич радикально поменял свои привычки: он не хочет это делать, не может и не умеет. В июле 1918 г. он, обычно равнодушный к еде, записал в свою тетрадку: одна радость в жизни осталась – хорошо поесть. Какая радость и удовольствие свежий хлеб с сахаром и чай с молоком<sup>85</sup>. Но через год подвижки в его поведении уже очевидны. В Порт-Петровске, находясь на довольно скудном рационе, он вспоминал гостеприимство своих бакинских друзей Леонтовичей и Байковых, как было вкусно у них за столом, и замечал в связи с этим: «...Что-то стал очень ценить всякие вкусы, чего раньше не замечал за собой»<sup>86</sup>.

Он практически трезвенник, отказывался от коньяка, даже если было сыро и холодно. Так он берег свое здоровье, чтобы оно сохранилось для России и для его близких. Но потом при сильных нервных перегрузках стал курить, скручивая из бумаги папиросы. Он записал: куришь – и легче. И иногда ему уже хочется вина<sup>87</sup>.

В его записках чувствуется заядлый и бывалый охотник. Да и какой русский помещик не был охотником? Охота и дворянство – понятия неразделимые. Охота для всякого добропорядочного помещика – дело обычное. И.С. Тургенев, Л.Н. Тол-

стой, И.А. Бунин писали об охоте, а через нее, ее опыт писали о природе. Иван Георгиевич выступает точно в той же роли. Во время плавания по Каспию распознает в высоко летящей птице дроф, казарок, уток, чибисов. Как у всякого охотника, у него в любой обстановке сохраняется интерес к наблюдениям за природой. Впечатления от дороги по предгорьям Копетдага породили маленький путевой набросок:

*«Духота становится как в июле. Степь желтая, начинает зеленеть. На горизонте видны кибитки, вокруг люди, овцы, козы... Милые горы какого-то стального цвета бордо, а потом желтые верхушки, а потом опять стальные. Кое-где уже видишь маки, абрикосы цветут. Своеобразная картина, это пустыня весной, которая теперь зеленеет, и к июню и июлю будет выглядеть свинцом. Но есть своя своеобразная красота во всем этом»<sup>88</sup>.*

Генерал Эрдели как русский офицер должен был быть по утверждению А.И. Деникина быть далек от политики. Но как это может быть в такое время? Воленс-ноленс генерал высказывался по этому поводу на страницах своего дневника.

Любопытно сравнить его взгляды с настроениями других офицеров-добровольцев. Обнаруженные принадлежащие им дневниковые записи, относящиеся ко времени революции и Гражданской войны, говорят о том, что они уже не связывали судьбу России и свою собственную с монархией. В анонимном дневнике бывшего офицера Сумского гусарского полка, проходившего из родовитого дворянства, это объясняется тем, что монархия запятнала себя тайными соглашениями с Германией и предательством национальных интересов<sup>89</sup>. Генерал И.Г. Эрдели описал настороженную реакцию офицеров-добровольцев на так называемых астраханцев – офицеров, которые вели агитацию за вступление в монархическую и прогерманскую Астраханскую армию. Слухи о том, что великий князь Дмитрий Павлович объявлен великим князем Украины, прокомментированы им так: если это правда, то все наши монархисты, а их много,



могут потечь от нас, мирясь с немцами на Украине<sup>90</sup>. Но в то же время он, как и другие вожди-основатели Добровольческой армии, считал, что монархические лозунги только отпугнут от движения и тех, кто готов встать под ружье, и население. К нему пришел за советом гусарский офицер Павлов. Того зовет к себе под знамена, к астраханцам и калмыкам князь Дондуков. У этого ополчения окраска прямо монархическая, а потому Павлов сомневался. Причины колебаний Эрдели не сообщил, но отметил, что офицеры-монархисты среди добровольцев есть, и их немало, но далеко не большинство<sup>91</sup>.

У самого Эрдели отношению к царю было чисто личное: он вспоминал его в молитвах добрым словом, ведь тот ему помогал в жизни и советом, и деньгами, и продвижением по службе. Иван Георгиевич благодарен царю за все, в том числе и за встречу с Марой, т.к. если б он не был бы в свите, то не был бы на том балу. Когда узнал о смерти царя, записал в дневнике: «А жену его, стерву, не жалко, а его безумно жалко»<sup>92</sup>. Между Эрдели и Александрой Федоровной существовала взаимная антипатия. Императрица писала в письме мужу 11 ноября 1915 г.: «...Я бы лично не слушала Эрдели, он человек неважный и завистливый...»<sup>93</sup>.

Можно ли считать Эрдели уже немонархистом. Наиболее полно о его взглядах в этой связи может рассказать этот отрывок:

*«Соберется это Учредительное Собрание, или без всякого собрания власть попадет в руки монархистов, или как-либо иначе, не знаю, но идея созыва правового Учредительного собрания – правильная, и все партии государственно мыслящие не могут нас упрекнуть за это, а наоборот должны быть согласны с этой идеей – чувствую, что с приближением нашим к Новочеркасску потребуется работа в России, в больших городах для ознакомления с тем, что делается у нас, для привлечения к нам, для организации и т.д., а мне хочется попасть в Россию, хочу пролезть в Казань, в Москву, ну куда надо будет, чтобы там за-*

*ниматься организационной работой. Я устал от войны, а эта деятельность мне будет больше по душе»<sup>94</sup>.*

Но в эмиграции генерал И.Г. Эрдели был членом Союза ревнителей памяти императора Николая II<sup>95</sup>. И уже без всякой связи с Марой Свербеевой. Это зигзаг, характерный для большинства белоэмигрантов. Чувствительность к либерально-социалистическим идеям, которая действительно присутствовала в среде белых в годы Гражданской войны и сменившаяся в эмиграции на массовый монархизм, говорит только о специфическом белогвардейском солипсизме, замкнутости на гипертрофированную офицерскую ответственность перед самим собой.

Его рассуждения по поводу империализма – явления, изуродовавшего внутреннюю и внешнюю политику страны и вызвавшего Февральскую революцию, довольно мимолетны, но обращают на себя внимание. Он увязывает российский империализм с государственными системами Германии и Австрии, считает, что будущее за более общественными и народными формами как в Англии, Америке, Франции. 10 мая 1918 года в связи с отношением к Германии им сделано следующее замечание:

*«Ярко выраженный империализм доживает свой век и должен смениться иными формами, более общественными и народными как Англия, Америка, Франция и не как в Австрии и Германии. И потому, если Россия вступит теперь на путь империализма, в будущем вновь потребуется переворот»<sup>96</sup>.*

Оказалось, что эти суждения являются отражением довольно распространенных в предреволюционных представлений публики, державшей себя за прогрессивно мыслящую, о глубинных причинах поразившего страну кризиса и Великой войны. Майкопский врач Василий Федорович Соловьев, подвергшийся административной ссылке за политическую активность в годы Первой русской революции, писал в письме домой в сентябре 1914 г., что участие России в этой войне главной своей

целью имеет искоренение тлетворного влияния на нее германской традиции милитаризма и германского капитала. Германия тянет Россию назад в прошлое, а участие России в этой битве народов в одном лагере с передовыми нациями дает надежду на прогрессивное развитие страны в послевоенном мире, писал врач<sup>97</sup>.

Таким образом, становится ясна та среда, в которой родился и сформировался Иван Георгиевич Эрдели. Его семья принадлежала к тому слою дворянства, которому удалось не потерять своих экономических позиций в пореформенное время. Эта среда демонстрировала широту взглядов, интересов и социальных связей, что объясняет ее способность к выживанию. Процесс реализации дворянской идентичности в разных ветвях семейства Эрдели в пореформенное время позволял продолжать воспринимать службу как основную жизненную линию. У одних это продолжала оставаться государева служба, в то время как у других – уже земская деятельность. Но эти линии никогда окончательно не расходились. Основой мировоззренческой стабильности у членов семьи оставался прочный экономический фундамент их благополучия. Иногда достаточно относительно.



## ГЛАВА 2

### РОМАН ДЛИНОЙ В ВОЙНУ

Знакомство и начало романа генерала И.Г. Эрдели и состоявшейся во втором браке Марии Константиновны Свербеевой произошло в мае 1913 года, а отношения их прекратились, по-видимому, весной 1920 года. Их связь стала главным содержанием частной жизни генерала в годы «долгой» войны. Сила чувств, которые испытывал Эрдели, говорят о том, что Мара Константиновна была женщиной неординарной.

Ее происхождение было смешанным. Эдакая смесь французского с нижегородским<sup>98</sup>. Ее дедом был Гийом Симон Олив, выходец из дворян провинции Бретань.

В некоторых российских источниках можно найти указание на графское достоинство семьи Олив. Но французские материалы не подтверждают наличие такового. Также пока не располагаю точными сведениями о том, к какой категории дворянства относились бретонские Оливы: старому или новому, «второму дворянству», дворянству шпаги или дворянству мантии, то есть к потомкам «законников», лиц судебной профессии, получивших от короля дворянский чин за гражданскую службу.

Тот факт, что Никола Олив является одним из персонажей книги М. Зильбербера «Капитализм и католичество в новой Франции: династия Ле Куте», позволяет предположить, что Оливы принадлежали к категории *la noblesse de robe* – к дворянству мантии, потомкам образованных разночинцев, служивших короне на административных и финансовых должностях. Тем более, что по мнению французских историков, исто-

щенное Столетней войной старое феодальное дворянство, подверглось в XV-XVI веках «великому обновлению» (Ж.-М. Констан)<sup>99</sup>. Тогда начал складываться перечень должностей, дающих право на дворянство. (Идея Табели о рангах родилась далеко не в России). И он неуклонно рос. Плавильными тиглями нового дворянства стали канцелярии. По подсчетам Ж. Мейера в течение XVIII века имело место около 10 тыс. актов возведения в дворянство, которые дали к 1789 году по меньшей мере 50 000 дворян<sup>100</sup>.

Никола-Мари-Пьер-Тусан Олив (Nicolas Pierre Marie Tous-saint Olive) родился 1 ноября 1753 года в Сен-Мало, прибрежном городе у западного выхода из «английского канала» – пролива Ламанш. Оттуда недалеко до Британии и до открытых пространств Атлантического океана. Уроженец этих мест Жак Картье, положивший начало французской колонизации Северной Америки и давший Канаде ее нынешнее имя. Во времена освоения Нового Света Сен-Мало был известен как пристанище пиратов. К концу XVII века он стал крупнейшим портом Франции. Репутация родины Оливов говорит за их недавнее дворянство.

Упоминалось, что в книге М. Зильбербера о банкирском доме Ле Куте (Le Couteulx) можно обнаружить в качестве младшего партнера еще молодого, но подающего надежды Никола Олива.

Это исследование любопытно уже тем, что представляет собой в некоторой степени полемику с самим М. Вебером по вопросу о решающем влиянии протестантизма на генезис капитализма. Его название говорит о том, что и католическое мировоззрение не мешало становлению не только торгового, но и банковского капитала. Этому способствовала сложившаяся еще в средние века практика заключения соглашений о пожизненной ренте, когда некоему лицу или финансовому учреждению передавались капитал или недвижимое имущество при условии заранее оговоренных регулярных выплат в течение всей последующей жизни рентного кредитора.

Плательщиками ренты в XVIII веке были преимущественно «солидарные общества». Таковых Бартоломью-Жан-Луи Ле Куте и Никола Олив в последнее десятилетие Старого режима учредили немало. Еще в прежних поколениях Ле Куте расширили свой бизнес, создав две дочерние компании в Испании, в Кадисе (1724), и в Амстердаме (1762).

Частная и государственная предпринимательская деятельность во Франции того времени не были разделены, и акционеры выступали одновременно и как негоцианты, и как чиновники городской ратуши. Олив в это время занимал должность главного кассира провинции Бретань. Среди его компаньонов королевские чиновники, биржевые маклеры, международные торговцы из Марселя, Нанта, Руана, Парижа, Амстердама и Женевы; коммерческие агенты аристократов и членов королевской фамилии. Переданные капиталы и недвижимость банкиры вкладывали в импорт продовольствия и табака из Нового Света, поставку испанской шерсти для текстильной промышленности Севера Франции, в мелкий кредит, в страхование морских перевозок и даже работорговлю.

Не все коммерческие сделки, предпринятые Никола Оливом, были успешны. Упоминается, что Олив и некий Антуан Бурбулон нанесли компании Ле Куте ущерб в 2400 тыс. луидоров<sup>101</sup>.

Женитьба Никола Олива совпала по времени с первыми залпами Великой Французской революции. Его женой стала 22-летняя Мари-Франсуаза Маршаль, дочь торговца оружием, уроженца Лотарингии.

Известно, что незадолго до замужества, 7 июля 1789 года, она купила у наследников графини де Бюсси красивый загородный дом в деревне Ларю около городка Шевийи. Это всего час езды от Парижа. Молодые супруги стали жить в Ларю.

Никола Оливу было уже 35 лет. К моменту переезда в Париж он уже значится бывшим главным кассиром Сен-Мало. По видимому, неудача, стоившая дому Ле Куте почти два с половиной миллиона луидоров, не прошла для Никола даром. Но как

опытный финансист он начал собственное дело в Париже как негоциант и биржевой маклер.

Муниципальный архивист коммуны Шевийи-Ларю не случайно заметил в своем очерке, что 22-летняя Мари-Франсуаза пользовалась определенной свободой. Первый ребенок супругов Олив – Адель – родилась вскоре после свадьбы. Она появилась на свет в парижском доме семьи. Разворачивающиеся революционные события заставили Оливов удалиться в деревню, и следующие два ребенка были рождены в Ларю: Аглая в 1791 году и Жан – в 1793 году.

В этом году, по-видимому, в связи с установлением якобинской диктатуры Оливы убыли в Новый Свет. Но не в Новый Орлеан, а в Нью-Йорк. Возможно, что здесь сказались налаженные ранее контакты с деловыми людьми Французской Канады. Никола Олив преуспел в Нью-Йорке на операциях с недвижимостью, держал на широкую ногу дом, названный в честь милого сердцу парижского пригорода Шевийи. Там бывали многие известные французские эмигранты – Талейран и герцог Орлеанский (будущий король Луи-Филипп). В Нью-Йорке родились в 1795 году Гийом, дед Мары, и в 1797 году Генриетта. В 1801 году семья Олив вернулась на родину.

Вскоре, 23 сентября 1802 года, Никола Олив умер в возрасте 48 лет.

В 1805 году его вдова вышла замуж повторно. Маркиз Луи Симон Пьер Кубьер был 58-летний холостяк, артист и ученый. Он был приближен к Людовику XV, а потом и к его внуку Людовику XVI. В его придворные обязанности входило сопровождение короля в поездках. В них реализовывалась страсть Кубьера к коллекционированию минералов и растений. Всю революцию маркиз занимался садоводством, разводил тюльпаны и декоративные деревья, хотя чуть было не погиб в самом начале революции, находясь рядом с королем.

Мари-Франсуаза стала маркизой, а старый аристократ поправил свои дела, женившись на богатой вдове. По-французски это звучит так: *redore son blason* – обновить позолоту на репу-

тации. У маркиза уже был внебрачный, но признанный им сын Амадей. А через год после свадьбы он стал отцом во второй раз. Мари-Франсуаза родила ему сына Армана. Маркиз умер в 1831 году. Его вдова – 22 октября 1850 года в возрасте 83 лет<sup>102</sup>.

Потомки Никола Олива пополнили собой ряды рантье, ничем в истории своей страны не отличившись. Все кроме младшего сына Гийома. Он закончил военную Сен-Сирскую школу, одно из самых престижных учреждений во Франции тех лет. Служил в королевской гвардии, был приближен к королю Франции – Людовику XVIII. Видимо, сказались связи отчима.

Пребывание в свите способствовало контактам с русскими, ведь Россия дважды, в 1797-1801 и 1805-1807 годах, принимала на своей территории графа Прованского – будущего короля. Когда русская армия после разгрома Наполеоновских войск и взятия Парижа, находилась во Франции, Гийом Олив познакомился с цесаревичем Константином – братом императора Александра I. Несколько лет спустя Олив перешел на службу в русскую армию и стал адъютантом великого князя Константина Павловича. То, что это поездка в Россию воспринималась как путешествие ради службы, а не для смены родины, говорит то, что Гийом принял российское подданство спустя 16 лет.

В России он стал называться Вильгельмом Николаевичем, был зачислен 9 марта 1820 года в лейб-гвардии Уланский «Его Императорского Высочества Константина Павловича» полк в звании поручика. Уланский полк в это время входил в состав Польской армии, формирование и командование которой император Александр I возложил на своего брата Константина еще в 1814 году. С января 1816 года цесаревич Константин являлся главнокомандующим Польской армией, а с 1826 года фактически исполнял в Польше обязанности наместника. Перейдя на службу в русскую армию, Вильгельм Олив практически неразрывно находился при цесаревиче.

Великий князь Константин Павлович относился к своему адъютанту с большой симпатией и уважением. В сохранившихся документах цесаревича Константина есть письмо к матери



Вильгельма маркизе де Кюбьер. Князь пишет, что Вильгельм «отличался прямодушием, чистосердечием и открытым характером, ни перед кем не стеснялся высказывать правду в глаза и избегал, как он говорил, ложной филантропии...»<sup>103</sup>.

В 1825 году Вильгельм венчался с подполковничьей дочерью Софьей Сергеевной Щербининой (1805-1883). Девушка принесла французу хорошее приданое. За ней числились имения в Саратовской и Рязанской губерниях и девятьсот душ крепостных крестьян. В браке родилось девять детей: четыре сына и пять дочерей. Первого сына – Константина – крестили во Франции по католическому обряду. Мальчика назвали так в честь высокого царственного покровителя и восприемника, который на крестинах по понятным причинам не отсутствовал. Вместо него принимал участие в церемонии в качестве крестного отца Симон-Людвиг-Амадей маркиз де Кюбьер и крестной матери – Мария-Франциска, вдова маркиза де Кюбьер. Крестными других детей были русские обладатели известных фамилий, высоких постов и «старых» титулов.

5 января 1828 года В.Н. Олив из-за сказывающихся последствий ранений покинул русскую армию, уволившись в звании ротмистра. В первой половине 1830-х годов В.Н. Олив приобрел земельные угодья в Ялтинском и Феодосийском уездах и перебрался с семьей в Крым: в Феодосийском уезде Оливы владели имением «Камыш-Бурун», селением Кош-куй и деревней Сеит-Эли; в Ялтинском уезде они приобрели имение «Лимнеиз» (ныне пос. Верхняя Мухалатка, или Олив). 16 декабря 1841 года В.Н. Олив принял российское подданство.

Глава семейства, занявшись обустройством своих имений, проявил себя как рачительный хозяин. Известно, что в своем имении Камыш-Бурун Оливы начали разработку камня-известняка. Употребляли камень вначале для собственных нужд, позже стали сдавать разработанный карьер в аренду. Камыш-Бурунская коса, также принадлежавшая Оливам, издавна славилась как место, где в изобилии ловились сельдь, скумбрия, хамса. Простые рыбаки и крупные рыбопромышленники плати-

ли хозяевам косы «откупное» – определенную сумму денег за право лова на этом участке побережья. Большие площади в этом же имении были разработаны под посевы зерновых культур. В другом своем поместье – Кошкуй – В.Н. Олив создал конный завод, успешно занимаясь разведением и продажей лошадей.

В конце XIX – начале XX веков к семейным владениям Олизов в Крыму прибавились угодья сел Васильевка и Ново-Александровка и большая часть Чурубашского соляного озера, где велась масштабная добыча поваренной и глауберовой солей. В недрах их основного имения Камыш-Бурун с 1901 года Брянским акционерным обществом добывался бурый железняк. В это время продолжали действовать каменоломни по добычи камня-известняка.

Трижды В.Н. Олив выбирался предводителем Таврического губернского дворянства – в 1844, 1847, 1850 годах. В связи с исполнением этой должности он перебрался с семьей в Симферополь, тогда столицу Таврической губернии. Своего дома не покупал, а снимал дом у семьи Раевских, своих друзей. На посту предводителя губернского дворянства он принял участие в реализации нескольких проектов, в том числе завершении постройки зданий в крымском имении Романовых Ореанде; состоял членом нескольких комитетов попечительского и хозяйственного характера. За отличия в этих делах ему был дан чин статского советника, год спустя он получил звание камергера Двора Его Величества. Умер 3 августа 1854 года в Москве.

Старшая дочь Мария вышла замуж за агронома Иосифа Николаевича Шатилова, племянника владельца соседнего поместья Мухолатка. Со временем супруги унаследовали имение, превратив его в процветающее виноградарско-винодельческое хозяйство. Во время Крымской войны оно было разгромлено (какая гримаса судьбы!) французскими солдатами. Шатиловы покинули Крым и стали хозяйствовать в Моховом, родовом имении Иосифа Николаевича в Орловской губернии.

Наиболее успешную военно-чиновническую карьеру сделал Сергей Вильгельмович (Васильевич). Его послужной список украшают записи о производствах и даровании чинов: флигель-адъютант, командир 8-го драгунского Астраханского Генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка (в звании полковника), генерал от кавалерии, помощник Главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии Фёдоровны и член Государственного Совета. Его женой стала Мария Александровна Колемина. Незадолго до женитьбы Сергей Олив купил орловское имение князей Куракиных – Алексеевку. Их сын Михаил, камер-юнкер и кавалергард, герой Русско-японской войны (кавалер пяти орденов), был женат на дочери крупнейшего украинского сахарозаводчика Елене Харитоненко. Они эмигрировали сразу после Октябрьской революции, оставив в Питере и имении Качановка большую часть своей огромной коллекции, уехав в Европу вместе с двумя детьми. Умер Михаил Сергеевич Олив в Мюнхене весной 1957 года<sup>104</sup>.

Между двумя великими революциями – французской и русской – прошло сто лет, и внукам Гийома Олива также довелось стать современниками новой смуты, а затем и изгнанниками. Но что-то, то ли генетическая память, то ли правильное воспитание, позволило им не пропасть в это лихолетье. Младший сын Михаила Олива и Елены Харитоненко Владимир отличился в 1918 году тем, что будучи последним предводителем дворянства Малоархангельского уезда Орловской губернии и деятелем губернского комитета Объединенных земств и Союза городов смог убедить губисполком поручить организованной им мастерской пошив френчей для Красной армии и починку старых солдатских сапог. Жалование служащие мастерской (гимназисты, кадеты и вольноопределяющиеся расформированного артиллерийского дивизиона) получили лишь один раз, потому что после рекламации и вызова для объяснений в исполком Владимир исчез из города. Об этом оставил воспоминания друг его детства Владимир Мейер.

Младший из детей Вильгельма Николаевича тоже Вильгельм (или Вильям) в возрасте 21 года молодым поручиком попал адъютантом к московскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту, князю В.А. Долгорукову. Через восемь лет он покинул эту должность уже полковником и кавалером пяти высоких наград, из них трех иностранных: германских орденов Короны 3-й степени (1872) и Красного Орла 3-й степени (1875), австрийского ордена Железной короны 3-й степени (1874). Эти знаки отличия говорят лишь о том, что служба требовала от Вильяма большого напряжения. Ведь эти поощрительные награды после визитов высоких лиц давались всем офицерам, принимавшим участие в их обеспечении: помещение для высокого гостя было хорошо отоплено, экипажи подавались вовремя, прислуга была подобрана вымуштрованная и обученная всем тонкостям европейского сервиса<sup>105</sup>.

Кроме наград и чинов судьба поощрила Вильяма в эти годы тремя детьми. По-видимому, это он и имел в виду, когда просил уволить его со службы «по домашним обстоятельствам». В дальнейшем он служил на выборных должностях в Феодосийском уезде, ненадолго возвращался на военную службу, а в возрасте 40 лет в 1887 году избирался на ту же должность Таврического губернского предводителя дворянства, на которой три каденции провел его отец.

Точно также как и отец за несколько лет перед баллотировкой на эту должность он принял православие и имя Вивиян, и также еще дважды переизбирался на пост предводителя дворянства Таврической губернии осенью 1890-го и 1893-го годов. Также, как и отец, он принимал активное участие в реализации верноподданнических проектов, например, по установке в Симферополе памятника Екатерине II, и был отмечен за это званиями и наградами.

Если проследить места учебы и службы Оливов, то окажется, что младшие шли по стопам старших, используя уже проторенные пути карьерного роста. Сергей Вильгельмович и Вильям Вильгельмович окончили Николаевское кавалерийское учили-

ще. Затем служили в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. Когда корнет Вильям поступил в полк, его брат Сергей был уже в нем штаб-ротмистром. Четверо сыновей Вильяма (Вивиана) Вильгельмовича – Николай, Сергей, Андрей и Борис также окончили Николаевское кавалерийское военное училище. Недолгое время Николай служил в 22-м Драгунском Астраханском полку. Затем его переводят в лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. Его младшие братья Сергей и Андрей оказались в этом полку сразу же после окончания училища.

Обращает на себя внимание и тот факт, что это училище и лейб-гвардии Гусарский и 22-й (в другие годы этот полк имел 8-й номер) Драгунский Астраханский полки связывали служебные пути Оливов и Ивана Георгиевича Эрдели.

Свояк Оливов М.А. Стахович в эмигрантских мемуарах употребил в отношении одного из персонажей своих воспоминаний оборот «хорошо поставленный по связям в свете и служебном обществе (*tres bien apparente*) человек»<sup>106</sup>. По-видимому, и Оливы, и Эрдели принадлежали к такому типу людей.

Если же Оливы покидали армию по состоянию здоровья или семейным обстоятельствам, то с неизменной активностью принимали участие в жизни дворянских выборных органов. Земская деятельность у них вызывала меньший интерес, и если и встречается таковая в биографиях Оливов, то лишь как кратковременное занятие.

Отцом Мары стал старший сын Вильгельма Николаевича – Константин, служивший в Кирсановской уездной полиции Тамбовской губернии. Его женою была купеческая дочь Мария Ивановна Кузнецова, уроженка Таврической губернии<sup>107</sup>.

Для Оливов было характерно отсутствие предубеждения против родства с богатыми буржуазными семьями. Да и сами Оливы были оборотисты в делах, сметливы и энергичны. Их браки, как правило, зиждились на крепком материальном осно-

вании и отличались общностью интересов супругов, взаимным уважением и, вероятно, любовью.

У Константина Вильгельмовича и Марии Ивановны было четыре дочери – Вера, Мария, Софья и Наталья.

Вера Олив<sup>108</sup> вышла замуж за крупного владельца крупного имения Богословка Кирсановского уезда Тамбовской губернии Владимира Михайловича Андреевского (1858-1942). Это был человек того же типажа, который мы наблюдаем в большинстве Оливов. Энергичный помещик, умный и работоспособный, общественно активный, правых убеждений. Лично управляя огромным поместьем в течение двадцати лет, он находил силы и время на исполнения обязанностей предводителя кирсановского уездного, а затем тамбовского губернского дворянства. После избрания членом Государственного совета с 1906 года не жил в имении постоянно, но осуществлял постоянный контроль над делами хозяйства.

Жизненный путь В.М. Андреевского хорошо известен в связи с существованием в Государственном архиве Тамбовской области его личного фонда. Владимир Михайлович – внук генерала Отечественной войны 1812 года и сын участника Кавказской войны. После окончания юридического факультета Московского университета работал в одном из департаментов Сената, затем в комиссии по составлению нового тома Гражданского Уложения; увлекался египтологией и путешествиями, но после смерти отца в 1886 году счел своим долгом посвятить себя семейному хозяйству, интерес к которому испытывал и ранее. Владимир Михайлович ценил деятельность своего отца, который «в труднейшую минуту перехода от дарового крепостного труда к платной работе... сумел обойтись без залога имений и вышел из мудреной задачи реорганизации хозяйства на новых началах, занимая у ростовщиков небольшие суммы всякий раз на строго определенную цель: покупку машин, покупку тонкорунных овец», и в результате такого мудрого ведения дел сын получил в наследство имения незаложенные. Помощницей отца была мать Мария Владимировна, урожденная Вышеслав-

цева, на протяжении лет ведшая бухгалтерские книги по имению.

Андреевский писал в своих автобиографических записках «О моем сельском хозяйстве»:

*«Я начал заниматься сельским хозяйством еще будучи студентом, при жизни отца. Не гнушаясь никакой работой, я, как конторщик или полевой объездчик, целые дни проводил в конторе, или поле. Как конторщик, я сидел в конторе, проверял счета, ездил по хуторам и волостным правлениям производить платежи и расчеты за работы; а как полевой объездчик, я наблюдал за пахотой, севом, полкой, считал копны, следил за молотьбой на токах в степи, или на молотилках по хуторам. И делал все это не как барчук, на пол часика зашедший в ригу и заглянувший на работу, а следя за работами целыми днями, с утра до ночи; рабочие выезжают на пахоту в пять часов утра, и я с ними; приказчики живут на току в степи на молотьбе пшеницы, льна, или проса неделю, а то и две, – и я с ними»<sup>109</sup>.*

В течение первых пяти лет своего полноправного хозяйствования он уклонялся от выполнения общественных обязанностей и по земской, и по дворянской линии, и только засуха, неурожай и последовавший голод 1891 года вовлекли его в общественную деятельность. Андреевский был земским уездным и губернским гласным, членом всевозможных комиссий, почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей Кирсановского уезда. В течение 3 лет был предводителем уездного дворянства.

За двадцать лет жизни «земледельца-помещика» Андреевский полагал, что хорошо узнал крестьянскую жизнь и настроение деревни, поэтому погромы усадеб весны 1905 года подтолкнули его к смене масштаба деятельности. Он полагал, что нужен системный подход к оздоровлению положения в деревне. Как представитель правого крыла земства участвовал в выборах в Государственную Думу и до 1917 года неизменно избирался членом Государственного совета.

Из материалов ГАТО известно, что другая из сестер Олив София Константиновна в замужестве носила фамилию Стафанской. Возможно, что она ее мужем был Леонид Карлович Стефанский (1868-1953), служивший чиновником для особых поручений при главноуправляющем земледелием и землеустройством. В дальнейшем он участвовал в ряде финансового-промышленных предприятий; был вице-директором Санкт-Петербургского управления Русско-Азиатского банка; состоял членом правлений Общества Кахетинской железной дороги, Товарищества Степановских свеклосахарных и рафинадных заводов. До 1919 в Киеве был представителем частного банка. Стефанские эмигрировали в 1919 году и жили в предместьях Парижа. Именно в их дом прибыли сестры Олив со своими семьями и спутниками, оказавшись в эмиграции. Л.К. Стефанский принимал участие в общественной жизни русской колонии. Известна лишь небольшая деталь из его эмигрантской жизни: в 1949 году на Дне русской культуры он выступил с чтением отрывков из «Скупого рыцаря» А.С. Пушкина. Последние годы провел в Русском доме в Ментоне<sup>110</sup>.

Как видим, родственники Марии Константиновны были людьми энергичными, не чуждыми амбиций, состоятельными, имевшими разносторонние увлечения. Среди них было достаточно и аристократов, и нуворишей, но все они имели много общего в характерах, поэтому выглядят удивительно однородной средой нового экономически активного слоя империи. Среди них совершенно не встретишь ни тургеневских помещиков, ни чеховских чиновников – вызывающих жалость и сострадание персонажей. Они любили контролировать ситуацию, обладали отличным инстинктом самосохранения. При этом были эмоциональны и артистичны, уверены в себе и эксцентричны, иногда даже шокируя общественность. Одним словом, они не оставляли равнодушными к себе.

Немного о детстве Мары можно узнать из оброненных художником М.А. Врубелем в письме к сестре слов: «Она небольшого роста, и в детстве прошла через те же диеты, сырого



мяса и рыбьих жиров, как и мы с тобою». Они познакомились в московском доме Саввы Ивановича Мамонтова, в котором Мара находилась, видимо, на положении родственницы Мамонтовых. Есть еще не проверенная версия, что Ольга Ивановна Кузнецова, жена Федора Ивановича Мамонтова (брата Саввы Ивановича), могла быть ее теткой.

В момент знакомства с Врубелем Маре было 19 лет, и она еще не была замужем. И художник сильно увлекся ею. В письме сестре он так описал ее:

*«Она только темная шатенка с карими глазами; но и волосы, и глаза кажутся черными-черными, рядом с матово-бледным, чистым, как бы точеным лицом. Она небольшого роста... носик очень изящной работы, с горбинкой, напоминает лисичку. Все впечатление овального личика с маленьким подбородком и слегка приподнятыми внешними углами глаз напоминает тонкую загадочность не без злилки – сфинксов. Но я несколько раз видел, как эти глаза смотрели просто-просто и мягко, как у телушки»<sup>111</sup>.*

Искусствовед Дора Коган, автор блестящей монографии о творчестве художника, смогла по этому описанию найти юную Мару на одной из общих фотографий в архивах С.И. Мамонтова.

Как отмечала Д.З. Коган, в этом же письме Врубель с каким-то особенным удовлетворением замечал, что «нравственный облик ее не манит тихим пристанищем... и обещает широкий союз оборонительный и наступательный в борьбе с самим собою». Именно то, что Мара не давала ему чувства уверенности в себе и в своем отношении к нему, нравилось Врубелю больше всего: «...Во мне всякая уверенность влечет охлаждение...». Как же это настроение не похоже на то, что ценил в ней Иван Эрдели.

Но в 1890 году Врубель был решительно настроен жениться. Но вскоре все по каким-то причинам разладилось. Не последнюю роль сыграло, по-видимому, то, что Врубель еще не

имел никакого положения ни в обществе, ни в профессиональной среде.

В 1895 году Мара вышла замуж за племянника Саввы Мамонтова Юрия Анатольевича (1871-1907). Своей золовке Татьяне Анатольевне Рачинской (урожд. Мамонтовой) она писала в это время из Кирсанова Тамбовской губернии:

*«Я так счастлива, как никогда не думала, и иногда мне кажется, что я не заслужила этого счастья. Мне так хочется много, много сказать и обо всем поговорить, и чтобы вы поскорей видели, как я счастлива, но в письме высказать этого невозможно, приезжай лучше и сами увидите. Целую вас крепко-крепко, дорогая милая Таничка. Я надеюсь, вы полюбите меня, правда? [...] Юра говорил, что вы собираетесь приехать к нам, дорогая Таничка. Как это было бы хорошо и как мы все будем рады видеть вас у нас. Соберитесь, голубушка. Если бы вы знали, как я вас всех всегда любила, а теперь еще больше»<sup>112</sup>.*

В этот год ее портрет написал Валентин Александрович Серов. Он был близким другом Юрия Мамонтова, тоже художника. Это полотно не стало таким широко известным шедевром мастера как, например, портреты княгини З.Н. Юсуповой, Генриетты Гиршман, княгини О.К. Орловой, но нрав Мары был схвачен и передан очень тонко. Лукавство и деятельность, порывистость и твердый характер отличали эту женщину, далекую от классических стандартов красоты.

В браке Мары с Юрием Анатольевичем родилось две дочери – Марина и Татьяна. Но в 1899 году пошатнулся мир, созданный Саввой Великолепным, меценатом и промышленником. Ему было предъявлено обвинение в хищениях и нарушении завода при выполнении казенных заказов. Как отмечал историк А.Н. Боханов, причины краха мамонтовской промышленной империи так в полном объеме и не были установлены. Существовало много версий подспудных течений, приведших к его банкротству. Среди них и такая, что это был результат интриг в высших эшелонах власти, а также желание казны при по-

средничестве Петербургского международного коммерческого банка прибрать к рукам важную транспортную магистраль – Московско-Ярославско-Архангельской дорогу. Последняя версия подтверждается суждениями таких осведомленных лиц как историограф московского купечества П.А. Бурышкин и прокурор Московского окружного суда А.А. Лопухин. Тот факт, что Савве Ивановичу явно не давали поправить дела, и что хищения не были доказаны в суде, также свидетельствует о целенаправленной кампании против промышленника<sup>113</sup>.

Это резонансное событие не могло обойти стороной семейную жизнь Мары Константиновны. Вероятно, тектонические изменения в образе жизни семьи и ее общественном статусе повлияли на отношения Мары и Юрия Мамонтова. Вскоре состоялся развод и ее новый брак. Она вышла замуж за Фёдора Дмитриевича Свербеева, военного моряка и орловского помещика. Он тоже не был чужим в доме Мамонтовых. Его сестра Елена Дмитриевна была замужем за сыном Саввы Ивановича Всеволодом.

Отец Фёдора Свербеева Дмитрий Николаевич в молодости служил в Министерстве иностранных дел, а после выхода в отставку открыл литературный салон, где сошелся с А.С. Пушкиным, а в последующие годы к нему любили захаживать Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский.

В феврале 1905 года у Мары родился сын Николай.

К этому времени относится одно из писем Юрия Мамонтова к его сестре Татьяне Рачинской:

*«...У Мары – сын. Свербеев возвращается с эскадры. Все это облегчит мне в хлопотах о детях. Детей я видел за это время несколько раз. Мариша все хворает, худенькая такая. Татушка – та крепыш. А за Маришу мне страшно. Видимо, все-таки на ней сказывается вся наша семейная драма. Душа у нее уже не здоровая...» (8.03.1905)<sup>114</sup>.*

Упоминание о возвращении Фёдора отражает тот факт, что трое братьев Свербеевых – Сергей, Николай и Фёдор – ушли в

1904 году в составе 2-й Дальневосточной эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского. Но Фёдор заболел в походе и с Мадагаскара был отправлен обратно в Россию. Оба его брата погибли в Цусимском сражении: Сергей на борту флагманского броненосца «Князь Суворов», Николай – крейсера «Светлана».

Сохранившие письма Юрия сестре Татьяне вносят дополнительные штрихи в непростые отношения разведенных супругов.

*«...Ты спрашиваешь, имею ли я намерение взять к себе девочек? Посуди сама, разве возможно их там оставлять. Для детей – это нравственная гибель. Невозможно передать, до чего опустилась Мара. До какой низости и лжи она дошла. И оставлять детей в такой атмосфере! Какое воспитание они получают? Я, ради детей, пробовал говорить с Марой очень доброжелательно, но ничего из этого не вышло. О детях Мара совершенно не думает. Иметь детей теперь для нее только вопрос самолюбия; и может быть мстительное чувство ко мне. Я предлагал ей всякие компромиссы, но, повторяю, это не помогло. В настоящую минуту я буду требовать, чтобы время от времени она отпускала девочек ко мне. Думаю, и тут не обойдется дело без Комиссии Прощений. Может быть с моей стороны лучше было бы держаться другой политики – ждать спокойно. Может быть Мара под влиянием изменившихся у них семейных обстоятельств, сама отдаст мне детей. Ведь ты знаешь, у Мары родился сын, а потом вернулся с эскадры Свербеев или, говоря проще, его оттуда прогнали (что я и предсказывал). Но ждать и не видеть детей мне очень тяжело, тем более что на днях, вероятно, детей увезут в Пески» (15.03.1905).*

*«...Что меня гнетет и мучает – это полная неизвестность о жизни девочек. Стороной я слышал, что они были серьезно больны, но допускаю, что Мара распускает это нарочно, чтобы не посылать детей на лето ко мне, как это она должна была сделать по требованию Комм. Прощений [так в тексте]. Во всяком случае все это ужасно тяжело. И чувствую я сердцем, что детям там плохо. Впрочем, я имел случай убедиться в этом, когда они были здесь, в Петербурге. Ах, если бы поскорее мне по-*

*лучить место, устроиться; тогда бы и дети были со мной...» (16.07.1905).*

*«...Одно время как будто наладилось у нас и с девочками. Приходили они ко мне каждую неделю. А теперь опять какая-то муха укусила Мару. С Рождества больше не отпускает детей ко мне. Знаю, что дети здоровы. Бог ее знает, чего она еще хочет!...» (20.01.1906).*

*«...Грустно мне, что опять приходится поднимать вопрос о детях в Комм. Прошений. Столковаться с Марой миролюбиво невозможно. Ты права: как только у нас было гладко, так Мара сейчас же и выкинет какой-нибудь фортель. Чудовищно она бессердечна!...» (5.02.1906)<sup>115</sup>.*

Конечно, Юрием руководит обида: Свербеева не удалили с флота, он продолжал служить и вышел в отставку только в 1907 году. В спорах о детях редко бывают правые. По-видимому, решающим аргументом для того, чтобы дочери остались при Маре, было отсутствие у ее бывшего мужа собственного дела. После смерти отца в 1905 году управление семейной типографией и издательством перешло в руки его брата Михаила.

Мара Константиновна не порывала отношений с художественной средой. В 1906 году Илья Ефимович Репин нарисовал ее портрет. Он выполнен в восточных мотивах, которые чувствуются благодаря яркому шелку одежды, шитой золотом ермолке, тяжелым браслетам и ожерелью. О том, чем была наполнена жизнь Мары в период до 26 мая 1913 году, нам не известно. Фёдор Дмитриевич занимался общественной деятельностью по дворянской линии, исполнял должность председателя Новосильской уездной земской управы. В этом же Новосильском уезде Тульской губернии он имел имение Михайловское. Но городской дом Свербеевы держали в Орле.

Вера, сестра Мары Константиновны, была замужем за крупным тамбовским помещиком, земским деятелем, а затем и членом Государственного совета Владимиром Михайловичем

Андреевским. По-видимому, Мара была с нею близка. В архиве Андреевских, переданном двадцать лет назад из Франции, немало фотографий, где видим и ее. Две строго, но изысканно одетые женщины, позируют, удобно устроившись в креслах. На другой фотокарточке запечатлена Мара Константиновна и, вероятно, ее муж, Фёдор Свербеев. Лицо третьего человека, кажется, женщины, тщательно удалено со снимка.

В 1900-е годы в России только-только появлялись фотографии-любители. Фотографированием увлекались жена писателя Софья Андреевна Толстая, императрица Александра Федоровна, туркестанский офицер-артиллерист Василий Александрович Ажинов, директор мужской гимназии Василий Антонович Канский. – Их любительские снимки хранятся в архивах. Привлекала их в этом досуге не возня с химреактивами, а возможность заснять свою частную жизнь с милыми сердцу событиями, вещами, людьми для друзей и родных и для собственной памяти. Сюжеты снимков расскажут, что было любимо человеком. Один снимал своих детей, у другого на фотографиях в основном пикники и дачная жизнь, у Андреевских – интерьеры их шикарной квартиры в Санкт-Петербурге. Элегантно оформленные комнаты с банкетками, креслами, коврами, картинами предков эпохи Екатерины Великой призваны засвидетельствовать вкус, положение и состоятельность хозяев.

Квартира просто утопает в цветах: померанцевых деревьях, фикусах, пальмах, цветущих азалиях и гиацинтах. Несмотря на то, что эти тускнеющие, плохого качества любительские фотографии сохранили образ дома другой из сестер Олив, можем догадаться, что апартаменты Мары выглядели примерно также. Надежда Вечная упоминала, что Свербеева любила обилие цветов в комнатах: ее свидания с генералом должны были проходить в такой чарующей обстановке.

По-видимому, Вера Константиновна очень любила свой дом, ведь неслучайно она взяла в эмиграцию именно эти снимки, сделанные в 1913 году.

Знаковый год. Последний мирный год империи.

Для Мары и Ивана Георгиевича год не менее знаменательный. Именно 26 мая 1913 года состоялся Бал московского дворянства, данный в честь 300-летия дома Романовых. Воспоминания об этом событии оставил А. Гершельман, тогда готовящийся к выпуску из Пажеского Его Императорского Величества корпуса юноша, принявший участие в торжествах в качестве камер-пажа при Великой княгине Марии Александровне, герцогине Саксен-Кобург-Готской, дочери императора Александра II.

*«26 мая мы с утра отправились в Большой Кремлевский дворец, построенный в царствование Императора Николая I. [...] К дворцу мы подъехали не с главного подъезда, а с бокового, и внутренней лестницей были проведены в часть дворца, примыкающую к Боровицким воротам. После сбора Царской Семьи начался выход. [...]*

*Я согласен со знатоками стилей, что Большой Кремлевский дворец по своей архитектуре совершенно чужд окружающей его старине. Но все же внутреннее его убранство по своей красоте и роскоши вполне соответствует цели, для которой он был построен. В нем, по мысли Николая I, должны были происходить приемы вновь коронованных Императоров Всероссийских. [...]*

*Из внутренних покоев наше шествие вышло в угловой Екатерининский зал, красное убранство которого выигрышно подчеркивало роскошные платья собравшихся в нем придворных дам и фрейлин. [...]*

*Государь был в форме Астраханского гренадерского полка. [...]*

*В последнем Георгиевском зале, расположенном под прямым углом к Андреевскому, Государя встретило московское дворянство, земство и гражданские чины. Зал очень красив – строгие цвета ордена Св. Георгия придают ему какую-то торжественность; золото украшающих его орденских звезд подчеркивает это своей роскошью.*

*На середину зала навстречу Государю вышел Александр Дмитриевич Самарин, приветствуя Государя от имени московских дворян, предводителем которых он был. В Москве даже на*

*придворных торжества лежал какой-то отпечаток “домашности”. [...]*

*Речь Государя, обращенная к Своим дворянам, была ясна и чиста и, спокойная и сердечная, выявляя всего Его. На меня этот момент торжеств произвел сильное впечатление. [...]*

*Обед в Георгиевском зале Большого дворца мало чем отличался от таких же придворных обедов в С.-Петербурге. [...]*

*Зато на бале, данном московским дворянством своему Царственному Гостю и Его Августейшей Семье, надо остановиться подольше.*

*В сумерки этого майского вечера мы были доставлены в Дворянское Собрание. Одна за другой стали подъезжать кареты с великими княгинями, и мы встречали их на подъезде. [...]*

*Бал в Москве отличался от петербургского своим строгим порядком, радушием и какою-то сердечностью приема. Московские дворяне сумели принять своего Царя. Красивый зал был с тонким вкусом декорирован розовыми весенними цветами. Всюду распорядители из дворян, по-видимому, по заранее продуманному плану, руководили огромным количеством приглашенных. Видна была забота создать и подчеркнуть то настроение доверия и близости Царя и Народа, которые установились в России после бурь революции 1905 года.*

*Царская Семья была помещена на возвышении по короткой стене зала, сейчас же у входа. С этого места виден был весь зал, в глубине которого несколько ступеней вели под колоннаду, поддерживающую хоры, на которых помещался оркестр.*

*Бал открылся полонезом. Во главе шел Император, ведя жену московского уездного предводителя дворянства А. В. Базилевскую. А. Д. Самарин был холост, и потому она оказалась старшей дворянкой Москвы. Во второй паре шла Императрица с Александром Дмитриевичем. Далее шли великие княгини и князья с представителями московского Дворянства. Государь был в форме лейб-гусарского Павлоградского полка. Гусарский мундир очень шел Царю, его невысокой, но великолепно сложенной фигуре. Он любил надевать формы гусарских полков и умел их носить.*



*Мы, камер-пажи, стояли на возвышении и наблюдали эту яркую картину, в которой светлые платья дам смешивались с золотом и разнообразием цветов мундиров.*

*После полонеза на минуту получилась заминка. Музыка заиграла вальс. Но гости ждали инициативы Царской Семьи. Одновременно великим княжнам представили танцоров, и весь зал закружился. Время проходило быстро. Бал был веселый и красивый. В зале царило то трудно определимое настроение, которое отличает удачный вечер от неудачного.*

*По знаку распорядителя оркестр остановился и Самарин, склонивши перед Царем, попросил высоких гостей проследовать к ужину»<sup>116</sup>.*

На этом балу произошло знакомство Мары Константиновны Свербеевой и Ивана Георгиевича Эрдели. Кто их познакомил, сохранившиеся «листки» не сообщают. Но это могли быть кузены Мары – сыновья ее дяди Вильяма-Вивиана, учившиеся в том же военном училище, что и Эрдели, и служившие в том же полку, которым он командовал в 1907-1912 годах – в 8-м Астраханском драгунском полку. Мара была на балу как представительница московской аристократии, а Эрдели как свитский генерал. Когда он узнал летом 1918 года о смерти царя, то наряду с другими причинами, которые делали его обязанным царю, была и благодарность за встречу с Марой, так как если бы он не состоял в свите, то не был бы на том балу<sup>117</sup>.

Иван Георгиевич уже давно не испытывал прежней пылкой влюбленности к жене. К 1913 году Эрдели уже прекратил супружеские отношения с женой Марией Александровной. Она в его глазах оставалась матерью его детей, он продолжал заботиться о хозяйственных делах семьи, но его сердце уже принадлежало другим женщинам. К моменту знакомства с Марой он уже имел несколько «симпатий». Он называл среди них великую княгиню Викторию Федоровну («Даки») и графиню Тышкевич, но чаще других вспоминал о баронессе Анне-Амате Шиллинг, в девичестве Бенкендорф, из семьи прибалтийских немцев и на четверть итальянке. Чаще, потому что «это самая

честная и отвлеченная душа». Но все, что было до Мары, было поросло, забылось, писал он в мае 1918 года. Тогда же он выразил в дневнике удивление по поводу того, что все женщины, которые одарили его благосклонностью, были нерусских кровей<sup>118</sup>.

После знакомства с Марой он отдался этой страсти целиком и безраздельно. Из дневника мы узнаем, что их первые свидания («робкое начало») проходили в гостинице «Метрополь».

В марте 1918 года в какой-то закубанской станице Иван Георгиевич предавался воспоминаниям об этом вечере, потому что был неожиданный повод. Впрочем, ему не нужно было искать серьезный предлог, чтобы начать думать о Маре.

*«Здесь у хозяина есть “Нива” за 1913 год, а там фотографии, иллюстрирующие торжества, Москва в мае – наше время. Переживаю нашу красоту с таким счастьем, с таким умилением и благодарностью Богу, понимаешь. Как красиво началась и продолжалась все время наша любовь – все время до осени прошлого года. Ты возьми сказочное наше начало 21 мая 1913 года и сказочное счастье тогда, в вагоне с 10 до 13 августа 1917 года, правда. И только с осени начался кошмар, разлука, неизвестность, ужас и смертельная тоска. Мало кто испытал, пережил такую красоту любви как мы – правда. Мы с тобой выиграли свои 200.000 в нашей жизни и живем своим счастьем и любовью, все время теперь живу ею я и не сомневаюсь, что живешь этим и ты, и что все в тебе – и мысли, и душа женщины, и тело, все ждет меня, живет мною одним и для меня, так же как и я для тебя одной единственной. Появляется голубое небо, опять будет красиво и тепло, и опять буду страдать истомой любви, мой милый. И пусть страдаю. Эти страдания я не отдам ни за что в мире, но любовь твоя и моя вместе у меня в сердце... Невкуда вспорхнуть и расправить крылья нашей нежности, нашей страсти, нашего согласия, понимания друг друга и любви нашей»<sup>119</sup>.*

Мара, живя зимой в Санкт-Петербурге, разъехалась с мужем. Она жила на Фурштатской, а Фёдор Дмитриевич – на По-

темкинской. 7 июля 1919 года, находясь в Пятигорске и будучи Главнотрудовым на Северном Кавказе, Эрдели вспоминал события для него тяжелые. Как после вечера в ресторане Кюба, Свербеев поехал не к себе, а на квартиру к Маре. Генерал ехал за ними на извозчике и видел, что Свербеев остался ночевать у нее. Спустя годы Эрдели было больно вспоминать это<sup>120</sup>.

Но что его всегда подбадривало, то это воспоминания, самые разные воспоминания, связанные с Марой и их встречами:

*«Марочка, ехавши в вагоне, я подробно перебирал, когда мы отдавались друг другу и ты была моя.*

*Господи, сколько было ярких дней и красоты в нашем обладании, и робкое начало на подоконнике в Метрополе? И апофеоз красоты в дни, когда ты ко мне приезжала в армию – купание, луг, цветы, твой чудный малиновый шушун [нрзб.], и Троица дважды, и торопливое наслаждение на скамейке в Михайловском перед твоим домом, и в вагоне сколько раз, и в Быхове под страхом, что войдут в “Националь”? А Кирпичный переулок в Петрограде, а квартира твоей мамы, а гостиница “Белград”, а Варшава, а именины Ольги Константиновны, а твоя квартира на Афанасьевской, а еще в Новом переулке, в Петрограде, а в лесу в Михайловском – помнишь? [...] Ни разу только не отдавалась ты мне у меня в моей собственной квартире, в моем углу. Нечто похожее на это было тогда на фронте, в вагоне и в доме, где я жил. [...] И я стал перебирать воспоминания мои обладания другими женщинами, старался вызвать подробности все и свои впечатления, и при самом добросовестном воспоминании, ну разве не повторяю я вновь и опять то, что я тебе говорил – что ты ПЕРВАЯ в моей жизни, которая дала мне действительную любовь и действительную, ни с чем несравнимую страсть наслаждения, ласки» (5.09.1918)<sup>121</sup>.*

Из этого своеобразного хронографа мы узнаем, что Мара приезжала к нему на фронт, в частности в августе 1917 года. Некоторые подробности отношений любовников в то время становятся известны со слов Надежды Вечной. По-видимому, что той об этом рассказывала сама Мара. Устройством их

встреч занимался денщик генерала Андрей. Если тому удавалось «приехать с фронта для свидания на 2-3 часа в Петроград, Андрей устраивал комнату для свидания, которая буквально вся засыпалась цветами, несмотря на то, что был январь месяц, все устраивалась так, как любит Мара, как ей нравится»<sup>122</sup>.

Затем она приезжала 11 ноября 1917 года в Быхов. После этого они не виделись почти год. В течение 1918 года она жила в Орле. И как нам известно из записки Надежды Вечной, Маре Константиновне пришлось учиться жить при новых порядках, и с этим она хорошо справилась:

*«Вообще это были люди развитые, умеющие приспособляться к жизни, не терявшие никогда самообладания. М.К. [Мара Константиновна – О.М.] рассказывала, как в Орле в трудный момент они в компании со знакомыми из своих же вещей создали комиссионный магазин, в котором все служили сами же»<sup>123</sup>.*

Во время 1-го Кубанского похода Эрдели только и думал о судьбе Мары. На Юг доходили слухи о том, что делается в Совдепии. Ему мерещилось страшное. Когда офицеры напевали песню модного Вертинского: «Ваши пальцы пахнут ладаном, / На ресницах спит печаль, / Ничего теперь не надо вам, / Ничего уж вам не жаль», ему виделась мертвая Мара в гробу. И позже, во время поездки на Балканы, еще не зная, что Мара уже пробралась на Кубань, писал:

*«...Найти тебя мой ангел милый, моя радость, единственное мое все – Мара моя. И уже тогда вместе с тобой забыться, жить, воевать, действовать»<sup>124</sup>.*

Вернувшись из 1-го Кубанского похода, Эрдели намеривался отправить своего денщика Андрея вывезти Мару и ее детей с территории Советской России. Неизвестно, с его ли помощью или самостоятельно, но Мара оказалась в ноябре 1918 года в Екатеринодаре. С помощью капитала Шкиля, бывшего адъютантом Эрдели, она наняла часть дома у торговцев Веч-

ных. В это время генерал находился в важной служебной поездке. Он был послан с дипломатической миссией на Балканы в штаб союзнического командования.

По сообщению Вечной примерно через месяц после поселения Свербеевых приехал Эрдели и вошел в дом не через парадный, а через черный вход. Было утро, Мара еще спала. Хозяйка разбудила ее и стала свидетельницей сцены встречи, которая ошеломила ее своим бурным порывом и полным невниманием к постороннему присутствию. Вечная подумала, что так целоваться могут только молодые, которые только поженились, расстались и через месяц встретились.

Вечная дала емкие характеристики всем наблюдаемым участникам любовного треугольника – Маре, ее мужу, Эрдели:

*«М-м Свербеева Мария Константиновна была очень неинтересной по внешности: высокого роста, очень худая, плоская, безгрудая, шатенка, с зелено-желтыми глазами, нижняя часть лица была, если можно так выразиться, крысиная, – напоминала крысу, которая что-то вынюхивает.*

*Мой муж, ценивший во внешности женщины красивую фигуру и бюст, всегда выражал удивление “и чем увлекается Иван Григорьевич (Эрдели)”. В общем фигура, на которой руке не на чем было зацепиться. Одевалась она шикарно, с огромным вкусом, была в высшей степени аккуратна и чистоплотна. Много внимания уделяла уходу за собой. Несмотря на такую внешность, Мария Константиновна как-то чарующе действовала на человека, с которым она говорила. Она умела говорить с плотником так, что он ее понимал, интересовался говорить с нею. Центр внимания занимала она и в беседах в высшем обществе. На вечеринках, когда собирались знакомые и друзья – внимание всех было сосредоточено на Марии Константиновне. Она очень образована, развита всесторонне, объездила всю Европу, много путешествовала, в совершенстве владеет французским, немецким и английским языками. Интересный собеседник и умная женщина. Муж ее – Федор (отчество забыла) Свербеев, помещик Орловской губ., был одно время губернатором Орла. Человек неинтересный по внешности и очень нервный; всегда ходил взад*

*вперед по комнате и грыз ногти; пил, объясняя это тем, что жизнь у него сложилась неудачно (очевидно, имея ввиду свои семейные условия). Две старшие дочери были дети Марии Константиновны от первого мужа (фамилию его не помню), сын Николай – сын Марии Константиновны и Федора Свербеева. Жили они между собой скверно – причиной тому был Эрдели. Об отношениях Эрдели и Марии Константиновны муж знал. В бытность свою здесь они пытались разойтись, но муж ставил в условие, что при разводе он берет себе сына (который очень любил отца). Мария Константиновна, очень любившая сына, на это не соглашалась и давала обещание расстаться с Эрдели, любовная связь с которым тянулась уже 11 лет [в действительности 6 лет – О.М.]. Но складывалась так, что с мужем она развода не брала и Эрдели не бросала.*

*Иван Григорьевич Эрдели был довольно интересный мужчина по внешности: высокого роста, с красивой военной выправкой, нельзя было сказать, что он красавец, но интересен, у женщин пользовался большим успехом. [...] Многие думали, что он горец, черкес – об этом говорила его внешность. Как человек он показал себя, в бытность свою здесь, как очень добрый, гуманный, с достаточно живым умом. Как военный, по моему мнению, он выдвинулся только в период войны, вообще же не будь войны, это был бы просто блестящий военный аристократ и только»<sup>125</sup>.*

Хозяйка дома отметила также, что главной чертой генерала была безграничная любовь к Маре. Он окружал ее сказочным вниманием и заботой, какую редко можно встретить. В личном общении Эрдели и Мара почти не говорили о политике, если не считать обыденных вопросов «ну как на фронте» и ответа «о, хорошо» или «благополучно», а только занимались музыкой и флиртом.

Эрдели недолго пробыл в Екатеринодаре и был послан с новым заданием в Баку. Отсутствуя, он почти все свободное время уделял своему дневнику. В разлуке он просто бредил Марой. Она ему снилась, он вспоминал ее по многу раз за день, успевая заниматься делами, но в перерыве между ними обяза-

тельно садился за дневник и писал ей. Так, 24 апреля 1918 года он написал в течение дня текст в более чем полторы тысячи слов. И это в Ледовом походе! Она ему тоже с оказией из Екатеринбургa передавала свои письма. Утешенный новостями о ней генерал ликовал:

*«Невыразимая радость держать в руках знакомые листки, синий карандаш, твой почерк, видеть, ощущать, что рука твоя писала, ты писала эти строчки и писала мне – твоему любимому Ванюшеньке, правда, любимому?» (22.02.1919)<sup>126</sup>.*

Он потом перечитывал их много раз:

*«Напились чаю, и сейчас вот спать. Опять на сон грядущий перечитаю твои письма дорогие, нежные, твои...» (23.02.1919)<sup>127</sup>.*

Ему важно было сохранить с ней прочную эмоциональную связь. «Листики» были не только посредником, но и воплощением Мары, хотя и писал в него он. «Разговор» с «ней» был для нее важнее всего. Так и в Баку он отказался от общения с приятными ему Байковыми и Леонтовичами, что побыть с «нею» наедине в вагоне:

*«Постелил свой непромокаемый плащ, свернул куртку, на нее твою подушечку, укроюсь шинелью и буду спать. Байковы предлагали ночевать, но я отказался. Предпочел быть в своем купе, с этой тетрадью, с тобой – ну у себя хоть и без уютной постели. Ну Христос с тобой» (21.02.1919)<sup>128</sup>.*

Ему важно было, чтобы она мысленно следовала за ним, и для этого рисовал для нее карты своих маршрутов; чтобы она видела мир и далекие места его глазами. Тексты этих писем-дневников отличает высокая степень открытости взгляду и пониманию другого человека. Эрдели делает это намеренно. На страницах дневника поднято немало деликатных тем. Так мы

узнаем о его нездоровье – приступах малярии и воспалении почек, и ее «женских» болезнях.

Поездка в Баку продлилось вопреки ожиданиям не месяц, а четыре. Прикаспийский край стал весной 1919 года территорией, прочно отрезанной от «Деникии» враждебно настроенными горами и Грузией. Иван Георгиевич выбирался оттуда в течение четырех месяцев. Во время своей отлучки он очень переживал по поводу известий о сдаче Одессы, но не потому что это была неудача армии, в которой он был генералом, а потому что в Одессе находился муж Мары.

*«Ты отвечаешь мне, что твой муж в Одессе, и что никто в Екатеринодар не приезжал, и чтобы я по пустякам не волновался. Но ты не можешь быть гарантирована, что вдруг придет муж и поселится в Екатеринодаре? И за этот месяц Бог знает что произошло, может быть уж он и квартиру себе нашел в Екатеринодаре и живет!»<sup>129</sup>*

Эрдели очень боялся, что он придет в Екатеринодар и поселится в доме Мары на правах законного мужа:

*«Хоть ты мне и запретила говорить об этом, но я все же думаю, что киевляне и одесские беженцы нагрянули в Екатеринодар, и теперь ты не одна, менее свободна, стеснена и тебе тяжело»<sup>130</sup>.*

Когда это все же случилось, Фёдор Дмитриевич приехал в столицу «Деникии» и поселился в доме Мары, генерал неистово ревновал ее к мужу:

*«Это несчастье иметь хвост лишних родственников, которых не знаешь куда девать»<sup>131</sup>.*

В июле 1919 года находясь в Пятигорске, Эрдели вспоминал тяжелые для него события тех лет, когда все еще оставалось на своих местах. Блестящий генерал, уездный предводитель



дворянства и его супруга все еще составляли элиту империи. Только Свербеевы уже не жили общим домом. Фёдор Дмитриевич имел квартиру на Потемкинской, а Мария Константиновна – на Фурштадтской. После вечера в ресторане Кюба, ее муж поехал не к себе, а к ней на квартиру. Генерал ехал за ними на извозчике и видел, что Свербеев остался ночевать у нее. Ему все еще было больно об этом вспоминать<sup>132</sup>.

Отсутствие привязки любви к браку можно найти не только в текстах молодых революционеров, но и в дневниках стареющего белого генерала. Будучи искренне верующим человеком, связанным узами церковного брака, Эрдели считал любовь к Маре благословением небес, данным ему в утешение в это трудное время. Он ей писал, что они при любых условиях муж и жена. Накануне Пасхи 1919-го года направленный в Туркестан Эрдели продолжал заклинять ее:

*«Мы не расстанемся ни при каких условиях. Ты моя жена, а я твой муж. Может быть разлука, трудности, страдания, но не могу без тебя, и не буду. Без тебя мне жизни нет, все в тебе. [...] Тяжело, ну, а ты с мужем? Марочка моя только, ведь ты с ним не сойдешься, как я не сойду с женой, об этом немисливо и думать также. Будем тянуть лямку, если обстоятельства сильнее нас, но мы – ты и я – останемся верны друг другу на всю жизнь. Ты своих детей не оставишь, я своих не могу бросить также, будем для них жить, (я буду жить для твоих девочек также). Как-нибудь соберемся до лучших времен, но вместе, друг для друга...»<sup>133</sup>.*

Тем временем в квартире Мары Константиновны бурлила светская жизнь. Деникин с женой бывал там запросто. Ее также посещали Гагарины, Толстые, Кривошеины. Мещанке Надежде Вечной это общество не показалось респектабельным. Совсем не по-советски настроенная она все же изобразила его разлагающимся. Измены замужних женщин мужьям в белогвардейском Екатеринодаре были делом распространенным и мало осуждаемым.

*«За мной начал ухаживать князь [Кривошеин не имел княжеского титула – О.М.] Александр Васильевич Кривошеин, который видя, что его дела безнадежны, просил Марию Константиновну: “Вы у нее добейтесь, изменяла ли она мужу хоть раз, если да, то я могу еще надеяться”. В его мозгу как-то не увязывалось, что можно прожить с мужем 12 лет, иметь детей и не изменять ему. За дочерью Мар[ии] Конст[антиновны] Татьяной ухаживал какой-то князь – форменная развалина, не потому что он был стар. Нет, он еще не был стар, а просто он напоминал собою какого-то выродка. Может быть у него в роду были сифилитики или еще что-либо в этом роде, но в общем он был дрябл, лицо как выжатый лимон, вместо зубов какие-то полусгнившие клыки. Спрашиваю Таню: “Неужели ты думаешь выйти замуж за этого развалину?”. – Она мне ответила: “Почему нет. Он князь, он даст мне шлейф, а молодого и красивого я себе всегда найду”. Это говорила 19-летняя девушка, очевидно тут уж просто воспитание таково. “Таня, но ведь шлейф можно поднять”. – “Нет, говорила она, шлейф всегда останется шлейфом”»<sup>134</sup>.*

В отношениях Мары и Ивана Георгиевича не было и признаков подобного рационализма. По крайней мере, со стороны Эрдели. Это была чистая без примесей страсть. Ну а Мара? Нужно помнить, что мы видим Мару глазами генерала, влюбленного мужнины, поэтому подлинный ее образ останется нам неизвестным. Мы можем прислушаться к мнению мужа Надежды Васильевны Вечной, или всмотреться в портреты Мары, написанные выдающимися русскими художниками, и составить собственное мнение о ней. Но генерал видел ее перед своим мысленным взором такой:

*«Подчас представляется, как ты повязываешь головку на ночь, как голыми ножками в ночных туфлях ходишь, как в лорнет смотришь, как хорошо и элегантно одетой сидишь, перелистываешь что-то, читаешь, и серьезнее складки по лбу, и милая головка склоненная, породистая, а завиток и шея в волосинках*

*любимых, и прическа нехитрая, а на руках обручик мой – и весь твой облик гармонический. Породистый, милый... и так потянет к тебе, к твоему обаянию женщины, привлекательности, простоты, ласки, ума, нежности и чудной женственности»<sup>135</sup>.*

Но текст дневников может объяснить некоторые из возможных причин столь сильного влечения. Во-первых, он и она – люди модного в то время направления культуры телесности, имевшей широчайший спектр значений. Это и внимательность к физическим нуждам тела, отказ от традиционного идеала аскетизма, ну и здоровый образ жизни.

Надежда Вечная отмечала чистоплотность Мары. Как уже отмечалось, Эрдели ей не уступал. Купание, умывание, чистка одежды и обуви, регулярная смена белья являются неотъемлемой частью нормального течения его жизни, его распорядка дня. 10 апреля 1918 года, находясь в станице Ильинской, он сделал типичную для его «листочков» запись, в которой вперемешку уложено все его волнующего. Тут он и военный человек, и помещик, и человек из плоти:

*«Теперь руководителем у нас сделали Деникина, сегодня собирают всех начальников, и старших, и младших, в станичное правление на совещание, что-то будет объявлять Деникин и войсковое правительство Кубанское. [...] Погода стоит жаркая, солнечная днем и холодная ночью при страшном восточном ветре. Все выдувает, все сохнет, хлеба едва всходят, не дай Господи, если будет здесь неурожай, а здесь столько хлеба засеяно, и всходы хорошие – неужели все это пропадет. [...] Утром помылся в бане – такое наслаждение, сейчас в чистом белье такое чудное ощущение. Хочу ласк твоих нежных, мечтаю о тебе...»<sup>136</sup>.*

Иван Георгиевич не пил, не курил, считая эти привычки не просто вредными, а недостойными. В период полного отсутствия известий о судьбе Мары, он томился тяжелыми мыслями, мечтая, чтобы скорее бы выяснилось, один он остался на этом

свете или не один. И только тогда начал понемногу курить<sup>137</sup>. Тогда же сделана и эта запись:

*«В церкви было хорошо, молился с душевностью и умилением, и наверное ты чувствовала меня, Марочка. Я волнуюсь, меня беспокоят события кругом, нет у меня спокойствия, сердце колотится, мучение просто, хочется курить, чай пить без конца, хочется вина, возбуждения – ну я не знаю чего, но чтобы только заглушить беспокойную сердечную боль в груди, которая просто изводит. Ну видишь, родная моя, как я испортился, развинтился» (13.04.1918)<sup>138</sup>.*

Дневники Эрдели несут на себе печать культурных событий начала XX века. Как писал литературный критик А. Баженов: «Уйдя от “средневекового” Христа, блудный эстет погрузился в... “естественную природность”. По внутренней, метафизической сути своей, он вышел из Нового завета и вернулся в Ветхий завет и в язычество»<sup>139</sup>.

Генерал, как следует из дневника, был человеком глубоко верующим и соблюдающим обрядовую сторону религии, – он постился, причащался, исповедовался. Невозможность регулярно посещения церкви вызывала у него сожаление и неудовлетворенность. Но в тоже время он был способен на какие-то совершенно дионисийские ритуалы. Весной 1919 года на одной из станций под Порт-Петровском Эрдели увидел молящегося и целующего землю татарина. Это ему сразу же напомнило клятву, принесенную ими тоже весной в Царском Селе, когда Мара целовала землю:

*«Помнишь, радость моя, как мы тогда молились своей любовью весне, земле, траве, природе. Как ты хороша была тогда сама воплощение весны, любви нашей, моя любимая. А теперь уже шестая наша весна идет – срок немалый, правда, красота»<sup>140</sup>.*

Клясться и есть землю – это было очень по-язычески и в духе богемы Серебряного века. Всем хотелось естественности и природности. Царивший культ натурализма проник в дневник генерала и наполнил собой его страницы.

В поезде, который его вез опять в Баку, он написал, в который раз обращаясь к Маре:

*«Нет, ты мне открой секрет – почему я никогда в моей жизни не хотел никогда ни одну женщину так, как тебя. Почему? Почему твоя внешность, походка, тело, смех, движения – будят во мне то, что я ни в одной женщине в такой степени не испытывал. Тут помимо любви – чувства, есть что-то иное, какое-то непостижимое соответствие моим вкусам, темпераменту, сладострастию что ли, и вероятно с обратно, то есть что я подхожу во всем этом к тебе. Ты нашла во мне, а я нашел в тебе то, что каждому из нас надо. И что именно надо, перечислить и определить трудно, а это “что именно” чувствуют и хорошо знают наши тела, наши желания, наше сладострастие, наш вкус, наша чистота и испорченность – у них спросить надо...»<sup>141</sup>.*

Ситуация, что некая женщина у некоего мужчины вызывает мощное физическое влечение, никого не удивит. Но то, что он изливает свои переживания на бумаге, да еще и с небывалой степенью откровенности, вот это необычно и это признак времени. Иван Георгиевич знает, что его признания могут быть прочитаны посторонними, но это его не останавливает. Находясь в Салониках по делам службы, он написал:

*«Тот, кто будет читать когда-нибудь этот дневник, то увидит, что все мои стремления – это соединиться с тобой, достигнуть тебя, завоевать Россию, освободить тебя, найти тебя и быть неразлучным больше никогда. И неужели Господь поможет нам и сделает так, что мы соединимся и не расстанемся. Неужели успокоение наступит когда-нибудь»<sup>142</sup>.*

Писал он не только о своих высоких порывах, но и плотских желаниях, физических недомоганиях и мыслях сомнительной добродетельности. У генерала совершенно отсутствуют какие-либо барьеры и фильтры между движениями мысли и пера.

*«Наголодался я по тебе, хотя часто и в большинстве мысли мои не располагают к тому, чтобы отдаваться желаниям, но зато уж если настроюсь, то так до боли, до мучения хочется тебя, хочется страсти, любви, обладания тобой, милый мой, милый. И так я мечтаю утром о твоём теле, ножках чудных, стройных, о “ней”, о шее, грудушке, яринушке – ну о всех твоих сокровищах бесподобных, несравненных и незаменимых для меня ничем и никаких в мире, Марочка моя» (ст. Егорлыкская, 21.05.1918)<sup>143</sup>.*

*«Нестерпимо захотелось вдруг поцеловать тебя, милый мой. Ну уж и нацелуюсь я с тобой, все губы твои обтреплю – съём просто, и ты изволь заклевать меня поцелуйчиками, частыми, жадными, безудержными, умеешь ты целовать – могу сказать; шестой год изучаю на себе твоё это умение и никак привыкнуть не могу: все каждый раз выходит по-новому у тебя. Или я уж такой урод, что мне твоё однообразие милее всего на свете» (Каспийское море, 28.02.1919)<sup>144</sup>.*

*«Ложусь спать. Храни тебя Господь, моя золотая, моя любимая. Целую твои губы, глаза, шею, дай мне ножки свои. Ты знаешь, как я их люблю, как я всегда влюблен в эти ножки, породные, стройные, упругие – люблю тебя, милый» (г. Порт-Петровск, 6.03.1919)<sup>145</sup>.*

Примечательно, что страсть и мысли о ней рождают запахи и звуки природы – цветущие сады, сенокосы, соловьи.

*«...Тепло весеннее, волнующее, будущее желание, ласки, страсти объятий твоих. Просто подумать не могу о твоём запахе, о теле твоём, о ножках любимых, о поцелуе – ну не могу, сейчас в висках застучит, в глазах что-то туманится, и хочу, хочу тебя – ты понимаешь, милый» (Асхабад, 19.03.1919)<sup>146</sup>.*

Эмоциональная раскрепощенность, проявленная генералом в этих письмах, может быть объяснена влиянием новой этики Серебряного века, заявлявшей о равной ценности для мира глобального, общечеловеческого и малого, личного, сокровенного. Этический императив, что «от падения лепестка розы содрогаются миры», позволял Эрдели отождествлять муки собственной души и тела с конвульсиями всей страны.

Во время отсутствия Эрдели в Екатеринодаре, когда совершал длительную поездку в Закавказье, Дагестан и Туркестан, оба – Мара и Эрдели – болели. И их телесные немощи были для генерала важной темой для дневникового повествования. У него – воспаление почек, у нее – воспаление яичников. Мара мучилась от болей, Эрдели, узнав об этом, страдал вместе с ней. Был счастлив, что восстановилось его мужское здоровье, надеялся, что поправилась и она.

*«Ведь должна же ты отлежаться, выздороветь, поправиться, радость моя. Мои почки совсем прошли. Никаких воспоминаний нет, там внизу, где я ушибся, также прошло. Иногда только, как только сильно захочу тебя, так потому внизу ноет, но и это не всегда уже, а изредка. Думается, что когда вернусь, мы оба будем здоровы, к весне, и насладимся нашей любовью, которая была перед Рождеством так мимолетна для нас» (26.02.1919)<sup>147</sup>.*

Такие мысли посещали генерала главным образом в период бездействия, когда он оставался один на один со своими тяжелыми мыслями и страхами – за жизни близких, судьбу Белого движения и порученного дела. Складывается впечатление, что с помощью этого сильнейшего допинга он отвлекался от тревоги, неуверенности, томлений беспомощности.

*«Ты знаешь подчас хочется известись, похудеть, ослабеть в тень обратиться от ласк, от страсти, но только отдаться ей во всю, как следует, без отдыха, без расчета, без разбора*

*времени дня и ночи: встать вымыться, прогуляться с тобой, позавтракать, потом раздеться и отдаться любви, полежать до обеда, пообедать, особенно не одеваться, лежать на диване с тобой, и опять, а потом напиться чаю, лечь в постель совсем и до утра, утром перед умыванием – непременно опять, а когда ты вымоешься и будешь как цветок в халатике – опять, потом чайку или кофе выпить, прогуляться, позавтракать и с начала. А если дни будут теплыми и хороши, то можно во время прогулки на травке, или на скамейке – правда? Ну чем не распределение дня. Положим, я долго так не выдержу (ты женщина тебе легче), но все-таки, сколько могу весь к твоим услугам. Как никак, а я стар становлюсь для твоих продолжительных сеансов. Зато ты расцветешь ярко от любви, а я помолодею, наверное. И это рассуждение человека под 50 лет. Прочтешь со стороны – просто срам один подумаешь. Ну а мне не стыдно нисколько. Я люблю тебя и хочу тебя, вот и все, что знаю, что ты, прочти эти строки, будешь радостна, и тебе было бы не понятно, если бы я рассуждал и узнал иначе, правда, радость?» (26.02.1919)<sup>148</sup>.*

Не стоит забывать, что Мара и Эрдели – ровесники, она тоже стоит на пороге пятидесятилетия.

Некоторые отдельные (их совсем немного) места дневника указывают на то, что генерал был большим знатоком женщин. И они его находили совершенно обаятельным, ведь он так хорошо понимал их и разбирался в их делах. Находясь в Салониках с деловой поездкой, он наряду с официальными заданиями выполнял и приватные:

*«Сегодня сдаю необходимые дела, а главное – покупки. Наши дамы – Деникина, Филимонова, Романовская – дали мне поручение, если здесь дешево, покупать чулки, перчатки, и я купил больше, чем надо. Завтра буду продолжать покупки»<sup>149</sup>.*

Но при Маре он был бескорыстным почитателем, получая от общения с другими дамами скорее эстетическое удовольствие и более ничего. Находясь в Мерве, он встречался с офицерами и служащими Туркестанской белой армии, в том числе



и сестрами милосердия, ходатайствовавшими о помощи медикаментами:

*«Приветствовали меня в поезде наши сестры милосердия из санитарного поезда, какие все хорошенькие. Все русские блондинки с ярким загаром. И девицы, и офицерские жены, ну прелесть какие... удивительно яркие, молодые, здоровы, свежи, что называется кровь с молоком. Одна из них плохая такая, но с такими синими глазами, что [нрзб.] сказал: нет соответствующих слов. Благодаря [их] серьезно, пожелал им успехов в трудном нашем деле борьбы и т.д. ... [и сказал,] что в их руках раненые будут себя чувствовать лучше, чем где-либо. Эта самая с синими глазами спросила, почему. На это я ответил, что когда измученный раненый после перевязки придет в себя и увидит над собой прелестные линии женского лица, как у этих сестер, то уж будет наполовину здоров. Видимо угодил им с ответом (женщины всегда женщины), и мы очень приятно распростились»<sup>150</sup>.*

Мара была центром Вселенной для Ивана Георгиевича в эти сложные годы. Кроме дней церковных праздников, которые для него как для человека верующего очень важны, он назначил себе еще две даты, наполненные особым смыслом: 28 марта – день рождения Мары и 26 мая – день их знакомства. Он задолго готовился к ним, печально настраивался, планировал дела с учетом этих знаковых для него дней.

Любовь придает человеку силы выполнять главную жизненную задачу: революционерам – переустройства жизни; контрреволюционерам – защиты традиционного порядка вещей. Эрдели неоднократно писал в дневнике, что возможность высказаться и даже выплакаться на его страницах, обращаясь к Маре, в конечном итоге укрепляет его веру в себя. Так было в Баку, когда зимой 1919 года он находился там для решения судьбы русского флота на Каспии, а переговоры с англичанами и мусаватистами проходили в тонах, унижительных для него и России. Он так оскорблен, унижен в своем русском чувстве, но приходится терпеть: его несговорчивость может сказаться там,

на севере, «у нас». Присутствие Мары могло бы облегчить его муки, но она далеко:

*«И вся жизнь и война и переживание, все наболело, все измучило[,] и тоска по тебе[,] и неудовлетворение нравственное... обида, оскорбление национальной гордости, русского имени[,] голод по тебе, безумное желание тебя видеть, быть около тебя, ждать твоей ласки[,] все это сейчас перемешалось [нрзб.] и тянет меня, грудь разрывается»<sup>151</sup>.*

Приемы внутренней интерпретации действительности, при которых множество наблюдаемых и переживаемых процессов сводились, как правило, к двум темам, придали эрделевским текстам оригинальную структуру, выраженную их автором в словах: «Ты знаешь, что у меня есть только две темы для разговора и мысли, это Россия – ну дела наши – и ты. Больше ничего нет...»<sup>152</sup>. Или: «Все сводится, сосредотачивается в моем созерцании к тебе, мой милый. И большая историческая задача, и Россия, все по-моему для тебя, чтобы мы могли жить спокойнее, счастливее, радостнее, чтобы ты была сохранена и счастлива, мой милый, моя Радость» (21.02.1919)<sup>153</sup>. Это свойство его логики породило не один запоминающийся отрывок.

*«С утра сижу у окна, читал и грелся на солнце. Пекло мне в физиономию, я вспомнил тебя, как ты голенькая пеклась в Михайловском, любимая моя. В газетах прочитал, что большевики на всех фронтах отступают, и сердце болит у меня за это и вообще за наши дела» (Баку, 13.05.1919)<sup>154</sup>.*

*«Приехал господин какой-то из Кисловодска. Рассказал нам про все и подтвердил, что на Дону идет сильный натиск большевиков. Нет у меня ни желаний, ни дум, только одно – как дела наши.... Ты, ты... и как ты... на душе тяжело. Стряхнуть себя не могу этой тяжести и печали. Ну просто деться некуда. Про Дон жутко, и о тебе у меня всякие больные беспокойства, тяжкие мысли. Лишь бы сберечь тебя, Мара моя. Все время дрожит что-то во мне и так просится. Ну куда я годен. Скорее бы к*

*тебе, утешение ты мне, гордость, радость, опора мне... жизнь» (14.03.1919, Баку)<sup>155</sup>.*

При том, что заявления о равноценности глобального и личного численно лидируют, но тогда, когда Эрдели делает выбор и между этими двумя сверх-ценностями, то он делается в пользу Мары. Чаше этот выбор не формулируется, а выражается в намерениях и поступках генерала.

Само его участие в Добровольческом движении может быть поставлено под сомнение, если исчезнет главный мотив: освобождение России от большевиков *ради* Мары!

*«Мара моя, сколько счастья в том, что мы полюбили, что я люблю тебя и любим. Ну правда же, стоило ли цепляться за жизнь, если бы не мы» (28.02.1919, Баку)<sup>156</sup>.*

В это время он боялся плохих известий о ней, ведь она болела:

*«И мелькнула мысль, а вдруг умерла, что мне делать, что с собой делать, куда кинуться, и сразу мысль – на фронт с ружьем, простым солдатом – и под пулемет большевиков»<sup>157</sup>.*

Деникин хотел его видеть во главе своей кавалерии. Эрдели – человек долга, и он не уклонялся от этого назначения, но всячески оттягивал вступление в должность, ведь это предполагало нахождение на фронте. А до этого Деникин предполагал временно назначить инспектором кавалерии. Эти планы находили у Ивана Георгиевича живой отклик. Ведь он бы тогда остался в Екатеринодаре, на фронте бывал наездами, но главное, имел бы кабинет, где она бы его навещала. В городе был острый квартирный голод, и уединенное место для свиданий добыть иным способом было практически невозможно:

*«...Раз мне до получения фронта надо заняться инспекцией конницы, то я буду работать в Екатеринодаре, значит около*

*тебя, а там это может быть хорошо – иметь свое дело, наладить свою жизнь, бывать у тебя каждый день, ты будешь приходить ко мне, вот только надо Ваню [сына – О.М.] сплавить куда-нибудь в смысле квартиры»<sup>158</sup>.*

Приведенный ниже отрывок показывал метания мыслей и настроений, характерные для Эрдели:

*«Опять в газетах промелькнула заметка о том, что Деникин переехал в Ростов. Неужели и мне надо туда перебираться. Но я фиктивно заболею и останусь около тебя пожить сколько-нибудь. [...] Я какие угодно тяготы и мытарства на себя принял бы, лишь бы у меня было время [бывать] с тобой, когда бы нам не мешали жить нашей жизнью хоть немного, ну два-три часа в день. Если мне назначение в инспекцию кавалерии состоится, то я наверное останусь в Екатеринодаре. Мне в Ростов таскаться нечего, если это так, то приходится ездить туда только доложить обо всем, а затем вернуться и уже устраиваться временно до получения должности на фронте на кабинетную службу в Екатеринодаре. Часы тогда распределяю, может при будущей канцелярии найду себе комнату другую, и ты будешь приходить ко мне, сидеть по вечерам, как помнишь однажды, моя радость, ты у меня просидела около стола. И несмотря на все эти мечты, все мои мысли на фронте, и я успокоюсь только тогда, когда попаду на фронт, в дело»<sup>159</sup>.*

Такому цельному человеку как Эрдели важно было снять противоречие между Долгом и Любовью. Этим можно объяснить навязчивые параллели между Марой и Москвой, между Марой и Центральной «сердцевинной» Россией. Он писал, что более всего желал бы участвовать в освобождении ее родных мест – центра России: Орла, Михайловского, Ельца, Тулы, а не своей родной Херсонской губернии, где находились его семья и имение.

Как-то ему в руки попала книга Игоря Грабаря «Серов», и он с жадностью прочитал главы, относящиеся к периоду, когда художнику покровительствовал С.И. Мамонтов. Тут нужно

вспомнить, что Мара в первом браке была замужем за племянником Саввы Ивановича.

Со страниц этой книги на генерала пахнуло Арбатом, снегом, старой жизнью – самобытной, не заимствованной:

*«И что, кажется, я не отдал бы теперь за переулочек Арбата, за церковь Бориса и Глеба, за встречу там с тобой. [...] Все мое нутро, все мое лучшее, светлое, радостное, прекрасное из всей моей почти полувековой жизни – там с тобой. И ничего не может изменить, ни сравниться с этим. И душа, и любовь, и смысл мой, и все мои побуждения к родине, к России – смысл жизни моей там, в тебе с Москвой – и в Москве с тобой – чувствуешь, и как бы жизнь наша не сложилась... но если нам придется жить вне сердца России, вне Москвы, утратив ее, то как всегда, даже в полном личном счастье, будет не хватать чего-то. Мы с тобой, Мара, будем счастливы нашей любовью, но это счастье всегда будет неполно, пока Москва и сердце России не наши, и пока мы не будем в состоянии вновь смотреть на них, как на нашу, принадлежащую нам родину, правда. Я знаю, что ты это чувствуешь и понимаешь также как и я, а я – как ты.*

*Тут же в комнате есть чудное иллюстрированное издание полного собрания сочинений Пушкина. Перечитываю кое-что давно знакомое, известное, волнуюсь, трепещу просто от красоты слога, языка, мыслей, таланта, русских образов, картин, жизни. И опять наша русская жизнь и былая действительность встает перед глазами. Чем вырос, что воспринял, впитал в себя и дожил до любви к тебе, до любви твоей ко мне, милый. И ты меня любишь именно такого со всеми моими слабостями и недостатками, но тебе понятного, одного ставшего близким. [...] И счастлив, что любишь, понимаешь и принадлежишь этому былому. Горько, горько, что этого больше нет, пошло прахом все»<sup>160</sup>.*

Какое проницательное, какое провидческое понимание смысла их отношений продемонстрировал тут Иван Георгиевич. То, что они друг для друга действительно были воплоще-

нием старой жизни, не могло пройти для них бесследно после поражения Белого движения.

А пока Мара для него мера всех вещей. Она – его судья и его совесть. Она – его нравственный ориентир. Он знает, что Мара ценит гражданственность и верность долгу. Весной 1919 года быстро осознав из поступающих обрывочных сведений успешное весеннее наступление деникинской армии, он писал Свербеевой:

*«Ты знаешь, я всегда думаю и обдумываю... как на тебя действуют все эти удачи и неудач наши, прежде всего, что ты переживаешь, чуткая, русская, любимая женщина, моя умница, прелестная»<sup>161</sup>.*

Он хочет, чтобы она им гордилась, ведь он тратит столько сил для восстановления порядка в стране. Но всегда после государственных мыслей у него мысли о ней. И итог: «Выбирать между Россией и Марой – я выбираю Мару»<sup>162</sup>.

Постепенно можно понять, что его такое иступленное отношение к Маре рождено инстинктом самосохранения. Это хорошо демонстрирует отрывок дневника, относящийся к 28 февраля 1919 года, периоду сильнейших нервных встрясок в занятии англичанами Баку:

*«Теперь наступает во мне какая-то реакция, подъем нервов сменяется утомлением и равнодушием, и одна только мысль: к тебе, в уют твой, немного тишины, спокойствия и нормальных условий с тобой. К тебе все мысли, в тебе опора вся и надежды все. Все хочется высказать, поделиться, дать волю душе, сердцу, не сдерживаться, не брать все время на себя, а сесть около тебя, около печки, глядеть на тебя хоть молчать, но чувствовать, что сердце твое бьется вместе с моим, душа чувствует также как моя, что ты живешь для меня, так как я живу для тебя»<sup>163</sup>.*

Возникновению чувства между людьми способствует целый комплекс предпосылок. Можно высказать предположение, что если бы не война с Германией, переросшая в гражданскую, то роман Эрдели и Свербеевой так и остался бы великосветской историей, прекратившейся гораздо раньше, чем это случилось в действительности. Эрдели, о котором когда Толстые говорили, что он славный, слабый и жалкий мальчик, должен был найти опору в эти трудные для него и страны годы. Людям, ставившим перед собой задачи, превышавшие их уровень и возможности, нужна была женщина, причастная к их борьбе, олицетворявшая собой их общие идейные ценности и ориентиры. Крайне важным было ее положение – несколько более высокое, чем у мужчины. А таковое у Мары было. Она была более состоятельна, чем Иван Георгиевич. Положение ее семьи и родственников было несколько выше, чем положение семьи Эрдели.

Свидетельство того, что до 1914 года их роман был немного мезальянс, содержится в одном из «листиков». Получив известие о советском декрете о национализации банков, генерал волновался, догадалась ли Мара снять деньги со счета. У него такой заботы нет. Его только волнует судьба той суммы, которая была выплачена крестьянами под давлением немцев его жене за разоренное имение Роща в Херсонской губернии. Эрдели писал 31 мая 1918 года:

*«Я такой неимуций стал, ничего у меня нет, и так отрадно душе от подозрения, что и тебя большевизм обобрал. Осталось у меня сердце, голова, здоровье и пока мое желания действовать, работать, трудиться, – вот мой капитал. И если в этой борьбе можно будет для России сделать что-нибудь, то родина быть может не оставит, поддержит меня, а я поддержу тебя и детей моих. Какое счастье и гордость потерять все свое достояние и затем иметь возможность жить и существовать оттого, что тебя не забудет общество, люди, и поддержат тебя. Как бы я хотел, чтобы так было, и чтобы ты мною гордилась, хвалила меня. Ты мой самый строгий судья...»<sup>164</sup>.*

Любовь подчас нужна как средство самоутверждения. В женской любви человек укрепляет свой образ как мужчины и защитника поруганной Родины. То, что женщина не просто страдает ему, жалеет его, но и испытывает страсть, являлось для него мощным фактором обретения душевных и физических сил для исполнения отведенной ему историей роли. Женщина, ставшая объектом любовного чувства, в глазах мужчины обладала набором особо значимых с его точки зрения достоинств. Это могла быть красота и физическое совершенство; осведомленность в вопросах политики и идеологии; давняя принадлежность к кругу, в который стремился попасть мужчина. Отношения именно с такими женщинами улучшали самочувствие комбатантов и политиков в условиях внутригражданского конфликта. Эта гендерная асимметрия в целом характерна для Нового времени.

При всей свободе поведения Эрдели и Мары, они прячут свои отношения и стремятся не придавать их гласности. Как упоминалось нравы в «Деникии» не были пуританскими. В одной из тетрадок Эрдели находим сентенции по поводу адъютанта Шкиля и его личной жизни. Тот, «малый серьезный и осторожный», но имеет отношения с некой Галахиной, которую Эрдели назвал бедной и несчастной. Она из породы женщин, с которой можно связаться, но не привязаться: слишком на связь податлива, да и муж идиот. Он невольно провоцирует жену, будучи совсем никчемным типом, не способным выдержать сравнения с мало-мальски содержательными людьми. Словом, странная пара – сплошное недоразумение<sup>165</sup>.

Роман генерала также стал предметом недоброжелательного внимания. Иван Георгиевич стеснялся говорить о Маре даже с ее дочерьми. Заходил в дом, где она жила, с черного крыльца. Маскировал и маскировался. Эрдели, как следует из дневника, полагал, что предпринятая им конспирация достаточна и все приличия соблюдены. Когда в Екатеринодар приехал родственник его жены Дмитрий Кузминский, с которым у Эрдели были добрые отношения (в отличие от других представителей «бер-



совской» семьи), и который взял заботы об Иване-младшем, все равно Иван Георгиевич считал его приезд осложнением. Но тем не менее, его отношения со Свербеевой не были секретом для широкого круга людей, и окружающие считали их сомнительными.

Давний близкий знакомый генерал А.С. Лукомский назвал Эрдели прекрасным товарищем, хорошим офицером, но очень легкомысленным по части женского пола<sup>166</sup>. Разговоры о том, что у Эрдели две жены, что он хочет откупиться от первой, чтобы «взять другую», производили, по словам К.А. Чхеидзе, адъютанта начальника Кабардинской конной дивизии и правителя Кабарды князя В.А. Бековича-Черкасского, «тяжелое впечатление» и рождали «дурные слухи о штабе»<sup>167</sup>. По общему мнению, тот военачальник, у которого личная жизнь забирает много внимания, не может в должной степени посвятить себя нуждам армии. Примечательно, что в тексте дневника самого Эрдели чувствуется некоторая гримаса, когда он пишет о том, что генерал А.И. Деникин ездит в полки на традиционный обед не один, а с молодой женой<sup>168</sup>.

Обсуждавшие ситуацию офицеры рассуждали так, что мужчине при двух женах приходится тратиться вдвое больше, чем при одной, что неизбежно приводит к финансовым злоупотреблениям. Все это не соответствовало действительности: Эрдели был аккуратен с казенными средствами; не он Маре делал подарки, а она, гораздо более состоятельная, ему; и за судьбу движения он переживал не меньше других, но реакция посторонних была именно такой.

Мара действительно окружала его вниманием и заботой. На страницах дневника упоминаются подарки сделанные ею. Это и шелковая рубаша – от вшей, и теплые носки, и походные подушки, и часы, не говоря уже об образах святых покровителей. Генерал по мере возможностей тоже готовил для нее подарки. Во время поездки в Туркестан, готовясь вскоре вернуться в Екатеринодар, он задумывался, какой сувенир ей привезти:

*«Ведь надо тебе к Пасхе преподнести что-нибудь, подарить на память, нужно и к рождению тоже. Ну как ты, моя умница Маара, останешься без подарка от верноподданного и всей жизнью преданного Ванюшеньки. [...] В Асхабаде есть мой старый приятель полковник Уроз-Берд. Мы с ним были в корпусе и на “ты”. Я думаю, что я из его богатств что-нибудь утаю такое художественное – местное, азиатское, непривычное для европейцев...»<sup>169</sup>.*

Их тех закровов или нет, но он приготовил ей подарок на Пасху 1919 года – браслет из черного серебра как символ тяжелого времени.

Эрдели не устоял перед соблазном использовать ресурсы армии в интересах своих контактов с возлюбленной. Поддержание связи было для них важнее материальных благ. Прилетевшие в Порт-Петровск летчики привезли телеграмму от адъютанта Шкиля, а по сути от Мары с текстом: все здоровы и волнуются, не имея известий, когда приедете. Вечером этого дня генерал до поздней ночи отвечал на депеши Деникина и сочинял зашифрованную телеграмму для Мары, хотя и на имя Шкиля, а также написал и передал для нее письмо. Текст для телеграммы нужно было составить нейтрального содержания, чтобы пройдя по этапам шифровки и дешифровки она не выдавала себя как частное послание. Его очень заботили приличия.

В глазах окружающих Эрдели состоял в законном браке, но с Марией Александровной, а не с Марией Константиновной. На страницах дневника он редко упоминал свою жену. О детях – чаще. Его детям: Ивану – 26 лет, Мусе – 22 года, Георгию – 17, Александру (Сандику) – 14 лет. Иван успел уже и жениться, и разойтись с женой. Последний раз генерал видел всех их в мае 1917 года в Ясной поляне. В течение 1918-1919 годов его семья находилась в Елисаветграде то под немцами, то под большевиками. Последний раз он видел их в мае 1917 года в Ясной Поляне у Толстых и не имел о них известий с осени. К своему стыду он о них переживает не так остро, как следовало бы: «И

узнай о смерти твоих дочерей или одного из своих детей – я чувствую, что больше бы горевал о них, чем о своих детях»<sup>170</sup>.

Он с симпатией относился к ее дочерям и сыну. В Екатеринодаре Колю обучала достойная учительница Елена Алексеевна Бубликова. Это он рекомендовал ее. Еще до наступления на Москву, когда деникинские войска вошли на территорию Тамбовской губернии, Эрдели послал офицера Дмитриева вывезти из Кирсанова Марию Ивановну Олив, мать Мары. Дочери от первого брака Марии Константиновны – Марина и Таня – по очереди отдыхали в Пятигорске. Там находилась его резиденция как Главноначальствующего Терско-Дагестанского края. Бывала там и Мара, сняв дом в колонии Каррас, ныне пос. Иноземцево. Эрдели приезжал туда ежедневно. По приглашению генерала там гостила и Надежда Вечная. Она лечила Мару, когда у той было воспаление яичников: ночами не спала, делала ей компрессы. В знак благодарности Эрдели и Мара подарили ей этот отдых. Наблюдавшая курортную жизнь этой пары Вечная так описала ее:

*«Помню, когда Мария Кон[стантиновна] уехала в местечко Карас под Пятигорском, а генерал был в то время в Пятигорске, мне нужно было быть там, я приехала к М.К. и спросила, где я могу видеть генерала, она мне ответила, что в 12 часов он придет из Пятигорска сюда к ней пить кофе, а ужинать и обедать он поедет туда»<sup>171</sup>.*

Меры по вывозу своей семьи он, по-видимому, не предпринимал, а писал так: если семья приедет...

*«Если семья приедет, я должен буду о ней заботиться, я не могу бросить их как щенят на улицу, но это как опекун, как отец детей, а не как муж, и не как одно целое! И какой я опекун? Ни гроша в кармане, что я буду им давать? Мусю нужно сунуть на службу, Георгия в добровольцы, Ваню также, пусть Сандик один при матери останется – учится. А может быть Муся уже замуж вышла за своего венгерца? [...] А может быть*

*зарезали [нрзб.] всех. Не дай господи. На себе буду чувствовать вину, если их прикончили, а с другой стороны, что я мог бы сделать?»<sup>172</sup>*

Мара в отличие от Ивана Георгиевича, чувствуется, симпатий к его сыну Ивану, пробравшемуся на Юг, не испытывала, писала, что «он непоправим». Вероятно, речь шла о его kleптомании.

Если судить только по отзывам Вечной и содержанию дневника Эрдели, то муж Мары покажется человеком незначительным и серым. Подлинная личность Фёдора Дмитриевича Свербеева так и останется загадкой, ведь отзывам неблагожелательно настроенных людей верить не стоит. Все же он дослужился до действительного статского советника. Он мог достичь этого чина только служа в Министерстве внутренних дел, ведь он был уездным предводителем дворянства, а на этой должности выше статского советника, чина V класса, за выслугу лет не давали. В РГАЛИ хранится адресованное ему письмо графини Натальи Михайловны Соллогуб (урожд. Боде-Колычевой)<sup>173</sup>, мало добавляющее к облику Фёдора Дмитриевича.

Известно, что Фёдор Свербеев, находясь на Юге России, был заведующим продовольственной частью Отдела торговли, промышленности и снабжения; с 19 марта 1919 года членом Совета начальника Управления продовольствия, с июля – помощником начальника Управления продовольствия<sup>174</sup>. В период московского наступления был назначен губернатором Орла, но пробыл на этой должности около недели. Россию покинул в марте 1920 года из Новороссийска на корабле «Константин», шедшем в Константинополь. В мае 1920 года находился в Югославии, но затем вернулся в Крым. И до эвакуации армии Врангеля служил в органах Всероссийского Земского Союза. В ноябре 1920 года эвакуировался на транспорте «Ялта»<sup>175</sup>.

Из записки Вечной мы знаем, что Свербеев и Мара покинули ее екатеринодарский дом вместе. По-видимому, они отбыли в Новороссийск. Эрдели в это время выводил свои войска в

Грузию. Но Вечная упоминала, что Эрдели имел какое-то отношение к отъезду Мары. Об обстоятельствах и времени прекращения их отношений пока ничего не известно.

Свербеевы и Эрдели жили в эмиграции во Франции, но, по-видимому, не общаясь. Эрдели с семьей жил в Париже.

По сведениям Тамбовского областного архива Мара прибыла во Францию вместе с семьей своей сестры Веры Константиновны Андреевской и первоначально проживала у другой сестры Софии Стефанской в местечке Бурдонне, в 30 километрах от Парижа и в 50 километрах от Шевийи-Ларю.

Детали отъезда Мары с детьми в эмиграцию неизвестны. Но известно, что Андреевские эмигрировали через Финляндию, о чем рассказывается в воспоминаниях Владимира Михайловича «Как мы бежали из Петрограда» (при жизни не были напечатаны; опубликованы в сборнике «Проблемы истории русского зарубежья», вып. 2, Москва, 2008). Значит, Мара и семья ее сестры прибыли во Францию разными путями, но встретились там в доме Сони Стефанской.

В сведениях о муже Стефанской Леониде Карловиче указано, что он эмигрировал в 1919 году<sup>176</sup>. Таким образом, к приезду Мары и Андреевских Стефанские уже год жили во Франции.

В 1927 году княгиней Верой Константиновной Мещерской в Сент-Женевьев-де-Буа в 23 км от Парижа был организован приют для русских беженцев. Андреевские и многие представители круга их общения приняли деятельное участие в его открытии, став затем его пансионерами. Скорее всего, что среди них была и Мара.

Сын Мары Николай Фёдорович Свербеев, доктор медицины, в 1930-1940-х годах проживал в Германии, опубликовал там несколько научных работ по медицине и погиб 27 апреля 1945 года во время штурма Берлина советскими войсками. Похоронен на православном кладбище Тегель в Берлине. Судя по надписи на установленном на могиле кресте, был женат на Эрике (1908-2001) и имел дочь Хелену (1942-1997). На копии родословной Свербеевой, имеющейся в Томском музее изобраа-

зительных искусств, от руки приписано, что у Николая было две дочери<sup>177</sup>. О второй ничего не известно.

Не исключено, что выбор Германии связан с тем, что один из Свербеевых, Сергей Николаевич (1958-1922) был последним послом Российской империи в Германии. Кроме того, в упоминавшейся родословной Свебеевых указано, что целый ряд представителей этой фамилии в межвоенный период жили в Германии, и один из них, Николай Дмитриевич, был убит на восточном фронте 30 ноября 1942 года, то есть во время боев с Красной армией. По-видимому, семья принадлежала к той части эмиграции, которая в этой войне сочувствовала фашистской армии.

В справочном издании «Российское зарубежье во Франции» говорится, что Фёдор Дмитриевич Свербеев участвовал в деятельности эмигрантских организаций, располагавшихся на Юге Франции – в Каннах, на Ривьере<sup>178</sup>. Умер он в Париже ровно за год до смерти И.В. Сталина – 5 марта 1952 года.

Мара Константиновна пережила всех и скончалась в 1964 году.

Итак, великая любовь умерла, пришло тотальное отчуждение. Почему так?

В годы Гражданской войны для Эрдели и Мары Свербеевой было очень важно, что их роман начался в чудесное довоенное время. Поэтому в годы революционной смуты каждый из них напоминал другому то, что они оба так стремились вернуть. Но в эмиграции потеря надежды на возвращение в Россию, в Москву, к ее церквям и снегам, стушевали образы обоих в глазах каждого из них. Мара и Иван Георгиевич наверняка стали напоминать друг другу острее, чем кто-либо другой, о потерянной России.



## **ГЛАВА 3**

### **ВОЖДЬ ПОНЕВОЛЕ: ГЕНЕРАЛ ЭРДЕЛИ В РЯДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ**

Уже начало армейской карьеры Ивана Эрдели обещало ей быть удачной.

В 1890 году Иван вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Его взводным и эскадронный командиром был наследник Николай Александрович Романов, а командиром полка до ноября того же года – великий князь Николай Николаевич-младший, который ушел затем на командование 2-й бригадой 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, в составе который находился лейб-гвардейский Гусарский полк.

Такое начало и стало залогом дальнейшей успешной карьеры Ивана Георгиевича. Не случайно в мае 1918 года он записал в дневник, что вспоминал в молитвах добрым словом и Н.Н., и царя за то, что они ему помогали в жизни и советом, и деньгами, и продвижением по службе<sup>179</sup>. У Ивана Эрдели и великого князя было общее увлечение – псовая охота. О наличии такового у Эрдели упоминал А.С. Лукомский в «Очерках моей жизни», сам заядлый охотник. А Николай Николаевич известен как организатор образцового «завода» борзых собак в своем имении Першино.

По сведениям послужного списка И.Г. Эрдели, в августе 1894 года он был произведен в поручики, в декабре 1894 года – в штабс-ротмистры. В 1895 году поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Насколько это блестящий резуль-

тат покажет сравнение с биографиями других офицеров – будущих генералов. Ставшие подпоручиками в 1892 году Антон Иванович Деникин, сын рекрута, выслужившегося в офицеры, и Лавр Георгиевич Корнилов, сын коллежского регистратора, также были зачислены в академию в тот же год.

Не ясно, почему в биографиях Эрдели называется 1897 год как год выпуска из академии, ведь срок обучения составлял три года: первые два года – теоретический курс, третий год – подготовка и защита трех диссертаций по различным областям военного дела. По-видимому, в связи с тем, что в своих воспоминаниях о генерале М.И. Драгомирове Эрдели называет этот год как дату выпуска из академии. Вместе с А.С. Лукомским и еще тремя выпускниками он был назначен на службу в Киевский военный округ и поступил в непосредственное подчинение генерал-квартирмейстера генерала Рузского<sup>180</sup>.

В биографии Корнилова указано, что он закончил академию в 1898 году с малой серебряной медалью, отказался от зачисления в Генеральный штаб (неслыханный случай) и вернулся для службы в Туркестанский округ. Деникин окончил академию позже, в 1899 году, так как был отчислен в конце первого курса, получив низкий балл по военной истории, и поступил повторно в тот же год. Все это подробно описано им в автобиографическом повествовании «Путь русского офицера».

Если вернуться к единственным из известных воспоминаний, принадлежащих перу Ивана Георгиевича, посвященных генералу Драгомирову, то примечательна сама идея этого текста. Эрдели вспоминал, что сказал молодым поручикам при первом знакомстве старый генерал: не драть нос перед строевыми офицерами, потому что они знают много больше. Спустя почти 35 лет 60-летний полный генерал с энтузиазмом соглашался, как важно знать душу солдата и уметь развить его природные дарования, и подчеркнул, что наставления командующего округом отразились на всей его армейской службе.

Легко проверить, так ли это.



Положенное цензовое командование эскадроном Эрдели отбывал в 26-м Бугском драгунском полку ровно год – с сентября 1898 год по сентябрь следующего года. Потом оказался под началом своего покровителя, великого князя Николая Николаевича – в Управлении инспекции кавалерии. В ноябре 1900 года стал старшим адъютантом его штаба. Русско-японскую войну он встретил в этой должности и пробыл в ней до 22 июня 1905 года. Но после этого он отправился не на Дальний Восток, а на новую канцелярско-штабную службу в качестве старшего делопроизводителя канцелярии Совета государственной обороны – органа, созданного по инициативе Николая Николаевича, и в котором великий князь занял председательское место. Примечательно, что в течение девяти месяцев 1905 года Эрдели был прикомандирован к лейб-гвардии Гусарскому полку (своему родному полку) «для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку», в декабре того же года произведен в полковники, но полк не принял.

Иван Георгиевич назначен командиром 8-го Астраханского драгунского полка в июне 1907 года. Этот полк был сформирован на основе 22-го Астраханский драгунского полка, шефом которого был генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич-старший – отец Н.Н. Полк был расквартирован в г. Тирасполе и относился к Одесскому военному округу.

В день окончания командования этим полком Иван Георгиевич был произведен в генерал-майоры «за отличие» и назначен командиром лейб-гвардии Драгунского полка. В следующем году он был зачислен в свиту императора. В ноябре 1912 года сдал командование полком и был назначен генерал-квартирмейстером штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, разумеется, при Главнокомандующем войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великом князе Николае Николаевиче.

После начала Первой мировой войны Эрдели был назначен (с 19 июля 1914 года – генерал-квартирмейстером штаба 6-й

армии, а с 9 августа 1914 года – переведен на ту же должность в штаб 9-й армии. Через неполные два месяца (с 18 октября 1914 года) назначен командующим 14-й кавалерийской дивизией. Через семь месяцев (с 13 мая 1915 года) – командующим 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. Ею Иван Георгиевич командовал долго – полтора года, до ноября 1916 года. За это время он был награжден Георгиевским оружием (1915) и произведен в генерал-лейтенанты (май 1916 года). Последнее место его службы при царском режиме – начальник 64-й пехотной дивизии (с ноября 1916 года).

В.Н. Калиновский, краевед из г. Николаев, работавший над семейной историей Эрдели, в своем очерке об Иване Георгиевиче выдвинул версию, что перевод из гвардейской кавалерийской дивизии в обычную пехотную дивизию был понижением, потому что гвардейская кавалерия и пехотные части стояли на разных ступенях армейской иерархии. Исследователь оценил должностные перемещения Эрдели в годы войны с Германией как переводы не с повышением, а на равнозначные должности<sup>181</sup>. Для соответствующей оценки степени успешности военной карьеры генерала Эрдели в эти годы нужно хорошо знать нравы той среды и того времени. Действительно, плохо проявивших себя военачальников просто перемещали с места на место. Так было с генерал-адъютантом и генералом от кавалерии Владимиром Михайловичем Безобразовым, однополчанином Николая II по службе в лейб-гвардии Гусарском полку, который командовал гвардейским корпусом в 1912-1915 годах, но в июле 1915 года был отстранен от командования. Но в декабре он был снова назначен на фронт командовать особым гвардейским отрядом, сформированным из 1-го и 2-го гвардейского корпусов. В июле 1915 года после неудачных ковельских боев Безобразов был вновь устранин от командования. Как передавала в своем письме мужу императрица, «все страшно возмущаются Безобразовым, все кричат, что он допустил избиение гвардии»<sup>182</sup>.

Но с другой стороны, командование пехотной дивизией может рассматриваться как необходимая ступень для дальнейшего роста военачальника с целью получения навыка командования более крупными войсковыми соединениями. Как ни крути, а пехота – основа любой армии.

Большая часть отличий получена генералом И.Г. Эрдели в годы Первой мировой войны. В 1915 году – Орден Святого Станислава 1-й степени с мечами, Орден Святой Анны 1-й степени с мечами; золотое Георгиевское оружие; в 1916 году – Орден Святого Владимира 2-й степени с мечами.

Февральская революция не остановила карьерного роста генерала Эрдели. С 6 апреля 1917 года он – командир 18-го армейского корпуса, а в июне-июле 1917 года – командующий 11-й армией. Он принимал участие в июньском наступлении русской армии, и его армии удалось добиться некоторых успехов. В это время он становится полным генералом. По мнению В.Н. Калиновского 18 июня 1917 года ему было присвоено звание генерала от инфантерии, а позже, уже в составе Добровольческой армии он был переаттестован в генерала от кавалерии<sup>183</sup>.

29 августа Эрдели был арестован в числе генералов Юго-Западного фронта вместе с А.И. Деникиным, С.Л. Марковым, В.А. Селивачёвым и др. и помещен в тюрьму г. Бердянска. Причиной их ареста стали телеграммы, посланные в адрес Временного правительства с заявлением о поддержке действий Корнилова. 25 сентября так называемая бердянская группа генералов должна была быть приведена на вокзал с целью отправки в г. Быхов Могилёвской губернии для соединения с арестованным Корниловым и его группой. По пути на вокзал генералов стали забрасывать сначала комьями грязи, потом уже булыжниками. От расправы их спас командир юнкерской роты В.Э. Бетлинг, ежесекундно напоминавший толпе: товарищи, слово дали...

Вторым их спасителем стал назначенный верховным главнокомандующим русской армией генерал Н.Н. Духонин. 19

ноября он отдал приказ об освобождении быховских сидельцев, вскоре пав жертвой разъяренной солдатской толпы.

Разными путями Корнилов, Деникин, Марков, Эрдели и другие бывшие арестанты добирались на Дон. По дневнику Софьи Андреевны Толстой можно предположить, что Эрдели заезжал в имение Ясная Поляна в Тульской губернии. Там находилась теща Ивана – Татьяна Кузминская. 2 марта (ст. ст.) 1918 года Толстая записала: «Ваня Эрдели прекрасно играл на рояле разные вещи»<sup>184</sup>. По-видимому, что речь идет о Ванечке, сыне Ивана Георгиевича. В это время Иван Георгиевич уже был на Юге.

Самые ранние из сохранившихся в архиве записей относятся к 17 марта (ст. ст.) 1918 года. Известно, что перед уходом на Кубань Эрдели побывал в Новочеркасске. Оттуда он был направлен на Терек и Кубань с целью призыва офицеров в создаваемые отряды. Было известно, что во Владикавказе, Минеральных Водах, Екатеринодаре скопилось большое число офицеров, покинувших фронт. А.И. Деникин писал: «Еще с января в Екатеринодаре жил генерал Эрдели, в качестве представителя Добровольческой армии»<sup>185</sup>. После установления в Екатеринодаре советской власти он не стал выбираться из города самостоятельно, а поступил в кубанские части атамана Филимонова, организованно покинувшие город. Он присутствовал на совещании у кубанского атамана полковника А.П. Филимонова, когда обсуждалось это решение.

Генерал Эрдели потом записал, что это была правильная линия поведения: позже он узнал, что многие, кто выбирался поодиночке, были то арестованы, то расстреляны, то пропали без вести. Его держало в этом городе дело: он принял участие в формировании кубанских частей в качестве советчика. Но предложение возглавить их отклонил, предложив вместо себя капитана Покровского, который явно стремился на руководящие роли. После ухода казачьих частей из Екатеринодара он участвовал в установлении отношений между ними и Корниловым. Препятствием на пути к этому был и Покровский, и ата-

ман Филимонов. Но в итоге соглашение о подчинении было заключено.

Еще до этого момента Эрдели вернулся в ряды добровольцев-первопоходников и в начале мая был поставлен во главе добровольческой кавалерии. После взятия Екатеринодара, примерно в октябре 1918 года, через Новороссийск он выехал на Балканы с дипломатической миссией. Вернулся в начале декабря. Но вскоре был командирован в Баку для решения вопросов об имуществе российской армии в Закавказье и Каспийского флота. Туда он добирался через Батум. Эта миссия оказалась для него и ВСЮР неудачной: отстоять флот не удалось.

Опущенные в записках подробности пребывания в Баку могут быть восстановлены из воспоминаний В.А. Добрынина, офицера-пограничника, находившегося в это время на территории Мугани – области к югу от Баку, населенной переселенцами из Украины, Центральной России, Кубани. Добрынин встречался с Эрдели, который побывал в Мугани с целью организации переброски находившихся там офицеров в деникинскую армию. Желая покинуть Ленкорань были, но немного. Жаль, что «листки» с описанием поездки в Мугань не сохранились.

О переговорах генерала Эрдели с генералом Томпсоном в Баку в феврале 1919 года Добрынин пишет следующее:

*«В Баку отношение англичан к Белой армии становилось явно предательским. Прибывший туда представитель Добровольческого командования ген. Эрдели требовал от союзников передачи нам наших военных кораблей, являющихся неотъемлемой собственностью Российского государства, и согласно декларации союзников, восстановление на Кавказе Российской государственности в ее довоенных границах, т[ем] б[олее] что Азербайджан был создан вражеской оккупацией как стратегическая база и плацдарм для экспансии турецкой армии, являющейся врагом союзных стран, и, конечно, не может признаваться Россией законным государством»<sup>186</sup>.*

Томпсон стал убеждать Эрдели в необходимости разоружения кораблей, поскольку якобы англичане имели точные сведения о подготовке их увода в Астрахань. Такие попытки действительно предпринимались, это известно из воспоминаний бакинских подпольщиков, но все они провалились. Позиция большинства команд была соглашательской, они готовы были смириться с любой властью, лишь бы остаться в Баку и продолжать понемногу заниматься контрабандой из Персии. К февралю 1919 года эти попытки уже прекратились, поэтому англичане лукавили с генералом.

Эрдели заявил, что добровольческое командование обладает необходимым ресурсом личного состава, чтобы заменить ненадежные команды на этих кораблях. В итоге Томпсон и Эрдели не нашли общего языка. Дальнейшие события по описанию Добрынина таковы:

*«28 февраля 1919 года ген. Томпсон пригласил на совещание всех командиров наших военных кораблей с их офицерами. Большинство же матросов в этот день были отпущены в отпуск на берег. Мирно стоявшие на якорях в Бакинских портах и рейдах наши военные суда были внезапно и предательски атакованы английскими минными лодками, специально переброшенными для этого в разобранном виде в Баку из Черного моря. Атакующие лодки на полном ходу выпустили по нашим кораблям несколько разрушительных мин, из которых к счастью ни одна не попала в цель из-за сильной качки, волнения стрелявших и страха, что наши моряки ответят огнем на их подлое предательство.*

*Ввиду отсутствия на наших судах командного состава и большинства матросов мирно стоявшие на якорях наши корабли под непосредственной угрозой полного уничтожения нашего флота были пиратски захвачены дорогими союзниками.*

*Два века гордо реющие над нашими кораблями славные Андреевские стяги, дарованные Русскому флоту еще Великим Петром, были предательски спущены англичанами и нагло и*

вызывающе на наших военных судах были подняты флаги предателей.

*На всех кораблях появилась надпись заглавными буквами “Н.М.”, т.е. Корабль Его Величества Короля Англии. [...]*

*Это случилось 28-го февраля 1919 года, а уже на следующий день, 1-го марта<sup>187</sup>, ген. Томпсон предъявил ультиматум нашему командованию о немедленном “очищении” русскими войсками Баку и всей территории так наз. “Независимой Азербайджанской Республики”. Своему же старому соратнику, командующему русскими войсками, генералу от Инфантерии Пржевальскому, дорогие союзники в знак особого признания и почета подали грязный товарный вагон для скота. Старый кавказский герой был так потрясен подлостью и издевательством англичан и так растерялся, что даже не мог протестовать и только на энергичные требования его Штаба вагон для скота был, наконец, заменен пассажирским составом»<sup>188</sup>.*

Морской офицер флота белых на Каспии Константин Карлович Шуберт сообщал подробности использования англичанами конфискованных русских судов. Лучшие пароходы на Каспии они вооружили, зато все остальные ходили в коммерческие рейсы, а все доходы поступали англичанам, которые таким образом окупали свое пребывание в регионе<sup>189</sup>.

С этого момента Эрдели излагает события подробно, ведь у него появилось много свободного времени. Он получил личное письмо от Томпсона, в котором ему сообщалось, что приказ о выводе касается войск, но не его как представителя командования ВСЮР.

В Баку Эрдели было передано сообщение, что Деникин намеревается поставить его командующим фронта Одесса – Екатеринослав, а пока планировал поручить инспекцию кавалерии.

24 февраля 1919 года генерал наконец-то выехал из Баку, чтобы через Порт-Петровск попасть на Кубань. Однако из-за ухудшившихся отношений с горцами прямой путь через Гудермес – Грозный – Моздок был закрыт. Он сделал попытку до-

стигнуть железной дороги окружным путем: морем до станции Старотеречная, затем на лошадях до Кизляра и оттуда поездом до Минеральных Вод. Дальнейшая дорога проходила по территории, контролируемой ВСЮР. Однако плавающие льды в северной части Каспийского моря не позволили рыбацкой шхуне, на которой он плыл, пройти в Брянский залив. Пришлось возвращаться.

Генерал себя чувствовал запертым на маленьком кусочке земли, на котором можно было совершать лишь прогулки по железной дороге Порт-Петровск – Баку.

*«Тяжелые времена. Трагедия то, что отсюда нельзя никуда выйти, нет путей ни морем, ни сухим путем, тоже по железной дороге. А чтобы идти пешком, нет у меня обмундирования, сапог просто нет. Пешком еще можно было идти, но так жалко всего имущества, что мы здесь бросим тогда. [...] При этом если идти с боем, то не дойдешь, так как здесь небольшая горсть людей, и могут по дороге чеченцы перебить всех. Поэтому нам нужен гарантированный свободный пропуск»<sup>190</sup>.*

В Порт-Петровске ему передали сообщение о новом поручении:

*«Расшифровали телеграмму Деникина от 30 февраля, и мне предлагают ехать в Асхабад, куда едет назначенный главнокомандующим Г.Л. Савицкий из Екатеринодара. Я знаю, что этот Савицкий сидит в Батуме, не может выехать. Теперь вопрос – мне, значит, ждать Савицкого. А может быть, Савицкий будет сидеть там месяц, и грузины его не пустят. Нет мне никакого смысла ехать в Асхабад, одному там ждать у моря погоды. Не поеду – если так» (3.03.1919)<sup>191</sup>.*

Несмотря на неудачу с проездом по Грузии у Савицкого, Эрдели все-таки вернулся 9 марта в Баку, попытаться получить у англичан для себя пропуск для проезда в Батум, чтобы затем морем добраться до Новороссийска. Но англичане тянули и не



выдавали ему пропуск. Он жил инкогнито в доме знакомого присяжного поверенного Б.Л. Байкова, никому не показывался, никаких иных вопросов не решал. Причиной его бездеятельности было незнание планов деникинского командования: «Никаких указаний свыше нет, как действовать и поступать, чтобы согласовать действия и не испортить»<sup>192</sup>.

14 марта англичане наконец разрешили ему проезд в Батум. Но тут в Баку приехал Савицкий (добравшись через Старотеречную – потеплело, и льды отступили), из-за этого Эрдели должен был ехать в Красноводск и Асхабад.

Страницы дневника, написанные за время пребывания в Туркестане, по-видимому, сильно пострадали, поэтому сохранились обрывки текста. Из уцелевшего можно составить впечатление о двух темах – о видении генералом перспектив Белого движения в Средней Азии и о настроениях местной родовой аристократии.

Генерал нашел работоспособным новый состав Комитета спасения Закаспийского края: большевиков нет, эсеров мало, все гораздо умереннее и правее: «Они все ребята осмысленные, серьезно и хорошо направленные и ужасно боятся Деникина и Доброармии, чтобы их как-нибудь не потревожили, не разогнали и т.д.»<sup>193</sup>. Его спутника генерала Б.П. Лазарева уже избрали местным военным министром. Эрдели полагал, что если бы деникинское командование отпустило деньги на Туркестан, то легко можно было бы отбросить красных из края и соединиться с Колчаком, потому что местные большевики все время в расприх и контрах между собой. Но денег нет, войска содержать не на что<sup>194</sup>.

Для времени Гражданской войны было типично состояние разорванного пространства. Люди с большим трудом преодолевали даже небольшие расстояния. Но как мы видим из записок Эрдели, военно-политическая чересполосица была преодолима, знакомимся с практиковавшимися тогда приемами кружного пути, когда самая короткая дорога не была быстрой, а таковой бывала дальняя объездная. Узнаем, что почта как общероссий-

ская коммуникация еще продолжала работать между советскими и несоветскими зонами в течение года после октябрьского переворота; что условием железнодорожного сообщения было отсутствие на территории активных боевых действий. Людям нужно было ехать по семейным и даже профессиональным делам, но главными поездками были экспедиции по добыче продуктов, что совпадало и с интересами паровозных бригад, поэтому поезда хотя и случайно, но ходили.

По возвращении на Северный Кавказ был назначен Главнотатарским начальствующим. Уже не было империи, уже не было в живых царя, а манера следовать в фарватере Н.Н. у Эрдели сохранилась: великий князь занимал в 1915-1917 годах пост не только главнокомандующего войсками Кавказского фронта, но и наместником царя на Кавказе, совмещая в одном лице военное и гражданское управление в огромном регионе.

Эта часть записей также сохранилась в очень урезанном виде. По сохранившейся части можно восстановить только некоторые приемы общения генерала с казаками и горцами и образ его жизни в роли тылового генерала.

С датой назначения на пост Главнотатарским начальствующего выявилась некоторая неясность. В соответствии с официальной биографией генерала он был назначен на этот пост в июле 1919 года, но судя по дневнику, то уже 17 мая по старому стилю (30 мая по новому стилю) он уже выполнял обязанности по этой должности.

Эрдели едет из Минвод в Порт-Петровск, уже по-хозяйски поглядывая на свое новое хозяйство. Побывав в Кизляре, записал: «Красное и белое пьют все, дети, бабы, старики, старухи – все. Власть взяточники, город грязный, черт знает, что такое. Теперь посадим туда своих людей, думаю, пойдет лучше»<sup>195</sup>. У него уже свой поезд, личный автомобиль следует за ним на железнодорожной платформе, а лошади – в специальном вагоне.

Существенным дополнением к дневникам Эрдели могут служить воспоминания А. Чхеидзе, написанные с позиции скорее недоброжелательной, но весьма информативные, а также

мемуары В.А. Добрынина, сообщающие некоторые детали процедуры интернирования отступивших в Грузию добровольческих частей.

Добрынин писал: «Генерал Эрдели в то время ездил в Тифлис для переговоров о беспрепятственном пропуске наших войск в Батум, и было решено, пока не двигаться дальше и не сдавать оружия до его возвращения»<sup>196</sup>. Эрдели удалось договориться, что отряды с вывезенным с Северного Кавказа военным имуществом следуют в Батум для отправки в Крым. Вопреки договоренностям отступившие по Военно-грузинской дороге отряды были интернированы, разоружены и помещены в лагерь под г. Поты. Посланные за ними пароходы вернулись в Крым. Ходили слухи о выдаче большевикам. Но затем они все же были выданы по требованию Врангеля и прибыли в Крым.

Такова общая канва военной биографии генерала Ивана Георгиевича. Его письма-дневники помогают наполнить ее подлинной атмосферой тех лет. К счастью, сохранились те части записок, которые были написаны в дни 1-го Кубанского похода. Многие эмигрантские мемуары знакомят с боями в ходе движения корниловских отрядов с Дона на Кубань и при возвращении на Дон. Дневники Эрдели могут быть своего рода лакмусовой бумажкой позднейших описаний.

Действиям кубанских отрядов, ушедших из Екатеринодара и мыкающихся по Левобережью Кубани, не имея достаточно патронов, во главе с растерявшимся командованием, не имеющим плана действий, посвящены самые ранние из сохранившихся записок.

*«Мы выехали 9-го на ночь, [чтобы] пробиться с боем, который велся 10-го. Ужаснейший бой окончился вничью, и мы не пробились, наступила минута еще более грозная, враги на нас катились со всех сторон. Войска пали духом, и предстояло либо идти на смерть, истратив все снаряды, или сделать попытку уйти в горы иным путем. На военном совете я высказал, что пробиваться далее, не имея достаточных снарядов на будущее, бессмысленно, так как после этого боя будет второй и*

*третий, и нас возьмут живьем, а по пути в горы могут быть один бой, много два, а затем мы вне удара на долгое время, а там можем разойтись в разные стороны. О Корнилове ни слуху, ни духу не было. [...] На станции был бой, 11-го, в 6-ти верстах от нее, одно время была минута критическая, я стоял на горке, уже выискивая с тоской и отчаянием, скрытые места, чтобы броситься туда и под покровом темноты и леса удрать куда-нибудь, но посланная на фланги конница, введение резервов, молодой Тенеберг и Черкесы повернули бой в нашу пользу, и большевики отступили, частью даже бежали. До Калужской мы 11-го не дошли, ночевали отчаянно на разоренном хуторе, ветер в этот день был бешенный, просто шторм, ураган какой-то, и прямо в лицо, с дождем»<sup>197</sup>.*

По-видимому, 12 марта на их отряд наткнулся разъезд Корнилова. Уже к 16-му марта Эрдели сменил кубанские части на корниловские и принял участие в наступлении на станицу Новодмитриевскую. Прежде чем вступить в бой за станицу пришлось пройти 16 верст по непролазной грязи. В этот день был снег с дождем, добровольцы переходили броды и проваливались по пояс в воду. Спустя несколько дней генерал описал свои впечатления от этого боя:

*«...Было что-то изумительное по стойкости и выдержке, и упорству. Поморозили руки, ноги. Ночью мы все пешком ворвались в ст. Новодмитриевскую. Большевики бежали, по улицам долго еще шла среди метели и вьюги перестрелка»<sup>198</sup>.*

Покровский и возглавляемые им кубанские отряды не присоединились к этому бою, хотя обещание такого рода накануне дал Корнилову.

Эмигрантские мемуаристы писали о снижении морального градуса Добровольческой армии в 1919 году как причине поражения Белого движения<sup>199</sup>. Но сам факт существования морально-этического эталона первых дней Добровольческой армии нуждается в проверке.

Как всякий дневник данный текст полон противоречивых суждений. Сам его автор колеблется от высокого к низкому, как и его оценки происходящего и окружающих – то восторженные, то уничижительные.

По-видимому, человеку нужно убедить себя, что то, чему он посвятил себя, крайне важно и значимо. Еще не успел закончиться Ледяной поход, как в дневнике уже заметно стремление героизировать эту страницу антибольшевистского движения.

*«Ты не думай, что я хвастаюсь, но, правда, наши походы и бои в кольце большевиков, без сочувствия населения с крохотными средствами, со всевозможными препятствиями, без железных дорог и [против] во много-много раз превосходившего нас врага. Эти походы и бои – такая страница исключительная, что второй такой не найдешь. А сколько брожений, сильно слабых духом, сколько убитых, раненых, больных, сколько невзгод, холода, вшей, отчаянных положений – а все-таки стоим, держимся, закалились. [...] Если Господь даст благополучно закончить эту эпопею, то уж действительно [можно] будет честно и горделиво вспомнить минувшее» (20.05.1918)<sup>200</sup>.*

Но существует объективный контекст, то есть запечатленные в тексте факты, которые позволяют сделать умозаключения помимо оценок и намерений автора.

28 февраля 1919 года, находясь в Порт-Петровске, Эрдели записал: «В прошлом году в это время было уже прекрасно, затем между 15-23 марта был снег, мороз, холод, а потом опять прекрасно»<sup>201</sup>. То есть основная часть 1-го Кубанского похода прошлого при отличной погоде. Но в историю он вошел под именем Ледяного похода, поскольку с самого начала имелась цель героизации Добровольческого движения.

Вожди Белого движения на Юге России представлены в этих дневниках не застывшими бронзовыми фигурами, а живыми людьми, с которыми Иван Георгиевич общался, и не всегда обе стороны были довольны друг другом, случались разногла-

сия и недоразумения. И запись в дневнике Эрдели отражала то, что чувствовал он в тот день, не боясь разрушить еще не родившийся миф.

Смерть Корнилова, произошедшая уже на первых страницах дневника, помешала Эрдели дать ему полноценный прижизненный портрет. Он отмечал в дневнике, что присутствие в движении Корнилова вызывало у кубанцев настороженность. И это не случайно. Туманные события корниловского мятежа скомпрометировали всех замешанных в них. По оценке одного из офицеров, путч углубил раскол общества и ухудшил и без того тяжелое положение офицеров, которое только-только начало выправляться: «Мы пережили шесть месяцев и во многих случаях завоевывали доверие своих солдат, часто нам даже удавалось работать совместно с комитетами, извлекая из них все лучшее и подавляя худшее. А теперь вся эта ценная почва утрачена... мы утратили... доверие [солдат] и зависим от их непредсказуемого настроения»<sup>202</sup>. Учрежденные в сентябре комитеты борьбы с контрреволюцией<sup>203</sup>, то есть с выступлениями наподобие корниловского, стали новым витком вовлечения населения страны в политическую активность.

Именно Корнилов к концу 1917 года был наиболее одиозной фигурой, одинаково неприемлемой для аристократии, офицерства и солдат. Его легендарный побег из немецкого плена стал уже для общества, пережившего революцию, древней историей. Солдатам его имя напоминало о развернутой прессой антикорниловской истерии осени 1917 года. Они помнили, что он выступал за введение смертной казни в отношении тех воинских преступлений, в которых мог быть обвинен практически каждый из них<sup>204</sup>. В свете этой оценки фигура Корнилова выглядит как неудачная для привлечения в армию широких масс<sup>205</sup>.

Конечно, не только репутация вождей зарождающегося движения, но и общая усталость от войны сказалась на том, что осенью 1917 года на их зов откликнулось только 3-4 тысячи офицеров из 250-тысячного корпуса<sup>206</sup>. Судя по дневниковым

записям офицеров, ехавших на Юг, они ехали не к Корнилову или Алексееву, они уезжали от большевиков.

Сбор офицеров на Юге не был продуманной акцией. По-видимому, все делалось спонтанно, в надежде, что большевики сами собой куда-то сгинут. Юг нужен был, чтобы выиграть время. Генерал сообщал в дневнике, что на совещании 17 марта Корнилов решил двигать свои отряды к Черному морю, чтобы там их распустить. Подобную тактику, как уже упоминалось, признавал единственно возможной и сам Эрдели. Против роспуска армии он не возражал, только видел иную тактику этого:

*«Какие планы сейчас у Корнилова, не знаю, но считаю, что с увеличившимся отрядом, да и ранеными к Черному морю теперь не уйдешь, наша судьба оставаться здесь и драться до конца. Есть намерение взять Екатеринодар обратно. Если это удастся, то когда престиж возрастет Корнилова, пожалуй, и на Кубани пойдет некоторое оздоровление, под прикрытием которого наши добровольцы-офицеры, русские и черкесы, смогут укрепиться и проникнуть потом в Россию и на родину вообще, избавившись от лап большевиков» (18.03.1918)<sup>207</sup>.*

Идея о возвращении в Екатеринодар нашла много сторонников, и армия повернула к городу. Это движение сопровождалось большими людскими потерями и расходом боеприпасов. 23 марта 1918 года сделана запись в дневнике, показывающая закручивающийся маховик гражданской войны:

*«А раненых все везут. Все офицеры. Лежат на соломе, забрызганные грязью, с тупой покорностью на лице. Порой думаю, что лучше было быть убитым, чем раненым по теперешнему времени, так как если раненые попадутся в руки большевиков, то все равно их прикончат. Чтобы не тратить патронов для расстрела, на площади выстроили четыре виселицы. Напоминает роман Гюго... иллюстрацию. Тягостно»<sup>208</sup>.*

Генерал затем уточнил, что виселицы для пленных большевиков. Один из них матрос.

Вся эта затея, именуемая Добровольческой армией, не имела в начале своей истории хоть какого-то четкого плана действий, что подпитывало упаднические настроения у офицеров. Комментарии Эрдели к происходящим событиям и планам вождей пронизаны пессимизмом. Овладение Екатеринодаром ему не виделось средством спасения движения. И в городе их ждала естественная смерть. Он предвидел, что оказавшись в Екатеринодаре, «наши добровольцы будут стоять, распыляться и большинство будет укрываться, потянется по домам и т.д. в Россию или куда-нибудь, чтобы кончить эту войну-бойню и отдохнуть где-нибудь без пуль и шрапнелей. Первый я потянусь из Екатеринодара к тебе, к тебе, мой милый, моя жизнь...»<sup>209</sup>.

Добровольчество воспринималась не только как добровольное принятие на себя ответственности за судьбу Белого движения и страны, но и право на отказ от этих обязательств. Слабая исполнительская дисциплина и отсутствие наказания за это было производно от понимания добровольчества как высоко личностно мотивированного поступка. Именно в этом ключе размышлял в своем дневнике генерал И.Г. Эрдели, задумывая уход из армии; именно этим руководствовался генерал Деникин, слагая с себя полномочия Главнокомандующего в марте 1920 года.

Офицерская армия вела бои в основном с местными отрядами самообороны, которые их участники потом, в революционных мемуарах, предпочитали называть красногвардейскими. Страх перед ордой бредущих по степи вооруженных и озлобленных людей в условиях хаоса и безвластия зимы 1917-1918 годов не мог не спровоцировать попытки воспрепятствовать их прохождению. Против добровольцев-корниловцев была их малочисленность и скудость боеприпасов, за – боевой опыт и безысходность. После нескольких удачных боевых операций Корнилов постепенно стал приобретать среди кубанцев и донцов популярность. Эрдели назвал это оздоровлением казачества.

Гибель Корнилова разлагающе подействовала на ведомые им отряды. Многие стали разбегаться, особенно казаки<sup>210</sup>. Об-



становка в отрядах корниловцев, потерявших своего вождя, живо представлена в этих дневниках.

*«...После Екатеринодара мы все идем, движемся и избегаем боев. Самое страшное – линии железных дорог – проходим по ночам. Сейчас мы около Ставропольской губернии и стремимся к Терской области. Поход утомителен, главное все устали и у всех [нрзб.] притупилась цель общая, т.е. борьбы с большевизмом. Смерть Корнилова подействовала угнетающе на всех. И теперь если не разбегаются все, то потому что в одиночку и в разброд легче удравши погибнуть и просто шкурный вопрос – держаться всем вместе. Мы теперь гонимые, уходящие из этих мест, и нас преследуют со всех сторон, но преследуют неумело, однако покоя нам не дают. [...] За эти дни, что не писал, сколько было кошмарных, ужасных переживаний, в степи блуждания, атаки, смерти, паника, растерявшая дисциплину и стройность толпа вместо войск, грабежи, нежелание подчиняться – ужасно. Теперь легче стало.*

*Я мог бы иногда писать, но неудобно было, да и рад был добраться куда-нибудь, чтобы лечь и спать, спать...*

*Измаялись, извелись – страшно» (9.04.1918)<sup>211</sup>.*

После своей смерти Корнилов постепенно обретает в записках Эрдели героический ареол. Уже через месяц, 11 апреля 1918 года, Иван Георгиевич сравнивает с ним А.И. Деникина и не в пользу последнего. И вскоре опять о Деникине в сравнении с Корниловым: «...Как далек он от Корнилова – небо и земля» (21.04.1918)<sup>212</sup>. Надо отметить, что Эрдели (полный генерал) никогда не служил под началом Корнилова (генерал-лейтенанта). Зимой 1918 года он оказался в Екатеринодаре, а не в Новочеркасске, и вместе с Филимоновым и Покровским участвовал в формировании офицерско-казачьих отрядов на Кубани. Его близкие контакты с Корниловым ограничиваются быховским сидением.

Эрдели не пускает критических стрел по отношению к Алексееву, Маркову, Корнилову и Врангеля, но недоволен Де-

никиным, Романовским, Дроздовским, Ляховым. Но все его замечания в адрес всех упоминаемых лиц неизменно интересны.

На общественную реакцию по отношению к вождям Белого движения влияла репутация, сложившаяся в предшествующие годы. Генералы Алексеев и Корнилов находились на особом положении в связи с тем, что в 1917 г. процесс объединения офицерства шел вокруг них. Возникшие в мае-июне 1917 г. «Союз офицеров армии и флота», «Союз воинского долга», «Союз чести Родины», «Союз спасения Родины», «Союз добровольцев народной обороны», ориентировались на Ставку, на Могилёв, на Алексеева; другие – ударные батальоны из юнкеров и добровольцев, подпольная офицерская организация «Военная лига» – на штаб Юго-Западного фронта в Бердичеве, командующим которого стал в апреле 1917 г. Корнилов<sup>213</sup>.

Облик М.В. Алексеева с точки зрения офицерства был почти не запятнан. Его омрачал факт участия в переговорах с царем по поводу его отречения, но только в глазах офицеров-монархистов. Участие Алексеева в аресте Корнилова было несколько обелено открытым письмом, опубликованным в газете «Новое время», и скорой отставкой. Ко времени октябрьского переворота Алексеев уже имел репутацию того, кто спасет Россию.

По отношению к генералу М.В. Алексееву Эрдели чувствовал пиетет, никаких явно критических комментариев не допускал. Мы можем понять по ряду записей, что Алексеев был своеобразным мозговым центром движения. Он был тем лицом, которое пыталось осмыслить происходящее и сформулировать программу действия. Восстание кривяньских казаков способствовало появлению стратегических планов. Генерал Алексеев размышлял о форме своего управления занятой территорией. Свою временную (до созыва Учредительного собрания) власть на Дону он видел в форме военной диктатуры, ориентирующейся на широкий антибольшевистский фронт. Эрдели понимает, что этому плану нужна поддержка казаков, только тогда из этого выйдет толк. Примерно в эти же дни Михаил Васильевич со-

ставил и зачитал доклад о грядущих перспективах. Анализ ситуации основывался на признании германо-большевистского сотрудничества несомненным фактом.

*«На совещании Алексеев делает доклад обо всем том, что стало известно нам от всяких посланных. Положение России ужасно – Финляндия отделилась и отхватила себе Мурман; Украина, направляемая немцами с подлецом Скоропадским во главе, отделилась. Также и немцы прилагают все усилия к тому, чтобы на Украине установить свой украинский язык и задушить всякие попытки и движение с Россией. В Велikorоссию – центр, или как немцы называют “Московское государство”, представленное советской властью, немцы туда идти не желают, так как [не] желают голодать вместе со всеми. Там в центре интеллигенция задавлена, царит террор. Поднять голову, проявить какую-либо индивидуальность против советской власти никто не смеет, вся страна в полном расстройстве и голоде, и немцы предоставляют разваливаться и слабеть Московскому государству, сколько угодно. План военной партии немцев во главе с Гинденбургом – ослабить Россию разделением ее на части, подвластные Германии, и с тем, чтобы отрезать центр России от морей. Мурман тоже отрезан, как и Владивосток, который также будет верно нерусским скоро. Немцы двигаются на Кубань под видом распространения порядка на Украине, а по существу для того, чтобы выкачивать хлеб в Германию, что они уже начали проделывать в широких размерах. А центр России гибнет, раздирается товарищами и Советской властью, заседающей в Кремле, а над нею властвует еврейский кагал, находящийся в связи и солидарности с Гинденбургом, который толкает его и способствует ему всячески в расчленении и оставлении России. Этот кагал держит в руках американский, а, следовательно, теперь и всемирный денежный рынок, от этого зависит и Франция и Англия, а потому России нечего ждать впереди просвета. Остался Юго-Восток – Кавказ, но и он готов попасть немцам в лапы, чтобы с Малой Азией замкнуть в немецкое владение все Черное море с Константинополем.*

*И я плачу слезами о средней России, дорогой, любимой, давшей мне все мое сознание русского человека и давший мне тебя. [...]*

*Я себе не представлял такого ужаса, какой рассказывает Алексеев. Теперь я вижу, что России действительно настал конец, нет ее, и лишь жалкие куски великого целого остались» (2.05.1918)<sup>214</sup>.*

Генерал так же, как и рядовой солдат-фронтовик, опустошен, но его держит в строю сила инерции. Свое «воевание» он находит глупым, а сбор офицерства под знамя Корнилова видит как реакцию людей, которым в армии безопаснее, чем поодиночке по домам:

*«А на наше положение я смотрю без фантазии[,] трезво и что все это образуется в авантюру, по-моему, где главнейшее не великодержавные мысли, а спасение самих себя. [...] До чего мне опротивели эти все скитания, риски жизнью, бои и походы и т.д. Ну просто я мученик каждый раз, когда мне надо идти вперед... И только потому, что беру на себя и потому что иначе нельзя, я все исполняю. Я устал воевать[,] и такая апатия и равнодушие подчас завладевают мной, что просто сил нет. И я буду Бога благословлять, когда буду, наконец, изъять из этой гражданской войны. Та идея, которая была раньше, и которая создавала все эту борьбу, я в возможность ее существования изверился давно, а кроме того нечем бороться, голыми руками что ли?» (11.04.1918)<sup>215</sup>.*

Во время движения добровольческих отрядов от Екатеринодара начался отток из них людей. Деникин потерял половину своих штабистов. Он и сам стал готовиться к отъезду в Сибирь. В апреле, командуя тремя конными полками, Эрдели никуда удирать не вправе: генерал был воспитан человеком долга. Да это и бессмысленно: поодиночке быстрее погибнуть.

Они ведут какие-то бои, большевики рассеиваются, но собираются вновь, они несут потери, но коренной вопрос – куда идти, так и не решен. Добровольцы тянутся к Дону, кубанцы – к

себе. Тогда же он записал в дневник, что группа офицеров во главе с Деникиным строили планы в отношении будущего. По их мнению оставаться в Центральной России им будет невозможно, поэтому они предполагали скрыться (!) в Сибири. Не начинать заново борьбу в Сибири, а именно спрятаться. Но Эрдели этот вариант не подходит, он хочет к Маре, хоть дворником, хоть кучером, ну хоть кем-нибудь, только к ней<sup>216</sup>. Сказывается человек долга: он не готов просто взять уйти из армии. Когда появилась туманная перспектива выехать для оргработы в Россию, — он готов. Ведь ему так надоела война, и к ней ближе. Уже планирует, надолго ли ему хватит денег жить около нее. Он скопил из жалования около 2 тыс. руб., а потом, когда деньги выйдут, придется искать применения своим силам. Фраза «если наша армия будет существовать» выходит у него без особого волнения. Он явно считает, что восстановление старой жизни не за горами<sup>217</sup>.

После начала антисоветского восстания на Дону настроение понятным образом изменилось к лучшему. Появились нотки уверенности. Эрдели планирует: когда донские большевики силами донцов или немцев будут ликвидированы, надо будет отдохнуть в тихой станице и понемногу разъезжаться по домам. Но затем собирать силы для борьбы с немцами.

Всю неопределенность ситуации поможет ощутить и понять этот отрывок из дневника:

*«Был разговор, каково настроение в армии, и пойдут ли войска опять назад, хотя бы в кратковременную экспедицию, но назад все-таки, когда взоры все вперед, к Дону, к наступающим из Киева гайдамакам, украинцам. Общее мнение было таково, что войска конечно пойдут, и было решено, что сегодня отдых, а завтра двинемся. Но когда весть распространилась об этой экспедиции, то с вечера уже начали многие удирать самостоятельно к Новочеркаску, в Ростов, кто к атаману Попову, который сейчас стоит во главе Донского войска, кто и навстречу немецким войскам, лишь бы только кончить воевать и попасть в спокойные места, обеспеченные немецки-*

*ми войсками. Никто толком не знает, где немецкие войска, и что там делается, но видно, многим так уж бесконечно надоело это скитание, что они слабодушно не рассуждают, а лишь бы избавиться от напряжений боев и т.д., и чтобы душу на покаяние отпустили, а там к немцам или не к немцам – им все равно. Ну это значит уже конченные, но самое плохое то, что в самом штабе у Деникина половина удрала. После Корнилова к Деникину не стало привлекательности, ни преданности, и многие не соглашались с ним, а теперь вот этой ночью ушли многие. Это скверно как пример, так как если в штабе у командующего армией такое недоверие к командующему составу, то на войсках это может отразиться крайне печально. А вместе с тем, вчера привезены офицерами сведения из Ростова, что он частью занят казаками, частью гайдамаками и украинцами, причем эти гайдамаки не есть войска немцев, а это части корпуса Щербачёва, который образовался на Румынском фронте, что немцы дошли только до той границы, которая была установлена по мирному договору, и дальше не пошли, и дальнейшее движение, т.е. на Воронеж, Харьков, Ростов – это не немцы, а “фронтовики” – офицеры и солдаты, которые не примкнули к большевикам, а сохранили свой прежний облик, и что казаки донские дерутся против большевиков наряду с этими самими гайдамаками и украинцами. Верно ли это, не знаю, но выходит уже так, что эти гайдамаки и украинцы, они с Щербачёвым, что это значит свои, что это быть может и украинская политическая ориентация, но все-таки не немцы, не австрийцы, т.е. тут не наши чистой воды, а все-таки враги, хотя по видимому с донскими казаками действуют в полном согласии. Сам черт не разберет...» (21.04.1918)<sup>218</sup>.*

Изменилось отношение казаков. Добровольцы уже желанные гости в станицах. Казаки показывают себя союзниками и ждут помощи. На вопрос, а чего же гнали нас и не шли к нам, когда звали, тогда б не отдали бы Кубань большевикам, – чешут в затылках. Но не восстание кривянских казаков, а подход отряда М.Г. Дроздовского остановил процесс полного рассеивания участников Ледяного похода.

К концу мая под началом Деникина 10 тыс. чел. Из них сформированы три бригады пехоты – С.Л. Маркова, Б.И. Казановича, Дроздовского, и конная бригада Эрдели из трех полков. Армия явно усилилась тем, что привел с собой Дроздовский – и людьми, и боевой техникой – артиллерией и автомобилями. Эрдели несколько повеселел, ему уже кажется все пойдет на лад. У него уже есть автомобиль.

Однако вскоре после соединения дроздовского отряда с первопоходниками произошел инцидент. Хотя приход Дроздовского на Дон, по сути, спас от окончательного разложения отряды Деникина-Алексеева, но вместо благодарности он получил обвинения в германофильстве в связи с тем, что, идя по Украине, он не вступал в бои с немцами. Потом между Дроздовским и Деникиным возникли разногласия по поводу дальнейшей стратегии. Деникин считал, что нужен второй поход на Кубань. Дроздовский предлагал предпринять движение на северо-восток на соединение с белочехами. Тем временем штаб Деникина постепенно забирал у Дроздовского припасы, часть артиллерии, а затем и кавалерию<sup>219</sup>.

Ситуация властного вакуума и неопределенности рождала в честолюбивых натурах надежды на быстрое выдвижение. Дроздовский прежде состоял у Эрдели начальником штаба, но после успешного перехода на Дон явно претендовал на особое место в иерархии. После встречи с Дроздовским и его помощником Н.Д. Невадовским записал в своем дневнике:

*«Удивительно как все хотят быть главнокомандующими... Близорукость, личные самолюбия и т.д. заменяют общие цели и задачи, а от мелких обид вырастают трения и шероховатости» (29.05.1918)<sup>220</sup>.*

Но именно Эрдели пришлось улаживать этот конфликт, хотя он не одобрял амбиций своего недавнего «нашта», но и поведение Деникина и Романовского считал бестактным.

Армия следовала плану своего нового командующего. 31 мая 1918 г. Эрдели записал в дневнике:

*«Мы теперь идем на Кубань, восстанавливать там порядки, – а потом через Царицын в Россию, по “историческим путям” – на Волгу и Москву. Тут общая идея, осуществится ли она, – доживем ли мы до этого, Господь ведает. Я не думаю, что наши операции затянутся по июнь, а в июле я тебя увижу»<sup>221</sup>.*

Он хорошо понимает расстановку сил в регионе. Обосновывая появившиеся планы движения на Ставрополье, пишет, там много крестьян, приобретших землю за свои кровные деньги, потому им социализация не интересна<sup>222</sup>. Но вскоре он понимает, что тем не нужны не только большевики, но и добровольцы; что они, крестьяне, будут воевать только в своих местах на любой стороне, лишь бы тут кончили воевать, а там кто и как будет в силе – лишь бы оставили в покое<sup>223</sup>.

Во время стоянки в Егорлыкской Эрдели вновь вошел в стиль жизни, названный им буржуйским: баня, всенощная, ужин в гостях и чай с медом. Расслабилось и командование, издав приказ о разрешении в особых случаях месячных отпусков. Одним из первых собрался ехать к семье С.Л. Марков. По-видимому, она была оставлена им в Новочеркасске, потому что 2 июня он читал в столице Донского войска лекцию о Кубанском походе. Эрдели ходил слушать.

Эрдели готов искать этот особый случай, чтобы не было совестно уехать из армии на месяц. Хотя он понимает, что они висят на волоске. Патронов так мало, что их можно расстрелять за один день. Пока добровольцев спасали умение и боевой опыт:

*«И конечно если бы не сволочь – большевики, у которых было все в руках – и люди, и ружья, и патроны, и сахар, и перевозка по железным дорогам (броневые поезда), автомобили, и все, все – то мы бы никто живой не ушел – все были бы переловлены; и потом их много, а нас была горсть».*



Велик русский язык! В данном случае Эрдели использовал слово «сволочь» в старорусском значении – низкий, с кем не принято считаться, неумелый, неудавшийся, зависимый, но попробовавший играть собственную роль.

Эрдели не решился покинуть армию, а послал своего денщика Андрея искать Марию Константиновну – через Киев, Оршу, Москву.

Как бы не улучшалась ситуация вокруг добровольческих отрядов, уверенности лично генералу это не придавало:

*«Надоели мне эти скитания, а вместе с тем я сознаю, что негде мне жить. Если поеду к семье, то немцы, наверное, меня вежливо интернируют у себя и лишат права выезда куда-нибудь до окончательных мирных переговоров, а поехать к тебе – это значит пожить тайком лишь некоторое время, а потом все равно надо сюда возвращаться, так как я не смогу жить долго возле тебя, если // в России действительно обстановка и положение таковы, как сообщил Алексеев на совещании...» (Егорлыкская, 1.05.1918)<sup>224</sup>.*

И спустя время более определенно о причинах своего пессимизма:

*«Тяжело было служить идее, да еще когда средств для борьбы мало, и когда не особенно твердо веришь в осуществление этой идеи» (18.05.1918)<sup>225</sup>.*

Его взгляд на события не политика, но война, с расчерченными сними и красными линиями контурами штабных карт:

*«С восстанием на Дону, мы возьмем Царицын, и тогда весь юг, где теперь на Кубани и Тереке царствуют большевики, будет отрезан от России, через Царицын свяжемся с Дутовым и пойдем, наконец, походом на Россию. Наша мечта, и пусть Москва нас встречает колокольным звоном, да еще на колёнях»<sup>226</sup>.*

Оценки большевиков и их армии подвержены динамике, соответствующей ситуации на фронте и уровню боевого мастерства противника. Обстрел, произведенный из-за какого-то хутора по их проходящей колонне, получил низкий балл: «бездарно, издали, по-большевистски, трусливо и неумело»<sup>227</sup>. Боевые усилия сельского отряда самообороны, собранного из местных фронтовиков во главе с унтер-офицером, не могли не показаться полному генералу напрасными, несмотря на наличие пушечки, притащенной с Турецкого фронта запасливым малороссиянином-переселенцем.

Несмотря на то, что Иван Георгиевич профессиональный военный, никаких полемических замечаний по поводу коммунистической идеологии не высказывал. Антибольшевизм был для него убеждением чувства, а не мысли. Вера в неестественность подобного рода идеологии вообще, а для русского народа в особенности, основывалась на понимании второго этапа революции как приступа массового безумия, вызванного войной и злокозненной агитацией. Его общая эмоциональная установка в отношении постигшего страну хаоса выражается в формуле: это не может долго продолжаться, потому что просто не может. Самого себя он видит игрушкой в руках судьбы, навязывающей ему роль вождя, чему он следует из чувства долга перед товарищами по оружию.

Затем появляются более позитивные отзывы о красных как армии. О командующем И.Л. Сорокине сказано: «очень деятельный и молодец». Эрдели критикует тактику деникинского штаба, ставящего перед частями только задачу рассеивания противника. Эрдели пишет 10 июля 1918 года: оставили красных под Тимашевской и теперь платим за это. Бой с красными 15 июля показал их возросшую стойкость и выучку. 17 июля он в разговоре по телефону с Романовским пытался убедить начальника штаба в изменении приказа: «Опять они повторяют прежнюю ошибку – растягиваются по линии железной дороги и дают инициативу Сорокину, который сегодня вторично перешел в большое наступление». А надо было одним кулаком дви-

нуть по Сорокину, считал Эрдели<sup>228</sup>. Запись от 20 июля говорит определенно, что Красная армия переигрывает генералов:

*«У них [большевиков – О.М.] появилось такое умение руководства и такое количество патронов и снарядов, что мы начали подозревать, нет ли здесь немецкой руки. Деникин с Романовским упорствуют на каких-то неподвижных формах действий, а выходит неважно»<sup>229</sup>.*

Эрдели хочет ехать в штаб, объясниться. Деникин возражает.

С Главнокомандующим у Эрдели были сложные отношения. Вначале, в 1918 года, они довольно близкие, товарищеские. Деникин с женой запросто бывает в доме Мары Свербеевой, ездит обедать в полк Эрдели, когда тот стоит в Егорлыкской. Эрдели, находясь в командировке на Балканах, выполняет заказы «наших дам» – Деникиной, Романовской, Филимоновой.

Но в дневнике уже весной 1918 года мы находим критику манеры руководства нового командующего:

*«Недоволен я управлением Деникина с Романовским, при Корнилове было гораздо талантливее и определеннее, а теперь грубости больше, а талантливости меньше»<sup>230</sup>.*

Эрдели пишет, что Деникин ничего не смыслит в управлении конницей, даром ее трепет без надобности. Он собирался крупно поговорить по этому поводу с Деникиным и Романовским. 21 апреля 1918 года, отряды стали в Среднем Егорлыке, походный атаман П.Х. Попов зовет их идти в Новочеркасск. Они находятся пол угрозой окружения с юга и востока, а Деникин все упрямится и никуда не двигается. Такое разделение сил Эрдели не одобряет и заключает: «Деникин показывает себя грубым хамом, малокультурным и эгоистичным до крайности, это не отнимает от него боевых способностей, но как далек он от Корнилова – небо и земля».

Вскоре новая запись об отношениях с Антоном Ивановичем:

*«С Деникиным мы поладили, [но] я упорно не желаю признавать его грубость и хамство, а на вежливое и хорошее обращение отзываюсь вполне охотно. Ну вчера он как-то помягче был и немного сконфуженный. Мне этого конфуза совершенно достаточно, и потому вчера было ладно. Ну да я вчера столько сделал для отряда, что большая доля захваченного и успеха ложится на нас»<sup>231</sup>.*

Речь идет о том, что кавалерия Эрдели захватила эшелон на ст. Сосыка. Из большевистских воспоминаний известно, что там были ценности, которые большевики пытались вывезти из Ростова.

Постепенно в его записках оформляется противопоставление старого и нового командования: Корнилову подчинялся с радостью, а Деникин всегда во всех сомневается, не верю я ему.

Образ Деникина, восстающий из эрделевских «листков», находится в диссонансе с большей частью эмигрантской литературы, носящей ретроспективный характер. Эрдели неоднократно писал о бестактном поведении Деникина и его «легкомысленного» штаба, особенно генерала Романовского. Особенно он критиковал обычай Деникина слать командирам корпусов и дивизий записки частного характера «с глупостями».

Когда Эрдели в результате вполне успешного боя все же так и не взял станцию Торговую, Деникин прислал ему короткую записку, как всегда не разобравшись, замечает Эрдели. И он ответил тем же. Потом, правда, они помирились. «Станный человек», бросил напоследок Эрдели.

Эту манеру Деникина управлять не официальными приказами, а написанными лично записками конфиденциального характера можно объяснить самым коренным принципом Добровольческой армии – подчинение на основе соглашения, в силу чего командующий не чувствовал себя вправе отдать полноценный приказ как в прежнее время. Деникин, видимо, не чув-

ствовал себя достаточно легитимным командиром. По-видимому, культа официального командования не было. Демонизация фигуры ближайшего сотрудника Деникина генерала И.П. Романовского также свидетельствует о проблемах с авторитетом Главнокомандующего<sup>232</sup>.

Он отвергал попытки генералов – адресатов этих записок объясниться лично, заявляя, что командирам частей место на фронте, а не в штабе. Эрдели считал, что Деникин сомневается в своих подчиненных, в их способностях, исполнительности и степени лояльности к нему. Такое отношение вызывало ответное недоверие к Главнокомандующему. Генерал Эрдели заключал: не споюсь я с ним никогда – не люблю<sup>233</sup>.

В дневниках И.Г. Эрдели указывается на тактические просчеты А.И. Деникина<sup>234</sup>. Критика не лишена оснований: командование то слишком точно следует принципам традиционной войны, то будто напрочь забывает, чему учили в академии и военном училище. В эмиграции, обдумывая причины поражения, участники Белого движения высказывались в близком ключе<sup>235</sup>. П.Н. Врангель писал в воспоминаниях, что до сих пор не может понять, как такой документ, как «московская директива», мог выйти из-под пера генерала Деникина: все принципы стратегии в нем предавались забвению<sup>236</sup>. К сожалению, сам бывший Главнокомандующий ВСЮР ни в одном из своих многочисленных трудов не дал исчерпывающих объяснений по поводу своего замысла.

Иван Георгиевич предстает со страниц своих записок как воин, военачальник и военный мыслитель. Там можно найти немало размышлений геополитического характера. Они не лишены логики и здравого смысла.

Эрдели понимал значение происходящих на фронте событий. Его постоянно заботила судьба южнороссийского плацдарма Белого движения, и в марте 1919 года он издал, из Закавказья, наблюдал за боями на подступах к Дону:

*«Отстоять бы Дон теперь от этого теперешнего удара большевиков. Если отстоят наши, то пойдет на улучшение, наверное, и даже, по-моему, здесь в Донецком бассейне и на Дону теперь разрешается вопрос Совдепов вообще. Украина у Совдепов не удержится, так как население, от которого выжмут и возьмут все, очнется, как оно уже очнулось в России. И тогда будет легче идти на север. В Донецком бассейне и на Дону теперь решается судьба наша – быть нам или не быть. Если вопрос даже затянется, то значит, нам быть, а если мы будем разбиты, значит, не быть. Может быть, и ошибаюсь я. Издали судить трудно, но чувствуется, что там решаются теперь большие вопросы жизни и смерти. А если там это так, то как мне обидно, что я не там, что я участвую непосредственно в деле этой борьбы, а болтаюсь здесь на отдаленных делах и вопросах, не имеющих прямого отношения к тому, что важно для нас» (3.03.1919)<sup>237</sup>.*

Полоса бездействия в период пребывания в Порт-Петровске подвигла его на пространные рассуждения прогнозистического характера о судьбе советской власти. Он предрекал, что если у большевиков нет выхода к морю, нет угля и нефти, то они должны неминуемо задохнуться. Это борьба измором, борьба верная, но долгая к сожалению<sup>238</sup>.

Как мы теперь можем судить, Эрдели своеобразно понимал суть процессов, происходивших в противоположном стане. Причины тяготения окраинных социалистических партий (в данном случае речь идет о бакинских эсерах и меньшевиках) к большевикам он видел, во-первых, в их национальном составе, а во-вторых, в растиражированном образе Деникина как поработителя свободы. И поскольку хотя они и не согласны с большевизмом, но все-таки русская социальная анархия им милее, чем русский деникинский порядок, и поэтому из двух зол – останавливаются на Совдепии<sup>239</sup>.

Генерал полагал, что кроме Ленина и Троцкого других вождей у большевиков нет, и если их отправить на тот свет, то без них вся эта «бескультурная масса» распадется<sup>240</sup>.

Он умел логически мыслить, базируясь на своих представлениях и ограниченных по объему исходных данных. Для него, как и для многих обитателей белогвардейских и советских анклавов, была характерна идеализация жизни в других частях страны. Видимо, так было легче переносить тяготы, когда думалось, что где-то жить лучше. Это давало надежду. По документам других архивов и фондов мы знаем, что бакинцы и ростовчане стремились, скрываясь от преследований и тяжелой атмосферы подполья, в Астрахань, Курск или другой советский город, а наголодавшиеся в Советской России рвались в Баку, Ростов, Екатеринодар, где с продуктами было гораздо легче. Так и Иван Георгиевич в марте 1919 г., зная о тяжелых боях на Донбассе, писал, что в последнее время он все больше думает о Сибири как убежище: «...Если и наладится в России что-нибудь, то это будет страна полного разорения и пустоты. А в Сибири многое сохранилось и там можно будет устроиться»<sup>241</sup>.

В оценке его как военачальника мы можем руководствоваться только некоторыми его суждениями, найденными в сохранившихся «листочках». Совершенно верно его понимание Красной армии лета 1918 года как силы, которая перестает быть повстанческо-партизанской. Его мысль о том, что распылять красные отряды недостаточно, что их нужно уничтожать, вполне соответствовала истине. Сталкивавшиеся с ним на дорогах двух войн другие офицеры дают ему храброго офицера, которому чего-то не хватало для удачи и настоящего военного успеха. Генерал А.С. Лукомский писал так:

*«Иван Егорович Эрдели (до Генерального штаба был в лейб-гвардии Гусарском полку) был прекрасным товарищем, хорошим офицером Генерального штаба... Во время войны он командовал, кажется, 14-й кавалерийской дивизией, а затем принял пехотную дивизию и в 1917 г. дошел до командования армией. Действовал храбро, но в боях его сопровождала неудача. Он подтвердил старую истину об “удачниках” и “неудачниках”. Так вот он на поле брани был неудачником, хотя и дей-*

*ствовал хорошо. Эта неудачливость его преследовала и в период борьбы с большевиками на Юге России»<sup>242</sup>.*

Записки генерала настолько хорошо объясняют его натуру, что можно выстроить догадку, в чем же причина его пресловутой неудачливости. Он не был «человеком войны». Он был военным по дворянской традиции, по воспитанному в нем долгу, по полученному образованию и опыту жизни, но не по базовым характеристикам личности. Его боевой опыт солдата и военачальника крайне слабо представлен в «листках». Можно привести лишь пару примеров из сохранившейся части записок. Например, он получил сведения о начале контрнаступления против Красной армии от Великокняжеской в направлении Царицына и тут же воспринял эту информацию как выпускник академии Генерального штаба:

*«Изучил все это и также по карте, решил, что это единственный способ сократить наступление оказывается, но я угадал и как будто действительно все так выходит, или по крайней мере предполагает так сделать»<sup>243</sup>.*

Его жизнь на войне не заслужила и части тех восторженных слов, которые достались на долю музыки. Он не знал упоения, зато в какой экстаз его погружали звуки музыки.

В Баку, бывая у Байковых и слушая игру хозяйки дома, он получал не просто глубокое эстетическое наслаждение, а использовал музыку как способ выплеснуть нервное напряжение.

*«12 ½ час. вечера. До 9 ½ часов вечера сидел дома, были дела и посетители. Пошел пробежался, а потом поднялся на верх, к Байковым и просил Марию Константиновну (хозяйку) помузицировать. И так славно и даже талантливо она частью пропела, частью попела в полголоса армии из “Майской ночи”, из Садко, из “Снегурочки”, потом романсы Чайковского, Балакирева, Гречанинова, Рахманинова, а на последок старые итальянские песенки. Ну я наслаждался, ты понима-*



*ешь, до слез... И эта музыка сегодня с книгой Серова меня развинтила совсем. Вернулся сюда к себе в комнату и весь, Марочка моя, я не здесь. И вся жизнь и война и переживание, все наболело, все измучило и тоска по тебе и неудовлетворение нравственное и деятельности здесь обида, оскорбление национальной гордости, русского имени, голод по тебе, безумное желание тебя видеть, быть около тебя, ждать твоей ласки все это сейчас перемешалось [нрзб.] и тянет меня, грудь разрывается. Марочка, ты понимаешь меня, чувствуешь, подная моя. Такое глупое состояние, что и себя стыдно. Размяк я, ослабел, ты бы меня разлюбила за это, моя [нрзб.]. Даю себе слово не распускаться, буду и читать, и музыку слушать, но возьму себя в руки. [...] Завтра буду крепкий и сильный, таким, каким ты любишь меня» (11.03.1919)<sup>244</sup>.*

Он заводил новых знакомых по принципу общности пристрастия к музыке. Так в Порт-Петровске он сблизился с неким инженером, чья фамилия в копиях каждый раз воспроизводится по-новому – Липневский, Липинский и пр., который оказался отличным скрипачом. И вечерами они играли сонаты Грига, и генерал наслаждался. Такой сюрприз в Петровске: неожиданно чудные сонаты, музыка, восклицал он<sup>245</sup>.

Во время Ледяного похода первые и далеко не самые сильные проявления взаимной жестокости потрясли его сознание. Под конец этого похода он писал:

*«Способен был бы напиться пьяным, все забыть, уйти куда-нибудь от этой отчаянной действительности, только жить здесь черствелому, огрубелому, мало жалостливому человеку...»<sup>246</sup>.*

По-видимому, фронтовая война регулярных армий по конвенциональным правилам не потревожила его культурные основы так, как война внутренняя. В этой он не видит высоких начал войны с внешним противником (как профессиональный военный он не может не считать войну благородным занятием). Лишенный привычных ориентиров он растерян:

*«Сегодня хоронить будем 10 человек. Уж таким обыкновением стало это опускание в землю человеческого мяса. И отупели к этому и забывают быстро умерших. Теперь умереть, быть убитым – ну прямо пустяк какой-то, но впечатление на окружающих и забвение наступает удивительно быстро. Не славно теперь умирать, никто и вспомнит кроме самых близких и родных, и так зарастет память. Положим, умершему это все равно, но для тех, кто остался, дорого, если любимого умершего будут долго не забывать» (22.05.1918)<sup>247</sup>.*

Показателем того, что военная карьера стала уделом его жизни в некотором смысле по недоразумению, могут его высказывания в множестве разбросанные по страницам записок. Уже в марте 1918 года он проявляет стремление каким-то образом устраниться от участия в конфликте, и он тоскует по России, хочется вернуться, «жить для себя, а не для политики, не для борьбы идей»<sup>248</sup>. Вспомним его запись от 11 апреля 1919 года:

*«...До чего мне опротивели эти все скитания, риски жизнью, бои и походы и т.д. Ну просто я мученик каждый раз, когда мне надо идти вперед, соприкасаться с противником, вступать в перестрелку и т.д. И только потому, что беру на себя, и потому что иначе нельзя, я все исполняю. [...] И я буду Бога благословлять, когда буду наконец изъят из этой гражданской войны»<sup>249</sup>.*

И когда ему так надо в Екатеринодар, но путь проходят по волнующемуся Тереку, он понимал, что можно попытаться прорваться в группе хорошо вооруженных офицеров, но эти желания гасились неохотой опять скакать, стрелять, рисковать... 23 февраля 1919 года он записал:

*«На железной дороге там, где восстанавливают путь, чуть ли не сражение сегодня. Уж мне туда никак не стоит ехать. Завтра вечером двинусь на пароход»<sup>250</sup>.*

Ивану Георгиевичу претит жестокость этой войны. Он многое пережил уже в 1917 года – арест в Бердичеве, быховское сидение, бегство на Дон. Но спустившееся во время Ледяного похода в самую людскую гущу насилие больно било по основам его культурного опыта:

*«Какое-то людское самоистребление, ужасно, поймают большевика, убьют, поймают нашего – тоже убьют; причем наши еще отпускают в сомнительных случаях, а большевики приканчивают всех, почти без разбора» (18.03.1918)<sup>251</sup>.*

Он описал ситуацию, что ему приходится жить в хате у крестьянина, у которого корниловцы при проходе два месяца назад расстреляли сына. И вот он должен палачей своего сына принимать, кормить, поить, – это ужасно. Не раз он подчеркивает в дневнике, что несет свой крест по обязанности:

*«...Немцы вешают большевиков, и мы боремся с ними же, цели одинаковые у нас – это ужасно. Немцы, конечно, приняли правильную линию, т.е. привлечь к себе интеллигентный класс России, который не сочувствовал большевизму и революции, помочь этому классу, и видят, что интеллигентный класс стоит против своего же народа, обопрется на немцев против своих же – неужели это будет? Кошмар, трагедия. По-моему, если сведения о подобных действиях немцев верны, то нам, нашей армии, надо продолжать здесь свое дело борьбы с большевиками, продвигаться к России, и когда наше положение будет безопасно, то есть когда мы сможем проникнуть /130/ в такие местности, где большевиков не будет или же их будет очень мало, то тогда надо начать расходиться по домам, так как вступать в бой с немцами – идиотизм. Этим много испытанных закаленных должностных русских людей сохранится – сбережется для будущей борьбы с немцами и для строительства русской жизни в дальнейшем, и по-моему судьба Ростова, вероятно, тоже будет решена, и он будет во власти либо донцов, либо немцев, а тогда нам смело можно будет двигаться вперед, залезать в тихую донскую станицу, быть может по-*

*мочь Дону в его борьбе с большевиками и, отдохнувши, разобравшись, совсем понемногу разъезжаться по России.*

*И видеть не могу этих расстрелов, виселиц и вообще этих бесчеловечностей. [...] Вся душа изболелась у меня от этих страданий человеческих за три года войны и один год гражданской междоусобицы, тошнит меня. Несу крест свой по обязанности командования бригадой своей, сдал бы сию минуту, это такой крест, ты понимаешь меня» (19.04.1918)<sup>252</sup>.*

Этот кошмар проник и на страницы дневника. По-видимому, именно сила впечатления от рассказа сестры начальника его штаба Р.К. Дрейлинга заставила генерала его записать. Женщина пробиралась из Екатеринодара к добровольцам полтора месяца. Сначала попала в плен к большевикам, потом вместе с ними была захвачена казаками. Обобрали ее так, что она осталась в рубаше, юбке и сапогах. Те не верили, что она не большевичка и держали ее вместе со всеми, а потом погнали на казнь. Казаки загнали всех арестованных в пруд – топить, но там оказалось воды ниже колена. Они принялись стрелять по пленным, а потом саблями добивать раненых. Она тоже была ранена, но как-то уцелела, сумев доказать казачьим офицерам, что она не большевичка, и те ее тайно от рядовых отпустили<sup>253</sup>.

Иван Георгиевич желал сохранить себя от вируса всеобщей ненависти и ввел в своем отряде практику «тактичных репрессий» (формула политического комиссара 14-й стрелковой дивизии РККА Фролова, предложенная им в 1919 году, учитывающая психологическое воздействие выборочных экзекуций на массу)<sup>254</sup>. Эрдели изложил для Мары принципы сепарации пленных:

*«Я многих избавляю от расстрела и отпускаю с миром, хоть и бывших против нас, и думаю, что от этого будет нам же лучше, а не хуже. Исключение приходится делать, конечно, когда попадается кто-нибудь уж очень злостный или важный по положению, и тогда у меня и жалости нет, ну а большинство обманутые бараны, которым простое снисхождение –*

*наилучшее лекарство на будущее от искушений большевизма»<sup>255</sup>.*

Но гражданская война затягивается. И в июне Эрдели уже отстраненно, без нервов записал: со станицами мы еще церемонимся, а с деревнями Ставропольской губернии, откуда поставляли большевиков – нет. Несколькими днями раньше он записал содержание разговора с С.Л. Марковым:

*«Вчера мы с Марковым говорили, что если с нашими близкими что-либо случилось, и они погибли от большевиков, то мы будем гулять по России, и тяжело отзовется наше гуляние; будем безжалостно резать и вешать в отместку за потерю того, что нам было дорого, и что у нас отняли»<sup>256</sup>.*

Эрдели, который в том разговоре поддержал Маркова, был, тем не менее, человеком другого склада. Об этом определенно свидетельствует его дневник. Стоило ему удалиться от фронта, как культурный стержень брал свое, и в Баку он считал, что нельзя разоружать Каспийский флот, к чему провоцировали его англичане, потому что это выльется в большое кровопролитие. Но англичане разоружили флот сами без всякого моря крови. Поэтому он и не стал знаковой фигурой в истории движения. Популярность обеспечивали совсем другие качества.

А вот генерал Марков стал знаковой фигурой движения.

На начальном этапе Гражданской войны поведение офицеров-добровольцев, когда они, не считаясь с чинами, лично возглавляли атаки в небольших стычках, изобретали различные уловки и хитрости, не принятые в условиях конвенциональной войны, имело, прежде всего, воспитательное значение. Важно было показать, что теперь воевать надо по-новому, инициативно и с выдумкой. Военачальники, отвечавшие этим требованиям, стали легендарными, например, С.Л. Марков и В.О. Каппель. Марков, генерал-лейтенант Генерального штаба, в Добровольческой армии – командир 1-го Офицерского пехотного полка, затем бригады и дивизии, женатый на княжне Путяти-

ной, не чурался сквернословия. Именно с этим его качеством легенда связывает случай захвата красного бронепоезда у Медведовской. Генерал Марков остановил бронепоезд, покрыв его экипаж отборной бранью, из-за чего и был признан своим<sup>257</sup>. Он творчески подходил к развернувшейся войне. Использование только что взятых в плен солдат для реализации непосредственной боевой задачи впервые испытал именно он в боях при взятии станции Сосыка. Марков приказал вооружить часть пленных красноармейцев и заставил разыскивать и расстреливать скрывающихся их же товарищей<sup>258</sup>. Это его образ наиболее идеализирован в добровольческой мифологии.

Как и в случае с Корниловым, память о нем подверглась фольклоризации сразу же после его смерти. Осенью 1919 года эссе «Те, кто красиво умирают», опубликованное в газете ненадолго занятого Курска, приписало марковцам особую манеру держать себя – сдержанность и меланхоличную отрешенность. Так символизировалась их преданность образу погибшего шефа<sup>259</sup>. По-видимому, ближе к истине портрет генерала, данный бывшим полковником Е.И. Булюбашем в воспоминаниях, датированных 1962 годом, и писателем А.Н. Толстым. Булюбаш отказался служить под командованием Маркова, чтобы не портить с ним отношений из-за того, что тот бывает слишком резок и груб<sup>260</sup>. В романе «Хождение по мукам» Марков назван человеком, отравленным трупным дыханием мировой войны, испытывающим наслаждение игрой боя. Роцин дал характеристику «цветных» полков: дроздовцы, носящие пенсне в честь их покойного шефа; разочарованные корниловцы и марковцы, которые «шикарят грязными шинелями и матерщиной». Маркова любили и помнили не из-за рыцарских качеств, которые ему приписывали, а из-за того, что он был эффективен в тех условиях.

О гибели Маркова Эрдели сообщил малоизвестную деталь: тот был тяжело ранен в дневном бою и умер ночью. Погибшему генералу были адресованы слова настоящего восхищения и скорби: «...Горячий пылкий человек, умный, честный,

благодарный, храбрый, любящий солдат»<sup>261</sup>. О смерти Маркова он плакал вместе с Деникиным. Далее он писал: убывает наша пятерка – Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков и я. Двоих уже нет. Это пятерка тех, кто решил собирать армию на Дону. Теперь подчиненные оттаскивают его от наблюдательного пункта, чтоб с ним ничего не случилось.

Имя Врангеля упоминается в уцелевшей части записок только в связи с его болезнью. Зимой 1919 г. Врангель тяжело переболел сыпным тифом. Ему привозили «мешки» с кислородом для усиления действия сердца. Жаль, пишет Эрдели, после тифа слабое сердце. И немного позже:

*«Сейчас пришло в голову, а вдруг Врангель умрет, меня посадят на его место на Северном Кавказе. Вот будет неприятный сюрприз. Для меня хуже нет этого Кавказа, тем более что лучшие части Добровольческой армии уведены к Дону, и здесь только оставшиеся терцы и кубанцы» (24.02.1919)<sup>262</sup>.*

Хотя генерал А.А. Брусилов и не вождь Добровольческой армии, но реакция Эрдели на слухи об офицерской организации под его началом в Москве интересна:

*«На Брусилова надеяться нечего, веры в этого вьюна нет никакой, но все может быть, так как Брусилов воспользуется моментом может и может перекраситься из монархиста в большевика, а потом в республиканца и опять в монархиста, сколько угодно»<sup>263</sup>.*

Отношения с недавним противником, немцами, и союзниками – особая тема в этих записках. Ох, как они не похожи на расхожие штампы эмигрантских мемуаров!

Прежде всего интересна позиция самого генерала в отношении немцев в изменившейся ситуации, когда они из врагов превращаются в фактор стабильности.

*«Скорее бы хоть немцы пришли – в них и у них искать спасения и помощи. Я ли это говорю? Да, я служить не стану, с ними против своих не пойду. Но помощи их жду, скорей бы» (9.04.1918)<sup>264</sup>.*

*«Я невольно как гражданин покоренной страны должен буду подчиниться силе, но увеличивать военные ряды немцев собой, хотя бы для уничтожения большевиков, невысказано, конечно. И в душе буду благодарен врагам своим за прекращение гражданской войны и за то, что буду хоть и в покоренной стране, но иметь право на жизнь, а не на расстрел, как теперь» (10.04.1918)<sup>265</sup>.*

О немцах генерал пишет, что их присутствие вносит некоторую путаницу в традиционное черно-белое видение войны:

*«У нас с большевиками общий сторонний враг – немцы, но это не препятствует отнюдь нашему сближению с ними [с немцами – О.М.]»<sup>266</sup>.*

Большинство офицерства, измученные боями и невзгодами войны, начинало смотреть на немецко-украинские войска как на избавителей от ужасов гражданской войны<sup>267</sup>.

Но были и исповедники традиционных антигерманских настроений. Родзянко, бывший председатель Государственной думы, грезил о заключении мира с большевиками, чтобы бороться с немцами. Это крайне редко встречавшаяся позиция. А вот Эрдели высказал в ответ ему гораздо более популярную в 1918 году, что лучше бы они дрались без них, добровольцев, сами между собой – немцы и большевики.

В апреле 1918 года неясность отношения к продвижению немецкой армии на юг, в район Дона, казалась Эрдели крупнейшей стратегической недоработкой командования. Действительно, что делать добровольцам, если они встретят немецкие части? Вступит в бой? Сдаться и разоружиться? Лично Иван Георгиевич полагал, что к моменту соприкосновения их с



немцами, те уже расправятся с большевиками, и тогда добровольцам будет целесообразно разоружиться с тем, чтобы им дали пропуск в Россию, «туда, куда кому надо».

То, что немцы большевиков сомнут, у него не вызывает сомнения. И тут, полностью решив, что нелепая история с большевизмом уже близка к завершению, генерал несколько капризно замечает: плохо то, что присутствие немцев разобьет тот патриотический порыв, который сейчас собирается против большевиков.

Он не заблуждался насчет отношений между немцами и большевиками. Обвинения в германских деньгах, гремевшие в 1917 году, его не убедили, он понимал их пропагандистский характер. А ныне, в 1918 году, то, что они, добровольцы, имеют общего с германцами врага – русских большевиков, он считал ужасным. Голос крови для него звучал сильнее, чем голос класса. Генерал сознавался на страницах дневника в предубеждении против немцев, что вообще бы с ними не вступал ни в какие компромиссы, но разумом понимает, что практичнее было бы на них опереться. Немцы прогонят большевиков, начнется подпольная борьба с немцами.

Будучи носителем представления о народе-богоносце – воплощении всех лучших качеств человека, он тут же замечает, что русский народ не простит тем, кто придет с немцами наводить порядок.

Германофильские настроения в добровольческих кругах оформились и окрепли, когда прошли о том, что немцы активно действуют против большевиков на Украине и упраздняют советы. Раздались голоса за начало переговоров с германской армией. Но Эрдели считает, что при таком положении страны ее будут стричь все – и союзники, и Германия, что союз с Германией хорош только на первое время, но вообще это ошибочный курс<sup>268</sup>.

После установления своеобразной демаркационной линии с немцами по реке Дон деникинскую армию стали покидать люди, чтобы попасть в спокойные места, обеспеченные немец-

кими войсками. Многим надоело скитание, и они хотели избавиться от напряжения боев, хотя и не знали, что творилось в зоне оккупации. Деникин потерял таким образом половину штаба. Эрдели, в котором уже формировался критик Главнокомандующего, расценил это как показатель недоверия к командованию<sup>269</sup>.

Подлинная картина отношения к союзнической помощи стран Антанты предстает не из мемуаров, не из газетных материалов, а из записок участников процесса, сделанных сразу по следам событий. Эрдели дважды направлялся штабом А.И. Деникина для выполнения заданий дипломатического характера: в Салоники в октябре 1918 года для встречи с верховным комиссаром Антанты и в Баку для переговоров с англичанами о судьбе русского флота на Каспийском море в феврале-марте 1919 года.

Целью визита в Салоники были переговоры об участии британских и французских частей в борьбе против советской власти:

*«Скорей бы нам с большевиками справиться у себя дома, чтобы союзники помогли нам в снарядах, средствах, технике, и тогда все наши присоединятся, все армии будут – ОДНО, и все пойдут на Москву и расчистят всю эту сволочь»<sup>270</sup>.*

Его суждение по поводу того, что присутствие союзников объединит и усилит «все здоровые силы», находит широкие аналогии в настроениях других белых офицеров. Так же думал и председатель Донского правительства А.П. Богаевский: «Дай Бог, чтобы прибытие союзников внесло мир в измученную страну!» (5.10.1918)<sup>271</sup>.

Насчет мотивов помощи Эрдели не заблуждался: англо-французским акционерам нужно вернуть деньги и собственность, значит, их правительствам придется помогать восстанавливать порядок в стране. Кроме того, Россия и в послевоенный период нужна будет им как противовес Германии. В этой части рукописи встречается любопытная ремарка. Чтобы служить

противовесом Германии, России нужно быть единой и судя по всему самодержавной, а это европейским социалистам может прийти не по вкусу<sup>272</sup>.

Его личный мотив для признания необходимости сотрудничества состоит в том, что участие иностранцев в борьбе с большевиками позволит избежать подлинной междоусобицы:

*«А что будет с нами бедными? Чехословаки от нас уйдут, борьбу с большевиками надо вести нам самим, русскими людьми с русскими же. Будут настоящие политические социальные междоусобицы. Опять кровь, если только союзники не вмешаются в наши внутренние дела и не поддержат здоровые элементы»*<sup>273</sup>.

Вскоре, 30 октября, он записал, находясь в Софии:

*«Что-то у нас там делается? [...] Может быть в армии неудачи, нелады, отсутствие патронов, тягости разные? Мучает мысль – справятся ли союзники с революционной войной, справятся ли с большевизмом нашим, который отзовется в Европе»*<sup>274</sup>.

В Салониках он составил хорошие впечатления от англичан, которые вели себя по-товарищески, и совершенно был разочарован во французах. Внучке француза, совершенно забыв об этом факте, он писал в связи с этим:

*«...Они [французы] так напыщенны, смотрят такими мировыми победителями и так подчас снисходительны и великодушны, что становится и больно, и оскорбительно. Англичане очаровали меня своей простотой, сердечностью и прямоотой. Скромны, жизнерадостны, работают хорошо, дельно, столько открытого в них. Сразу между ними почувствовал себя как дома»*<sup>275</sup>.

Эрдели вел переговоры в основном с французскими официальными представителями, поскольку по секретной договоренности с Великобританией Франция имела преимущественные права на эту часть разваливающейся Оттоманской импе-

рии. Предметом переговоров Эрдели с союзниками были вооружения, и оказалось, что Франция готова передать армии Деникина пушки русского образца, которые находились в болгарской армии, и получить взамен хлеб. Эрдели заявил, что хлеб нужен голодающей России, и что такой ценой их помощь России не нужна. В своем дневнике он возмущено писал, что французы требуют от добровольцев немедленного возмещения и полновесных гарантий, не желая замечать суть переживаемого момента.

Но в Баку он разочаровался и в англичанах, но повысил мнение о французах. 13 марта 1919 года он записал в своих «листочках»:

*«Додержаться бы до совместных действий с Колчаком, чтобы оттянулась от нас часть большевиков. Америка не желает нам помогать. Англия ведет двусмысленную игру. Одна Франция трезво смотрит, но она одна. Что-то нас ждет. Какие еще невероятные усилия, жертвы, лишения нам впереди предстоят»<sup>276</sup>.*

К слову, в сообщении министра иностранных дел Айдара Баммата Горскому правительству из Берна подтверждается, что Деникин в данный момент пользуется поддержкой только Франции<sup>277</sup>.

Запись от 14 февраля 1919 года отразила весь спектр настроений Ивана Георгиевича после разговора с В. Томсоном<sup>278</sup>, командиром английских войск, введенных в Баку.

*«Сидел у Томсона, решали вопрос о флоте. Решил, но неудачно, попался в ловушку (англичан), вернее благородничал, а они сподличали, и я остался в дураках. Как из этого выйти, как? Сам я виноват, помощи просить не у кого также. Экий я (безумный), напрасно честный. Стыдно тебе в глаза смотреть. Стыдно, Мара»<sup>279</sup>.*

Англичане слишком очевидно демонстрировали заинтересованность в существовании новых государственных образований в Закавказье. Они требовали, чтобы флот и вся собственность русской армии были переданы Азербайджану. Эрдели ответил категорическим нет, подчеркнув при этом, что англичане как союзники должны обеспечить сохранность российского имущества. Но если они не хотят, то лучше этот вопрос оставить пока неопределенным, а Азербайджан пусть хозяйничает там, где находилась зона влияния России и где существует сейчас влияние Англии<sup>280</sup>.

Переживания генерала сохранил его дневник:

*«15 февраля. 2 часа ночи. [Выгнали] нас всех англичане. Предложили завтра убираться всем офицерам и солдатам из Баку. Я не пошел на провокацию, отказался исполнять требования англичан, и просто выгнали. Уезжаю завтра. Тяжко и оскорбительно на сердце. Одна отрада, что тебя увижу. Страх, если попортил нашему делу. Политика англичан определилась ясно, и плясать под их дудку я не смог. Выгнали, я заявил протест, что же мог больше сделать? Ну храни тебя Господь. Поцелуй меня, поласкай, мне очень тяжело...»*

*16 февраля. 6 час. вечера. Я остаюсь один – все части<sup>281</sup> ушли, остаюсь потому что Томсон прислал письмо, в котором разъясняет, что уход относится к воинским частям, а не ко мне, а я как представитель генерала Деникина, конечно, должен остаться здесь пока хочу. Непокорный флот, не исполнивший моего приказа вышел частью в море, а частью остался. [...] Конечно, англичане сильнее, тут и думать нечего, и как бы было хорошо, если бы мы вместе действовали открыто и честно как союзники, а не так, с подвохами и подкатами, и не только с разрозненными моими частями, которые сплеховали без всякого сомнения. Ах, Марочка, как я устал, измучен душой. Лягу спать, просто валяюсь от усталости. Вечером еще есть дело.*

*8 час. вечера. Почти два часа проспал как убитый. Теперь опять посетители, просьбы, все бегут, просят защиты.*

*12 час. ночи. Все разъехались. Пустынно стало. Я один без поддержки нравственной. Татары ликуют, что наших нет, англичане холодно торжествуют, что добились своего и изгнали русское влияние. Одно утешение, что все здесь русские сочувствуют, одобряют меня. Ужинаем у Байкова<sup>282</sup>. В ресторане как-то совестно, сейчас и зайти... у них также печаль и грусть за русское дело. [...]*

*17 февраля. 6 час. вечера. С утра люди одолели меня. Флот разоружен весь. Угрожают завтра забастовкой всеобщей против англичан. Купил свечей, спичек, хлеба, запасаюсь водой, послал две отчаянные телеграммы в Екатеринодар с просьбой денег для частей войск, а то есть нечего нашим скоро. Очень трудно стало здесь в одиночестве. Помощников нет, денег нет, просьбы со всех сторон. Невесело.*

*12 час. ночи. Чай пил вечером у Леонтовичей<sup>283</sup>. Кажется, писал про них, милые люди. Сейчас вернулся домой. В голове тяжесть. В сердце пустота, в душе мрак. В газетах сведения опять, что Ростов не взят, и что все у нас, кажется, хорошо. Слава Богу, значит, с тобой не будет осложнений, и ты спокойно сравнительно существуешь в Екатеринодаре. А может быть переезжают все в Севастополь? А телеграмм все нет ни от кого, и ни о чем. И от тебя ничего нет. Непонятно и горько. Неужели, если хотеть сильно и по-настоящему, то не прислать кого-нибудь сюда? Ну, может быть я не прав. Только горько на душе.*

*18 февраля. 8 час. вечера. Ну окончательно определилось, что я в Асхабад не поеду. Для ликвидации всех дел мне надо еще 2-3 дня не больше. Затем через Владикавказ на Минеральные Воды и в Екатеринодар, к тебе, к тебе, милый, ненаглядный, родной мой, моя Мара. Я так оскорблен, унижен в своем русском чувстве, что хочется, кажется, уничтожить всех англичан, но они наши союзники, и задирание носа здесь отзовется там, на севере у нас. И приходится терпеть, смириться, — сила солону ломит.*

*И так это тяжело, совсем нет сведений о том, что делается у нас там. Господи, как подумаю о Екатеринодаре, о твоей квартире, так это такой рай, такой свет, такое сча-*

стью, что ты кажется недостижимое, чудное, неземное в сравнении со всем тем, что здесь.

Хоть эти две семьи – Леонтовичей и Байковых – всячески меня ласкают, ну как родного, и я им бесконечно благодарен, но что они значат для меня? Пустой звук. Так приходится много писать, думать, принимать и говорить, что для себя просто не успеваю писать, и карандаш в руке ну просто болезненным стал.

11 час. вечера. Поужинали у Леонтовичей. Поиграл в 4 руки 7-ю симфонию Бетховена. Вспомнилось старое дореволюционное время и мое детство, когда я был влюблен юношески в эти симфонии и ничего другого и знать не хотел. Сейчас перечел газеты. Всюду ликование, что части Добр. Армии ушли, и таким образом край очистился от «вражеских элементов». Ты видишь, каково в такой атмосфере жить и действовать, да еще под давлением англичан.

Скорее бы вон из этого Баку, кошмарного, ужасного, ненавистного, скорее к тебе, к твоей любви, к ласке, нежности, растаять около тебя, вылить душу свою, оскорбленную и униженную, чтобы ты поняла меня – слиться душой с тобой, говорить с тобой одним языком, одним чувством, одним разумением – чувствовать в тебе свое второе “Я”, чувствовать в тебе ответ на все, все и самому отвечать на все тебе, моему сокровищу, моей единственной в жизни женищине – человеку, которую я понял, которая меня поняла и полюбила, и которую я полюбил – истинной и единственной в моей жизни любовью. И опять чем дальше, тем определеннее, тем вернее и тверже все становится, что нет жизни без тебя, и когда я без тебя, то так и говоришь себе, что это переходное время, а настоящее время – когда около тебя, когда с тобой, и не мыслится иначе. Ты чувствуешь, понимаешь, как я тебя глубоко, серьезно, люблю Марочка. Целую тебя милый мой, ложусь спать. Христос с тобой.

19 февраля. 10 час. утра. [...] События мне показывают, что если бы я решился на вооруженные действия, то здесь было бы что-то невообразимое, т.е. армяне и татары передрались, и все бы обрушилось на нас. Положим мы потеряли флот, но и без того он был бы потерян, так как англичане все равно

*не допускали его вооружения, и он стоял бы как старая калоша, вызывая напрасный расход. Результат тот же. Не получая денег ниоткуда, на что бы я содержал этот флот? И сейчас на ладан дышим, как оглянусь назад, так не могу не признать возмутительное отношение штаба Деникина к нам, никакой помощи, никаких указаний, ни одной копейки – ничего. Может быть, они обиделись на меня за мое письмо тогда, что я писал им, и о чем упоминал тебе в листках. Но это могла быть личная обида на меня, но не могло же повлиять на дело наше. Во всяком случае, здесь мне все ясно теперь, что мне надо делать для того, чтобы уехать.*

*8 час. вечера. Понемногу, все распутывается и с трудом. Все хватают наше имущество, хотят нажиться, стянуть. [...] Англичане потворствуют Азербайджанцам... [...]*

*11 час. вечера. Сейчас немного прогулялся, купил газет. В местных газетах ведется открытая пропаганда против нас, чем дальше, тем ярче и зlostнее. [...]*

*А сейчас спать, спать, одно средство от тошнотливой атмосферы. Забыться с тобой, помечтать о тебе, о ласках, о любви твоей, о счастье с тобой, о рае с тобой, мой милый, мое счастье ненаглядное, единственное. Целую тебя, моя Марочка»<sup>284</sup>.*

В своих записках генерал отмечал двойственность политики англичан – готовность помогать добровольцам на Кубани и отказывать во всем в Закавказье. Всякие напоминания о русском присутствии вызывали неприятие у англичан. Вскоре уже и об англичанах он не мог говорить без ненависти. Он считал, что в Баку он получил столько унижений и оскорблений, которых никогда в жизни не получал. Все это стало для Эрдели поводом для горьких переживаний:

*«А на душе скребет, мучает все, болит, ответственность и за флот, и за деньги, и за имущество, за наши prestasi; и все это так мучительно сложилось, тяжело, убыточно, оскорбительно, и, конечно, я же буду виноват тогда, как иначе сделать было нельзя, и могло бы быть еще хуже. [...] Ну как не предпочесть честное солдатское ружье в руках – роль*



*военного начальника, всем этим передрагам, полувоенным, полудипломатическим, [быть] битым, униженным, бессловесным да еще с союзниками, которые хуже врагов»<sup>285</sup>.*

Это видение ситуации генералом Эрдели, но есть и независимые источники, которые могут подсказать, насколько адекватно он понимал ход событий. Переписка Временного правительства Союза Горцев Северного Кавказа с генералом Томсоном показывает, что англичанин стремился создать единый антибольшевистский фронт на Кавказе и старался примирить горцев и добровольчество. 27 ноября 1918 года английский генерал писал Тапе Чермоеву, что он считает крайне существенным, чтобы следующие приказы были выполнены теперь же, а именно: прекратили распри и объединились против большевиков, поддерживали коммуникации в рабочем состоянии, убрали из региона всех турок<sup>286</sup>. Представителю ингушей Абу-Бекру Плиеву Томпсон писал:

*«Ингуши были очень лояльными друзьями союзников... [...] Я уверен, что Ингуши ей [Добровольческой армии – О.М.] окажут всяческое содействие, и не имею ни малейшего основания предполагать, что у них будут какие-нибудь затруднения с войсками генерала Деникина» (10.02.1919)<sup>287</sup>.*

Другой английский офицер полковник Стокс инструктировал своих подчиненных, работавших непосредственно на Северном Кавказе, так, что нужно так выстраивать отношения горцев и в данном случае Лазаря Бичерахова, «чтобы личные и политические мотивы отошли на задний план» (31.12.1918)<sup>288</sup>.

То, что позиция англичан не была антироссийской, свидетельствует протокол встречи министров грузинского правительства и английского генерала Бриггса в качестве представителя (!) Добровольческой армии в Тифлисе 23 мая 1919 года. Сначала обсуждался вопрос об установлении государственной границы по р. Мехадырь. Потом перешли к общим вопросам. Генерал Бриггс поделился своим видением ближайших перспек-

тив: скоро Колчак и Деникин соединятся и тогда будет сформировано общерусское правительство – это вопрос нескольких недель. Затем он добавил: «Ведь малые государства слишком слабы, они должны не враждовать, а наоборот соединяться; Вам, вероятно, видно, что отдельная финансовая система разорительна, также будет и во всем остальном». Н.В. Рамишвили горячо ответил непонимающему англичанину: «Быть самостоятельным и независимым – вот желание не только нашего правительства, но и всего грузинского народа, и в этом мы уверены, нас поддержат великие державы... в деле признания нашей независимости». На что Бриггс как человек явно другой культуры заметил:

*«Независимости по отношению к России[?]... Такой маленький народ как Грузия не должен стремиться к самостоятельности, ибо маленькие государства страдают от коммерческих войн, и я думаю, что Вы готовите себе не особенно приятную старость»<sup>289</sup>.*

Так в чем же тогда причина такой реакции на английскую политику в Закавказье у неглупого русского генерала. Наверняка его коробила роль англичан в кавказских делах. Они выступали в качестве третейских судей, примирителей и распорядителей. Деникин под давлением англичан обещал сместить генерал-губернатора Терско-Дагестанского края Ляхова и остановить активные действия частей в ожидании решения Версальской конференции. Ляхов был действительно смещен, но все равно продолжала осуществляться его программа разбивки Северного Кавказа по национальным округам с назначением туда генералов – представителей этих народов в качестве наместников.

Поездка Эрдели была организована не как дипломатическая миссия, без соответствующего правового статуса, а как невнятная демонстрация присутствия для решения хоть каких-либо вопросов в отношении имущества русской армии. Это постоянно ставило генерала в тупик. И он тяжело переживал «не-

удовлетворение нравственное от деятельности здесь, обиду, оскорбление национальной гордости, русского имени»; готов на фронт пойти простым солдатом, но только не быть в таком унижительном положении как здесь. Когда он вновь сидит запертый в Порт-Петровске, то пишет:

*«Мне делать нечего. Я сижу, читаю, разбираюсь в старых делах, думаю, и тоска меня разбирает. Тянется душа на север, к тебе, к Дону, где решается теперь жизнь и смерть наша. А от союзников помощи никакой в сущности, кроме затруднений и трений» (6.03.1919)<sup>290</sup>.*

Как командир кавалерийских частей он взаимодействовал с казаками и горцами, затем как Главноначальствующий на Северном Кавказе он сталкивался с национальной элитой горских народов.

В годы Первой мировой войны он воевал сначала в кавалерии – обычной, потом в гвардейской, затем командовал пехотной дивизией, и соответственно носил общевойсковую форму. Он не привык к черкеске, с которой так сросся, например, П.Н. Врангель. Командуя весной 1918 года кубанцами, Эрдели пришлось ходить в черкеске, но он не чувствовал себя в ней комфортно. Собираясь в Новочеркасск, генерал с удовольствием думал, что там он сможет переодеться в свое военное платье и скинуть «эту надоевшую отвратительную черкеску».

В августе 1918 года под его командованием находились черкесские части. По-видимому, это отряды западных черкесов – адыгов, которые в наименьшей степени, чем другие горские народы оказались расколотыми между двумя противоборствующими лагерями.

Территории, занятые до середины XIX в. адыгскими племенами, в связи с мухаджирством (эмигрировало около 400 тыс. чел.) опустели, на них были переселены крестьяне из центра страны, которым государство оказывало материальную помощь. Это привело к экономическому подъему региона, а также к меньшей остроте национального вопроса<sup>291</sup>. Но проводившая-

ся во второй половине 1916 года мобилизация на тыловые работы вызвала недовольство горцев. Со сборных пунктов они уходили прямо в горы. Поэтому к большевикам как к врагам старой власти они первое время были лояльны. Но по мере политтрегерской деятельности большевиков вектор симпатий менялся. Когда красногвардейцы замучили офицера-черкеса за то, что он не снял погоны, то на следующий день против них выдвинулись аульские отряды, потому что погибший был их собратом<sup>292</sup>. Разочарование в большевиках было связано еще и с тем, что те поддерживали иногородних, которые, именуя горцев как собственников земли «буржуями», устраивали жестокие налеты на аулы. Поэтому конники из Туземной дивизии отозвались на призыв своих офицеров из числа феодальной знати и прибыли с ними во главе под командование Деникина.

Но материалы Адыгейской областной «партизанской» комиссии показали, что была целая группа бывших конников Туземной дивизии, которые в августе 1918 года вступили в Красную армию и отступили вместе с ней с Кавказа. Встает вопрос о причинах этого выбора.

Дневник генерала И.Г. Эрдели как командира добровольческой конницы отразил конфликты, вызванные поведением его черкесов. Их грабительские наклонности вызывали его резкую оценку: «Сегодня надо судить черкесов, за грабежи и насилия, вероятно, придется расстрелять четверых, и поделом – ужасные, ужасные разбойники»<sup>293</sup>. Но черкесов не расстреляли, а выпоролы перед фронтом. Их унижительно наказывали за то, что на их родине продолжало считаться, несмотря на запрет набеговой системы в 1864 году, удалью.

Наказание плетью занимает своеобразное место в русской традиции. С одной стороны, это рабское наказание, средство воспитания холопов и обуздания буйных голов, но, с другой стороны, порка считалась гуманной альтернативой расстрелам, например, в казачьих областях тогда, когда в 1918 году казаки не хотели окончательно обострять отношения с иногородними, устраивая порку для тех из них, кто запятнал себя уча-

ствием в большевистских отрядах, заодно остужая таким образом и собственную молодежь.

Но в горском обществе телесные наказания полностью исключались адатами. Если по шариату плети могут быть присуждены за измену мужу, за ложное обвинение, за употребление вина и т.д., то северокавказские горцы в этом вопросе придерживались адатного представления об их чрезвычайной оскорбительности. Они могли стать поводом для кровной мести тому, кто исполнял, и тому, кто приказал подвергнуть горца порке. Для Эрдели слава командира, поряющего своих джигитов, не могла пройти бесследно. Не в этом ли кроется ответ на вопрос, почему в августе 1918 года часть адыгов, служивших в Черкесском полку Дикой дивизии, оказались в отрядах красных.

Через полтора месяца случилась трагедия, которая, судя по всему, являлась отдаленным следствием этой экзекуции. Его штабной офицер Малаховский сделал замечание черкесу, грабившему русских жителей, и хотел его арестовать, а тот полоснул его шашкой по голове и раскроил череп. Эрдели возмущен: нету сладу с этими извергами и дикарями<sup>294</sup>.

Иван Георгиевич – последовательный противник всех полсереволюционных лимитрофов, возникших на развалинах империи. Он не делает исключений. Он в равной степени отрицательно высказывается и в адрес «щирых украинцев», и туркофильствующих мусульман Закавказья и Туркестана, всех, как он пишет, вершителей судеб стран и народов всех национальностей, типичных во всем и везде с их заносчивостью, высокомерием, нахальством, пустоцветом и аппетитами<sup>295</sup>.

Он злорадствует по поводу волнений представителя Украины, ехавшего с ним на одном пароходе в Болгарию:

*«Вид у него мокрой курицы, волнуется – как его примут союзники, которые Украины не признают, как самостоятельной державы, созданной искусственно немцами. Что я ему и Украине подложу свинью. Уж это наверно, чтобы не дружи-*

*ли с немцами, не лягали и не поносили бы Россию, которая их вскормила и вспоила. Отщепенцы! Ренегаты!»<sup>296</sup>.*

Но и в Варне, порту государства, возникшего русскими усилиями и русской же кровью, но выступившего в жестокой войне в союзе с Германией, он видит то же несоответствие принятой на себя роли, что и в случае с государствами, возникшими на развалинах Российской империи: «Судов много – что-то бедное, убогое, чудится. Потуги на державу, на то, чтобы подтянуться из ребят в большие. Бутафорское, ненастоящее что-то»<sup>297</sup>.

Его длительное пребывание в Порт-Петровске было вызвано трениями между Горским правительством и деникинским командованием, а также появлением в регионе массы религиозных и племенных вождей, контролировавших разные его части. Эта зона действия нецивилизованных с точки зрения генерала законов вызывала его на раздумья о ее природе. Основной причиной установившегося хаоса он считал Горское правительство, хотя и понимал слабость его опоры на Северном Кавказе:

*«Здесь все мутит Горское правительство, [не] признаваемое нами и самим населением, но которое не хочет расставаться с властью, цепляется [за] нее, занимается провокацией, старается возбудить к себе симпатии в Закавказье, в Грузии, Азербайджане...»<sup>298</sup>.*

Горское правительство требует не чинить дорогу, ссылаясь на какие-то объективные обстоятельства. Однако Эрдели думает, что из-за стремления взять край под свой контроль. Но он возлагал вину за ситуацию в регионе и на командование ВСЮР: «По-моему неудачно взялся Ляхов на все это дело, и неудачно прямолинейно повел дело Деникин». Путь соглашений был бы лучше, чем путь коренной ломки, считал он:

*«Неправильная, непримиримая, по-моему, политика у Драгомирова, Лукомского, Деникина. И столько отталкиваем от себя, и все у них покоится на штыках, на силе»<sup>299</sup>.*

27 февраля, находясь в бездействии вынужденной остановки в Порт-Петровске, Иван Георгиевич написал большой текст, разъясняющий Маре смысл происходящих на окраинах процессов.

*«Приехав, я тебе все расскажу, но если бы мне пришлось уехать скоро, то ты будешь читать мои листки – это без меня, и тебе все будет ясно. Терское правительство, которое горцами особенно даже не признается, очень ревниво относится к своему личному существованию, а так как его не хочет признавать и Деникин, то оно всячески старается возбудить горцев против Деникина и вообще Добровольской армии и для этого не гнушается никакими средствами, самыми провокационными и лживыми для того, чтобы среди населения распространять небывшие и ненавистное отношение.*

*И, к сожалению, эта провокация начинает проникать в толщу населения, которое очень лояльно и честно настроено к России. И, по-моему, Деникин сделал ошибку. Каково бы ни было Горское правительство, но когда Северный Кавказ был очищен, следовало бы признать это правительство, а так как оно населением не любимо, и никто его не выбирал, то сделать хотя бы вид, что с ним имеют дело, а затем у того населения спросить, выбирало ли оно это правительство, доверяет ли ему. Ответ получился бы отрицательный, и тогда это правительство само себя дискредитировало бы. А теперь одним росчерком пера это правительство Деникиным не признается, оно начинает будировать и распускать слухи, что Деникин посягает на религию и т.д. А таким образом оно как бы становится на защиту прав горцев (попираемых Деникиным, и благодаря этому население начинает верить правительству, самобытие его задето, и это правительство, которое было [нрзб.] теперь благодаря непримиримому отношению Деникина становится уже величиной имеющей [нрзб.]».*

Теперь в ходу всякие областные образования: Крым, Кубань, дон, Терек, Грузия, Армения, Азербайджан, Закаспийский край и т.п. Такое же образование хотели иметь и горцы – союз горских народов. Все это по существу чепуха, но это идея горцам мила, и с ней надо считаться. Тем более что она никому не помещала бы, только видоизменить надо ее, и чтобы союз горцев (ну как Кубань, Дон), был бы в зависимости от Деникина. И следовало бы не гнать правительство, которое неспособно быть правительством, а сначала дискредитировать его так, чтобы провалилось само с треском, а тогда руки были бы развязаны, и население само бы потянулось к России и Деникину и встретило бы охотно все новые организационные начала, которые производятся теперь. Но теперь это не одобряется Горским правительством и всячески тормозится, а если бы Горское правительство исчезло бы, как я говорил, то и против действовать некому было бы. А благодаря шумихе, поднятой Горским правительством на почве погранных Деникиным прав горцев и их самостоятельности (что в сущности можно), сейчас же поднялся шум в Закавказье, где затрещали во все концы все народности и с пеной у рта напали на Деникина за то, что он душил принцип самоопределения народов и т.д. И горцы, тянувшиеся всегда на север к России, теперь начинают тянуться на юг, к тем же закавказским народностям, которые подняли такой шум в защиту горских прав. Деникин же ни на какие горские права не посягает, он не хочет только Горской республики, – и совершенно прав, но все это раздувается непомерно, имеется видимость лишь, что Деникин всех хочет раздавить, и видимость эта как будто подтверждается тем, что он не признавал Горского правительства. Для общественного мнения Закавказья это непризнание обращает видимость в действительность, и все закричали, что отнимаются у горцев законные их права самоопределяющихся народов. Горцы сами начинают этому верить и невольно поддерживают Горское правительство, которое раньше в грош не ставили. Благодаря этому волнения в Чечне, неопределенность в Дагестане, опять возбуждение против терских казаков и т.д. и как следствие грабежи, убийства русских, опасения, что по железной дороге Деникин двинется на завоевание Чечни и Дагестана.



*Ко всему этому подбавилось то, что Ляхов после своих крутых расправ при подавлении революции 1905 года на Тереке здесь не популярен, его симпатии к терским казакам в ущерб горцам известны, и это еще восстанавливает их против общей политики Деникина. Как видишь, здесь путаница страшная. Но моя мысль, что не следовало сразу ломать и основывать все свои действия на силе штыка, а следовало иначе подойти к вопросу, и тогда не было бы врага в лице Горского правительства, которое политика Деникина своими же усилиями и укрепила в своем стремлении его ослабить. [...]*

*А англичане втихомолку нравственно поддерживают горцев и позволяют им думать, что образование Горской республики вполне в интересах и видах союзников, и подогревают сепаратизм горцев от России, чтобы не только Закавказье, но и Северный Кавказ попал бы им в лапы в смысле эксплуатации и [использования] народных и естественных богатств. В Закавказье они эту линию ведут более открыто, а здесь платонически что ли, но цели одни. [...]*

*Вместо дружбы и доверия к себе создали из лояльного и даже монархического горского элемента себе врагов. Штыки нужны теперь на севере, а не здесь, а если сюда будут отвлекаться силы, то это выйдет не умиротворение Кавказа, а война вновь, но не с северными большевиками, а с местными народами, на которых следует опираться, в которых искать поддержки, а не противодействия»<sup>300</sup>.*

Не исключено, что свои соображения по этому вопросу Эрдели высказывал публично, и этим может объяснено его назначение на пост Главноначальствующего на Северном Кавказе. Он солидарен с позицией Деникина по содержанию, но не по форме. О закавказской волне государственной самостоятельности он высказался так:

*«Этой самостоятельности мы не признавали в смысле отделения от России, и это обстоятельство возбуждает всех против нас»<sup>301</sup>.*

С этими настроениями он столкнулся также и во время своей инспекционной поездки в Туркестан:

*«Еще не избавились от большевиков, сами на ладан дышат, а бредят о каком-то отдаленном мусульманском государственном строительстве»<sup>302</sup>.*

В июле 1919 года Эрдели приступил к деятельности в качестве Главного начальствующего и командующего войсками Северного Кавказа. Его записки об этом периоде крайне скудны. По-видимому, остальное погибло.

Генералу приходилось иметь дело с двумя группами населения – казаками и горцами. Как ни парадоксально, сложнее ему было найти общий язык с терцами.

*«Беда мне с этими терскими казаками. Атаман своевольничает, делает незаконные вещи и прямо сам сеет раздор между нами и казаками. [...] Семена сепаратизма сеются им намеренно и вот теперь, как вернусь в Екатеринодар, все это выложу»<sup>303</sup>.*

А вот в общении с горцами ему сопутствовал успех. Он так считал. Мероприятия в Темирхан-Шуре прошли исключительно гладко:

*«Чай пил у правителя Дагестана, потом на официальный обед, во время которого говорил длинную программную речь, кажется, все хорошо и внушительно. Плясали лезгинку, послали приветственную телеграмму Деникину и т.д. Народ даже подвыпил немного, и меня провожали на вокзал еще более шумно. По-видимому, Дагестан я присоединил прочно и совершенно бескровно»<sup>304</sup>.*

Себя генерал считал (и не без оснований) знатоком национальных традиций. Когда ему предстояла встреча с представителями чеченцев, его смущало, что он сравнительно молодо вы-

глядит, ведь горцы почитают стариков. Он подробно описал Маре свое поведение на встрече со стариками. Когда говорил, старался говорить резким и определенным тоном, даже с суровостью и морщинами на лбу. Потом, когда переводил переводчик, и звучали ответные речи, пытливо оглядывал толпу. Они прямо впивались в него, и он старался выдерживать взгляды. После официальной части постарался придать лицу мягкость и добродушие, поговорил о частных делах и удовлетворил некоторые просьбы.

*«Пожелав им от Бога всего лучшего и успеха, опять поклонился всем и с ласковым, но достойным лицом немедленно вышел, оглядывая всех в глаза, по-видимому (уже слышал), впечатление хорошее»<sup>305</sup>.*

Здесь его текст чем-то напоминает письма последнего царя, та же поверхностность в понимании событий, та же убежденность в магии должности (титула, чина) на окружающих.

Твердость с благожелательностью дали хороший результат, и генерал полагал, что отношения с горцами налаживаются. Даже с ингушами, самыми разбойниками. Когда Эрдели, волнуясь, ехал в Петровск уже не как бедный родственник, победитель и представитель власти. Но у Ивана Георгиевича еще более широкие планы:

*«Теперь на очереди мне прижать Азербайджан экономическим путем, чтобы от нас зависели англичане подлецы, хотя бы вскочить с нашей помощью в Астрахань и завладеть ею, не знаю еще, как этому помешать, но помешать надо, а трудно, так как морские средства у них в руках. Мара моя, прямо захватывают меня все комбинации и сложности здешние...» (20.05.1919)<sup>306</sup>.*

Из горных аулов присылали к железной дороге представителей для изъявления покорности. Он был удовлетворен: благо-

расположение вместо репрессий, и горцы замирены. Зато с тер-  
цами положение было угрожающим<sup>307</sup>.

К.А. Чхеидзе, личный адъютант командующего Кабардинскими полками Заурбека Даутокова-Серебрякова, а затем личный адъютант начальника Кабардинской конной дивизии и правителя Кабарды князя Т. Бековича-Черкасского наблюдал генерала Эрдели в роли Главноначальствующего, хотя издали и не регулярно.

*«Встречался с ним всего лишь несколько раз, и почти всегда “отрицательно”: или при его посещениях Кабарды, или при поездках князя Бековича-Черкасского в Пятигорск (я был в то время личным адъютантом князя). Генерал Эрдели имеет репутацию храброго кавалерийского начальника. Передавали случаи, когда ему удавались так сказать “большие дела с малыми силами”. Все это возможно и даже более того – кажется, достаточно достоверно. Но слава боевого начальника не всегда предрекает административные дарования. Что касается последних, то по общему мнению генерал Эрдели таковыми дарованиями не блистал. Между тем, бурная многоплеменная жизнь края требовала от своего правителя много такта, мудрости, твердости и других качеств. На беду, главноначальствующий этими качествами не обладал и, сверх того, обладал противоположными. Он часто менял решения, относился к кавказскому населению неровно, с казаками был почти в постоянной пикировке»<sup>308</sup>.*

Как видим, данная Чхеидзе оценка результатов деятельности Эрдели по выстраиванию отношений с горцами отличается от его собственной. Но тот факт, что с казаками не удалось найти общий язык, отмечают и сам генерал, и Чхеидзе. Адъютант правителя Кабарды вспоминал:

*«Отчетливо помню, что несколько раз говорилось о том, что между штабом генерала Эрдели и казаками (то есть атаманом) происходят натяжения, и что это дурно отзывалось на всем ходе дел».*

Дополнительные штрихи этой ситуации сообщают другие привлеченные источники. Эрдели «принял» Кавказ, когда деникинскому командованию уже удалось основательно расстроить отношения с народами региона. После отступления Красной армии в феврале 1919 года даже сотрудничавшие с советской властью, например, ингуши, готовы на соглашения и с пришедшими деникинцами.

Горские народы меняли свою позицию за эти годы неоднократно в зависимости от реальной расстановки сил в регионе, чаще всего они стремились дистанцироваться от общероссийской политической борьбы вообще и вести предельно изолированную жизнь по традиционным правилам, что не отрицается М.К. Левандовским, автором обзора расстановки политических сил на Северном Кавказе в годы войны, а лишь обогащается его собственными живописными наблюдениями: «Здесь несмотря на полное заверение, что они являются сторонниками соввласти[,] вы можете увидеть какого-нибудь старика с юнкерскими погонями, которые они одевают в исключительно парадные и праздничные дни. Для получения почета уважения». Если спросить после речей ораторов мнение горца, он ответит, что все правильно, «весь наш народ царь хочет»<sup>309</sup>.

Союзнические отношения в период гражданской войны – категория зыбкая. Только что ингуши помогают в подавлении офицерского мятежа, но зимой военная удача отвернулась от советских сил, и когда красные бронепоезда и эшелоны с пушками отправляются к Грозному, около станции Базоркино им преграждают путь ингуши, и Серго Орджоникидзе долго ведет с ними переговоры. Причина в том, что дальше дорога идет мимо ингушских аулов, ингуши опасаются и решают не пропускать. Артиллерия разгрузилась и заняла позицию. В течение двух дней батарея вела бои, была под угрозой окружения, выручила кабардинская конница Катханова и Калмыкова. Пришлось вернуться во Владикавказ<sup>310</sup>. Так владикавказским боль-

шевикам не удалось эвакуироваться в Астрахань; они укрылись в горах под прикрытием тех же ингушей.

Объявленная мобилизация горцев в деникинскую армию вызвала среди них недовольство. Вспомним, что призыв в царскую армию не распространялся на мусульманские народы. В ней служили в основном представители родовой знати, закончившие кадетские и военные училища, т.е. уже профессиональные военные. В годы Первой мировой войны на добровольной основе была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, имевшая Татарский, Дагестанский, Чеченский, Ингушский, Кабардинский, Черкесский полки.

Рассмотрим причины ухудшения отношений деникинско-го командования и ингушей, не зря названных Эрдели «самыми разбойниками». Содержание предъявленного ингушам ультиматума объясняет причины его отклонения<sup>311</sup>. Пропуск частей Добровольческой армии по железной дороге мимо ингушских аулов мог бы быть принят под гарантии ингушских офицеров, служивших у белых. Выдача скрывающихся красноармейцев – пункт не слишком принципиальный, вполне мог быть принят чисто символически: операции по поимке большевиков в горах шли в более поздний период долго и нерезультативно. Мобилизация в белую армию была также вполне «решаема» за счет тихого бойкота призыва<sup>312</sup>. Но последнее требование – возмещение всех убытков казакам – и стало причиной отклонения всего «пакета» требований. Кроме того, мобилизационные кампании ВСЮР на территории Северного Кавказа совмещались с разоруженческими, а потому неизменно переходили в карательные акции. Горец не расстанется с оружием, потому что тогда его имущество станет легкой добычей соседей. Набеговая система в годы Гражданской войны не только не исчезла, но и расцвела в условиях безвластия с новой силой.

Серия боев у ингушских аулов Экажево, Сурхахи и Насыр-Корт в июне 1919 года разделила ингушские отряды – одни ушли в горы, другие пошли на мобилизацию, но после применения к ним системы заложников. Выдвинутые на фронт

в район Царицына ингуши в большинстве своем или перешли к красным, или ушли с фронта<sup>313</sup>.

В начале февраля 1919 года, когда в Чечню вошли белые, в Сержень-Юрт явился полковник Баймурзаев, который предъявил населению Веденского округа ультиматум. Согласно требованию, чеченцы Веденского округа обязаны были дать в армию Деникина по 50 -100 человек от каждого селения, в зависимости от его численности, и по 500 рублей николаевских денег от каждого дома. Веденцы отказались выполнить это требование и решили бороться. Был срочно сформирован отряд из 100 человек во главе с Мазлаком Ушаевым, были организованы еще два отряда, во главе которых стояли Кюси и Эски Байгириевы<sup>314</sup>. Карательные рейды белогвардейских отрядов, сопровождавшиеся сожжением сел, вызывали волну беженцев рассредоточиваться по соседним селам, а активную мужскую часть уходить в составе образующихся отрядов в горы и леса.

В мартовском 1919 года наступлении белых на Гойты должна была принять участие горская бригада в составе трех дагестанских сотен и двух чеченских дивизионов полковника Хаджи-Мурата. Однако жители крупного аула Шали ее блокировали и не выпустили. Но уже через несколько месяцев, в разгар большого антиденикинского восстания, при взятии белыми 29 августа ключевой позиции повстанцев – Сержень-Юрта – на стороне войск генерала Алиева были задействованы три сотни чеченской самообороны, выставленной тем же аулом Шали. В октябре того же года аул Шали принял ультиматум белых, обязавшись выставить 4 сотни всадников в ряды белых<sup>315</sup>.

10 апреля 1919 года Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин приехал в Грозный для встречи с премьер-министром Горского правительства П. Коцевым, председателем Горского парламента Р. Каплановым, начальником Главного ведомства Шариатских дел Нажмутдином Гоцинским. Общение высоких сторон закончилось выдвижением ультиматумов. Представители Горского правительства потребовали признания независимости Горской республики и ухода войск ВСЮР с территории Се-

верного Кавказа и Дагестана, а Деникин – роспуска парламента и правительства и присоединения к борьбе против большевиков.

В мае 1919 года деникинские части заняли Грозный, Темирхан-Шуру, Порт-Петровск и Дербент. Один из документов, датированных датой этих событий, показывает, что сделано это было не так уж топорно. 23 мая 1919 года полковник Магомедов сообщил о захвате Добровольческой армией городов Шамиль-Кала (Порт-Петровск был переименован указом Горского правительства) и Дербент. В своем воззвании назначенный градоначальником Магомедов разъяснил позицию своего командования в вопросе о государственном устройстве края: Горское правительство не признается, но признается избранное народом Дагестанское правительство. Члены Союзного совета Республики Союза горцев Кавказа планируют разъехаться и не принимать участия в дальнейших заседаниях Союзного совета, а из трех членов организовать Временное правительство для охраны порядка и общественного спокойствия в Дагестане под председательством генерала Халилова (одного из членов Союзного совета). Временное правительство передаст власть съезду дагестанских народных представителей<sup>316</sup>.

Горский парламент в это время уже был расколот на два лагеря – сторонников и противников деникинского вторжения. Лидеры второго блока – Али-Хаджи Акушинкий и Узун Хаджи, выступили с призывом к вооруженной борьбе против белых для защиты чести и достоинстве вековых традиций.

Итак, в тот момент, когда генерал И.Г. Эрдели стал Главноначальствующим на Северном Кавказе, в Дагестане началось выступление повстанцев Даргинского округа, положившее начало широкому антиденикинскому восстанию в регионе. То там, то тут случались вспышки конфликтов с местным населением. В начале августа в нагорном Дагестане и Чечне начались процессы выделения фракций недовольного населения и сплочение (при всей относительности применения это понятия в данном случае) вокруг таких шейхов как Узун-Хаджи и Али-



хаджи. Начиная с этого момента, горные районы находились во власти повстанцев. В этих событиях старались участвовать большевики, Турция, Грузия и Азербайджан<sup>317</sup>. В это же время начинается заброс в регион крупных денежных сумм из Астрахани для поддержки антидобровольческих отрядов в тылу белых.

В этой ситуации генералу Эрдели нужно было быть политиком высочайшего класса, чтобы переломить ход событий. В условиях расколотого горского общества ему трудно было найти общий язык со всеми его слоями. По-видимому, ему удалось это сделать в отношениях со старейшинами. Он не смог договориться с Акушинским и с Узун-хаджи, хотя удалось привлечь на свою сторону Гоцинского. Деятели Горского правительства были оскорблены требованием добровольно сложить власть и желанием Деникина формировать местное самоуправление под собственным контролем, поскольку считали себя, как свидетельствуют внутренние документы этого правительства, законным органом власти, поддерживаемым большинством горского населения<sup>318</sup>.

Приход деникинской армии в регион привел к тому, что в ее ряды начали активно вступать офицеры-горцы. В эти дни проходили заседания Конференции кавказских республик, и на одном из них представитель Армении С.Г. Мамиконян прокомментировал события так: мне кажется, дело горцев потеряно; что можно сделать, когда среди горцев офицеры и генералы переходят на сторону добровольцев. И добавил: у нас, кажется, нет таких, которые изменили бы, но если бы они оказались, мы ничего не могли бы сделать<sup>319</sup>.

Остается понять причины того, почему у Эрдели не складывались отношения с терскими казаками. Вспомним, что он обвинял их в беззакониях и сепаратизме. Некоторым подспорьем в понимании того, о чем может идти речь, будут документы из фонда Управления правителя Осетии полковника Якова Васильевича Хабалова<sup>320</sup>. В них представлен широкий процесс возмещения убытков потерпевшим от советской власти за счет

реализации имущества местных большевиков. Немало трудов стоило одним доказать, что они пострадавшие и имеют право на компенсации, а другим отбиться от обвинений. Все прежние обиды и склоки немедленно приобрели политическую окраску, и число конфликтующих увеличилось многократно.

Еще один фактор нестабильности в регионе был связан с решениями съезда народов Северного Кавказа 1918 года, когда у терских казаков были отобраны земли четырех станиц. Денинскому командованию нужно было как-то удержать казаков от немедленного возвращения на утерянные угодья, чтобы не волновать лишний раз ингушей, проводя и в этом вопросе уже традиционную политику откладывания вопроса «на потом». Эрдели как проводник линии законности не мог допустить стихийного решения земельных споров. Поэтому и стали терцы его вечными оппонентами.

Вернемся к мемуарам Чхеидзе. Адъютант правителя Кабарды характеризовал штаб Эрдели, находившийся в Пятигорске, как не имевший должной связи с «вверенными частями». Дни эвакуации описаны Чхеидзе как время хаоса и кутерьмы, однако и в эти дни штаб продолжал, как утверждает мемуарист, заботиться только о себе: «Определенно говорили (называя имена и цифры), кто, сколько и с чьей помощью вывез денег, драгоценностей и пр. Спекуляция была главным занятием едва ли не двух третей всего пресловутого штаба». Штаб выехал в поезде во Владикавказ, чтобы по Военно-грузинской дороге уйти в Грузию. Чхеидзе пишет, что Эрдели показал свою полную беспомощность, что против него царило всеобщее возмущение как в отношении неспособного «руководить войсками и вести соответствующую обстоятельствам линию поведения».

Некий генерал Н-ский, на авторитетное мнение которого не раз ссылался Чхеидзе (по-видимому, это был его начальник князь Т. Бекович-Черкасский), высказывался по поводу того, что «необходимо заменить генерала Эрдели другим, более энергичным и более способным начальником».

Но это была какая-то болезнь, поразившая русскую армию еще в годы Первой мировой войны. Все, начиная с императора Николая Александровича, как Диогены находились в поисках человека, «умного и энергичного», с которым все наладилось бы без изменений в существующей системе. Своими кадрами оказывались неудовлетворенными и Деникин, и Колчак, и Врангель. Все темы разговоров подчиненных вращались вокруг обсуждения личных качеств руководителей движения – их профессиональных способностей и человеческих черт. Об этом дают право судить тексты воспоминаний и сохранившихся офицерских дневников. Злословие было распространенным пороком в среде белогвардейцев. Это вполне объяснимо с позиции психологии: неудачи должны быть объяснены, их виновники должны быть названы.

Прозвучавшие в мемуарах Чхеидзе обвинения в том, что штаб Эрдели на две трети занимался спекуляцией, могут быть приняты как отражение реального положения дел. Сам Иван Георгиевич не был чужд этим настроениям. 1 марта 1919 года он писал Маре, находясь в Порт-Петровске:

*«Вернувшись, у меня не будет в кармане ни гроша. А за Ваню [за проживание сына на съемной квартире – О.М.] за два месяца у Печаткиных я должен заплатить, за Андрея [денищика генерала – О.М.] заплатить – это тысячи две, а откуда их взять, да и март уже начинается. Получать жалование за одного и платить за двоих и частью даже за троих – тяжело. Надо как-нибудь изворачиваться, а как, видно будет, – Бог поможет как-нибудь... Никак благодаря поездке не удастся какое-нибудь дело наладить и от него получить какой-нибудь куш для жизни»<sup>321</sup>.*

Небезынтересны в этой связи воспоминания бакинской подпольщицы Ю. Лёлиной, проехавшей осень 1919 года по маршруту Порт-Петровск – Новороссийск. Она ехала в воинском эшелоне за взятку в 800 руб., сидя в маленьком купе проводника. Там уже находилось два офицера-добровольца. Через

полуоткрытую дверь она видела и слышала, что делалось в вагоне:

*«Визг женщин, топот пьяных ног, гармошка, балалайка, пьяные песни и ругань, беспрерывные скандалы. [...] На остановках к вагону подходили всякого рода подозрительные штатские. К ним выходили офицеры и вели переговоры о покупке сельдей, муки, торговались, ударяли по рукам, из рук в руки переходили деньги. Никогда в жизни нельзя было себе представить более отталкивающего командного состава, чем тот, который мне пришлось наблюдать в эти двое суток переезда. Спутники мои в вагоне – два офицера добровольца были единственно порядочными представителями военной касты деникинского вагона. Они не кутили, не торговали, жили исключительно на выдаваемое жалование и вели полуголодный образ жизни. С болью в душе они жаловались мне на порядки, которые создавались в армии и выражали опасение, что с такой армией победа будет чудом. [...] Мне думается, что большая ошибка всех современных рассказов и воспоминаний о вражеском стане это непременно часто притянутое за уши описание врагов непременно сплошь состоящими из негодяев. К сожалению, там были люди идейные, искренно заблуждающиеся, но они к счастью были очень редкими экземплярами и вероятно дорого заплатились и физически и морально за свою веру в торжество победы над большевиками»<sup>322</sup>.*

А в Краснодаре она отметила среди массы бедствующих беженцев только две относительно благоденствующие группы – военных и «сочувствующих» спекулянтов, наживавших громадные суммы на разных поставках для деникинской армии.

Но можно ли подозревать генерала Эрдели в том, что при случае он смог бы поучаствовать в расхищении казенных средств? Как злостный казнокрад, вероятно, нет. Он все же человек принципов. И, кроме того, несколько отрывков из его «листочков» немного проясняют его линию поведения в этом вопросе.

Во время Ледяного похода, уже во главе трех полков конницы, которую нужно обеспечивать фуражом, он, съезжая из казачьей хаты, забыл там свой бумажник с казенными деньгами, паспортом и подаренным Марой образком святого Сергея. Он послал офицера, и тот привез все, но до этого момента генерал сильно волновался: «Ты подумай, казенные деньги, паспорт и твой образок, с ума сойти можно» (17.04.1918)<sup>323</sup>.

23 февраля 1919 г. он сделал запись: «Больше всего меня заботит денежный вопрос – расходы здешних [т.е. переведенных из Баку в Порт-Петровск – О.М.] отрядов и т.д. У нас прижимисто насчет денег, и я боюсь лишнего израсходовать»<sup>324</sup>.

Можно предположить, что он мог согласиться на некое коммерческое предприятие. Вложить деньги в надежде получить доход. Возможно, используя возможности, открывающиеся его служебным положением: информация, каналы. Но вульгарно взять деньги из, так сказать, полкового ящика? Нет однозначно.

Материальное положение одного из ключевых генералов Вооруженных сил Юга России оставляло желать лучшего большую часть времени его пребывания в этой армии. Некоторые отрывки из его дневников достоверно расскажут об этой стороне жизни белогвардейского генерала. Генерал недоедал, страдал от безденежья, мерз в дни 1-го Кубанского похода, во время командировки в Закавказье:

*«Сейчас достали кусок хорошего сала свиного. Ел с удовольствием, это по теперешним временам лакомство» (22.03.1918)<sup>325</sup>.*

Обращаясь к Маре:

*«Затем маленькая подробность, чтобы ехать к тебе надо одеться в штатское и как можно проще. Все это безумно дорого. Долгов у меня очень много» (7.07.1918)<sup>326</sup>.*

*«Сижу в вагоне начальника дороги, с ним поеду в Петровск отдельным поездом. [...] Сейчас обедал на вокзале. Купе у меня старое, скверное, грязное, но есть стол, и очень тепло. Сумерками поеду ужинать к Леонтовичам и Байковым и, если можно, устроюсь у них ночевать, а то мне без простынь, без всего спать на грязной лавке не хочется. Если им неудобно, то конечно вернусь в вагон. Не первый раз ночевать в грязи. Сейчас с одним офицером устраиваемся пить в вагоне чай. Купил булку (6 руб.) и две слоеные рогульки (7 руб.), и так недурно. Съел щи и котлету и заплатил 35 руб. да за хлеб черный 5 руб. – итого 40 руб. да чай 3 руб. – 43 руб. Возмущение просто» (21.02.1919)<sup>327</sup>.*

*«Ужасно боюсь только, что замерзну. У меня нет полушубка, но что делать. Есть твоя верблюжья фуфайка, теплые твои же носки, шинель шведская, куртка и непромокаемый плащ» (27.02.1919)<sup>328</sup>.*

*«Душу надрывают мне дети мои в Елисаветграде, если живы будут, то ведь надо о них думать. Ведь я им единственной опорой буду. Пока вот, все мать и мать у них, а я ничего, но потом, жена и слаба будет, и все они будут на моих плечах. Георгию 4-го апреля этого года будет 18 лет. Сандрику будет 2 июля этого года 15 лет. Мусе будет в ноябре этого года 23 года, а Ване в июле 27 лет. Младшие уже совсем будут почти взрослые, куда их девать, чем кормить и воспитывать. Загадывая вперед – совсем беспросветно. Одна надежда, что время придет – выяснится, и по обстоятельствам придется поступать тогда, а теперь все равно ничего не придумаешь. Но больно и тяжело на душе. [...] А у меня самого нет ничего за душой, да и распродать нечего. Лишь бы хоть год этот они просуществовали, а там... неужели же никакого просыпа не будет. Если бы не вопрос средств, то я бы не так беспокоился за будущее» (5.03.1919)<sup>329</sup>.*

*«Сижу в пальто, холод собачий, ноги как лед, сыро, неуютно. [...] Ужасно хочется сладкого чего-нибудь, но все так*

*дорого. Куплю себе изюму (киш-мыш) и орехов, это обойдется, кажется, по фунту всего 8 рублей» (5.03.1919)<sup>330</sup>.*

*«Перекладывая свои вещи, с нежностью посмотрел на две пары башмаков. Хотя они и не важны, а все же, быть может, твоим девочкам пригодятся. Если не будут годны – продам, все деньги. Ты знаешь, я с удовольствием бы ограбил какого-нибудь комиссара большевика с деньгами, правда. В бою, в столкновениях, ценой своей же собственной жизни. И эти деньги быгодились про черный день» (8.03.1919)<sup>331</sup>.*

Когда он решился на возвращение в Баку, то в вагоне попутчики-инженеры угостили его рыбными котлетами, яйцами и чаем. А на вокзале в Дербенте были такие вкусные бараньи котлеты в томате и с рисом, и он не удержался и поужинал в тот вечер второй раз. Он, никогда раньше не заикливавшийся на еде, написал, как бы оправдываясь: «Ужасно есть хочется мне целый день. Обеды и ужины такие легкие, что всегда впроголодь немного»<sup>332</sup>.

И только уже будучи Главнначальствующим его материальное положение улучшилось. Он посылал в Екатеринодар для Мары через офицеров, ехавших туда, не только «листки», но и яйца, масло, вино.

Вернемся к оценкам, прозвучавшим в мемуарах Чхеидзе. Генерал Н-ский отрицательно охарактеризовал, кроме всего прочего, и заключенное генералом Эрдели соглашение с грузинским правительством о пропуске белых войск через Грузию по причине его позорности: «позорит честь русского имени и русского оружия». Хотелось бы выслушать предложение генерала Н-ского о том, как следовало бы поступить в этой ситуации. Пересечь границу, сметя пограничные кордоны, и начать боевые действия против правительства Грузии?

В.А. Добрынин вспоминал, что Эрдели добился от грузин разрешения пройти по территории Грузии до Батума вооруженными, а там сесть на пароходы, отходящие в Крым. Но вопреки этому соглашению его армия была разоружена, интернирована

и помещена в лагерь. По-видимому, это результат той постоянной внутренней борьбы между грузинскими политиками, когда принятое на самом верху решение могло быть несколько раз пересмотренным. Нечто подобное случилось и годом ранее, когда через Кавказский хребет в Грузию отступали беженцы и армия Терского совнаркома.

В Крыму приказом от 25 апреля 1920 года генерал И.Г. Эрдели был переведен в резерв чинов при Военном управлении. В событиях крымского этапа Белого движения на Юге о нем не осталось никакого следа. По-видимому, это связано с его длительным отсутствием на территории России после эвакуации из Грузии. Он вернулся в Крым на корабле «Русь» только 24 августа 1920 года<sup>333</sup>.

Оставшись не у дел, Эрдели позаботился о своей семье, вывезя из Елисаветграда жену и младших детей. В эмиграции жил в Париже с законной женой Марией Александровной и детьми. Поскольку Эрдели был музыкально одаренным человеком, прекрасно играл на фортепьяно, это позволило ему некоторое время служить аккомпаниатором в ресторане «Кунак», который открыл дядя его жены, родной брат Софьи Андреевны Толстой – Андрей Андреевич Берс<sup>334</sup>. В 1927 году выступал как аккомпаниатор на показе фильма «История России в картинах, начиная со Смутного времени». Потом он приобрел автомобиль и стал шофером такси. По свидетельству эмигрантки Лидии Анисимовой, таксисты считались хорошо зарабатывающей элитой русской эмиграции, и они щедро помогали инвалидам и безработным<sup>335</sup>.

В 1923 году (по другим данным в 1928 году) Иван Георгиевич овдовел, и в тот же год женился на Анне-Амате Шиллинг, урожд. Бенкендорф, той самой из числа его «симпатий», существовавших до знакомства с Марой.

В 1929 году Эрдели был избран председателем Херсонского объединения Союза русских дворян; с 1930 года – член общества взаимного кредита «Союз», председатель правления акционерного общества «Русский дом»; с этого года назначен



председателем Союза офицеров – участников войны во Франции; с 1934 года – начальник 1-го отдела Русского общевойинского союза (РОВС). В 1938 году начал деятельность в Комиссии по расследованию дела Скоблина в качестве ее председателя<sup>336</sup>.

Генерал И.Г. Эрдели умер на 68-м году жизни 7 июля 1939 года. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.



## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Генерал И.Г. Эрдели умер в эмиграции, а его дневники продолжали пылиться в хранилище партархива Ростовского обкома партии. Они уже стали самостоятельным фактом истории. Даже если бы Иван Георгиевич не занимал того положения в Белом движении и эмиграции, они сами по себе стали бы ценным свидетельством о том времени. Кроме основного содержания, рассказавшего о личности генерала и его жизни, в них немало частных, деталей, позволяющих событиям почти столетней давности ожить.

Эрдели так и не стал знаковой фигурой в истории Белого движения. Чем же он отличался тех, кто вошел в шот-лист антибольшевистского сопротивления – от погибших Маркова, Корнилова, Дроздовского, Каппеля и благополучно убывших в эмиграцию – Кутепова, Врангеля, Шкуро? По-видимому, для этого нужна не храбрость и не военное мастерство, а способность отдаться этой войне, убедить других, что как важно быть вместе и громить «краснопузое» быдло, уничтожать его и чувствовать вкус пролитой крови. Эрдели был человеком другого склада. Об этом определенно свидетельствует его дневник. Его воротило от «бесчеловечностей», он не чувствовал специфику гражданской войны – пресекал мародерство, стоял за традиционную дисциплину, не стремился слиться со «стрелецкой» массой, его мысли постоянно вращались вокруг намерения оставить армию. Популярность в той войне обеспечивали совсем другие качества.

При этом с личным темпераментом у Ивана Георгиевича проблем не было. Однако горячий нрав генерала, его эмоциональность и страстность «сделали» этот дневник. Глазами Ива-

на Георгиевича мы видим время того конфликта и понимаем, что могли переживать в это время люди. Плывая на рыбачьей шхуне по Каспийскому морю вместе с уральскими казаками, он слушал рассказ одного из них о том, как был арестован красными, как бежал, был пойман, опять бежал: «Знакомые рассказы. Сколько пережитых волнений, страданий, смертных ужасов, между тем никого не удивишь – всем все знакомо и рассказы-то слушаются с интересом, но без волнения и большого участия»<sup>337</sup>.

Мы – другое дело. Для нас его текст с оголенными нервами, наверное, лучший учебник по истории Гражданской войны в России. Клубок образов и ощущений, связанных с ней, отличающийся оттенками, наполняет собой значительную часть записок. Без этой страсти не было бы ни самих текстов, ни их глубоко эмоционального и информативно многообразного содержания.



## ПРИЛОЖЕНИЯ

### *Приложение №1*

#### **Советы моим детям** [Эрдели Георгий Яковлевич]

Тетрадь 2.

1871 год. Февраль 25.

Прошло два года, любезное мое семейство, как я прекратил мои заочные советы тебе!

В два года многое изменилось. Помимо моих предположений и многое устроилось по-моему желанию.

В прошлом году в октябре родился сын Иван<sup>1</sup>. Обстоятельство это изменило мое распоряжение по имению и по вашему наследству. Надо было укоротить ваши наследства, и вместо трех участков земли для сыновей и одного для матери сделано четыре участка для сыновей и [надо] уменьшить для матери. Дочерям увеличен капитал для приданого. Все это находится подробно в Духовном моем Завещании от 14-го Января 1871 года.

Состояния Ваши однако ж остаются таки весьма достаточны, чтобы жить без нужды при здоровом разуме, а без разума и миллионер – нищий. Судя по теперешним ценам на аренды, самым низким, каждый из вас, сыновей, будет получать чистого дохода от 3-х до 4 тысяч годового дохода. Мать будет жить в Эрделиевке и получать за свое и за наследства от меня не менее трех тысяч.

---

<sup>1</sup> Иван Георгиевич Эрдели род. 15 октября 1870 года

Дочери будут получать доход не менее как по 1200 руб. Словом раздел сделан по всей строгой справедливости. Базис для благополучия вашего готов, да пошлет Вам Бог ум и добродетели, и Вы счастливы, с такою уверенностью я перейду в вечность.

По духовному завещанию не имеется еще полный капитал для ваших сестер. Для Ольги<sup>2</sup> есть и сегодня, для Веры<sup>3</sup> [положено] начало, для Лели<sup>4</sup> ничего еще нет; но этот недостаток пополнится из доходов не во многие лета помимо ваших надобностей для воспитания и для службы, а словом до вашей надобности приступить к разделу имения и до замужества или совершеннолетия моих младших дочерей. Не будет надобности прибегать к займам для выдела сестер, а если Богу угодно будет продлить мою жизнь, то я устрою и сам их состояние. По меньшей мере, будет остаток с ежегодного дохода со всего имения до 4-х тысяч, и состояние дочерей приобретется скоро.

Выдел старших сыновей не должен быть ранее, как наступит ему 24-й год. Это необходимо в интересах не только всего семейства, но даже и в интересах каждого старшего сына: при выходе дочерей в замужество, а еще более при выходе из заведений на службу старших сыновей, необходимо помимо содержания на службу еще накопить в несколько тысяч для экипировки в Гвардию или в статскую службу. Где ж взять эту экипировочную сумму? Ведь если делать раздел для старших сыновей, то надо выделить и меньших! Из этого произойдет то, что у меньших будет дохода более чем надо на их содержание – воспитание, а старшие должны войти в долги! Само собой разумеется, что меньшие не должны быть жертвою старших, как это губительно случилось со мной, но доходы меньших братьев только тогда должны оставаться в их пользу, когда будет совершеннолетие – 21 год Павлу<sup>5</sup> и 14 лет для Ивана. Дочери

---

<sup>2</sup> Ольга Георгиевна Эрдели род. 13 февраля 1853 года

<sup>3</sup> Вера Георгиевна Эрдели род. 12 ноября 1859 года

<sup>4</sup> Леонида Георгиевна Эрдели род. 13 июня 1868 года

<sup>5</sup> Павел Георгиевич Эрдели род. 24 июля 1861 года

должны получать свои проценты с 18-летнего возраста, будет ли капитал налицо или не будет.

Есть долги в Земском Банке: из Никольского перевожу на Эрделиевку 7.000 р. [вставка: или менее] и в Михайловку на двух меньших сыновей в 18.000 [вставка: теперь меньше]. Но если долги уплачиваются своевременно, как из наследства каждого будут оставаться и доходы в малолетствах или в первых их чинах, то до приема ими имений эти долги можно уплатить усиленными взносами за удовлетворением приданого дочерям.

Еще есть мое желание – но это уже не зависит ни от моих средств, ни от распоряжений – зависит оно от доброго согласия и благоразумия сыновей и участия матери. Следует купить земли Леониде Никаноровне как Копанки, так и Эрделиевскую часть. Достигнуть этого легко при доброй воле обеих сторон: стоит заложить в банке Копанки и Эрделиевку и выплатить матери. Можно, пожалуй, это сделать и из доходов...

Покупка эта с одной стороны [нрзб], с другой стороны тем выгодна, что уничтожает все столкновения родных, убивающих характеры и самые дорогие семейные чувства. Чем менее зависимость по состоянию между членами семейства, тем вообще семейство счастливее.

Леонида Никаноровна еще на половине своей жизни. Для нее независимость необходима. Она может принять такой образ жизни, что всякое отношение к старшим детям будет ее тяготить, а как ее земли в связи со старшими сыновьями, и старшие сыновья могут быть женаты, то естественно, что называемый капитал для нее лучше. Лучше капитал и для раздела между детьми. Лучше и в таком случае, если бы она пожелала одному из детей дать более чем другим. Не советую ей отдавать земли зятям. Зять будет стеснен между двух братьев как Копанка, а тем более как Отрадовская земля. Отдача этих дач в чужие фамилии стеснит сыновей и прижмет, возродит раздоры у сестер с братьями. В непреложности этих последствий я совершенно уверен, и если бы обстоятельства оказались благоприятны, отдавать дочерям материнские земли натурою, то это

будет временное удобство, последствия возьмут свое, и окажется непременно нехорошо. Что если зятя впустят посторонних людей? Разве я мало перенес от бывших соседей – Кузьминских, Патриных?.. А я был менее зависим, чем будут зависимы мои сыновья. Без соседей, конечно, быть нельзя, скажут, но положение этого имения таково, что чужой элемент обоюдно невыгоден.

Все, что я стараюсь пояснить, не есть плод фантазии или вещи неисполнимые – оглядитесь, не спешите, и Вы все удостоверитесь, что я продумал, прочувствовал все ваши пользы так глубоко практически, что отклонение от моих советов всегда будет вредно и более того, оно будет впоследствии неисправимо.

А чтобы удостоверить Вас фактически о совершенной легкости выполнить мои наставления, я перейду к наглядным выводам, что я Вас оставляю в том удовлетворительном положении, что не надо даже усилий, чтобы достигнуть благополучных результатов, но надо только умеренности, благоразумия, для которых я и старался вас воспитать.

Перейду к доходности имения.

Нынешние мои аренды малы, потому что давни; в настоящее время аренда земли далеко выше. Я выставлю цены доходов меньше, чем они есть теперь у соседей, и делаю это для того, чтобы по истечении старых сроков моих аренд при новых контрактах цены не были менее, а без сомнения будут более. Так, например, за земли Эрделиевскую, Копанскую и Никольскую с Ранговою полагаю за десятину 2 руб. 50 коп., за землю Михайло-Любавскую по 2 р. 50 коп., которую уже по этой цене и сделаю условие.

Я не сомневаюсь, что через пять-шесть лет от нынешнего года цены увеличатся не менее как на 50 к. за десятину. Но и при этой цене в 2-50 руб. имение будет давать следующий доход, а именно:

Эрделиевка –	5.000
Копанки –	3.000

Николаевское –	2.000
Ранговая –	300
Любавки –	2.500
Михайловка –	<u>4.200</u>
	17.000

Исключая из этого дохода 1.900 р. на уплату процентов в Земский Банк и на налоги в 1.600 руб., остается чистого дохода 13.500 р. – Если Егор выйдет в Гвардию легких полков, то ему достаточно 2.000 р. в год, если в кирасиры 1-й бригады, то 3.000 р. – Яше достаточно отнюдь не больше 2.000 в год. Для воспитания младших сыновей и двух дочерей достаточно 4.000 руб.

На содержание дома – две тысячи, пятьсот – для матери. – Из означенного верного дохода, следуя указанному расходу, ежегодно остается в экономии от 2.500 до 3.000 на приобретение приданого для двух дочерей в 40.000 руб.

Если удастся мне, в чем я вижу в будущем большое затруднение, еще заключить новые контракты, то должен по моему расчету оставаться и небольшой капитал в Елисаветградском банке. Я стараться буду, чтобы сыновья не выходили в отставку, то есть чтобы имели верный доход на службе. Не стоит брать плуг в руки ранее 40 лет или даже служить по выборам общества. Последнее вреднее первого. Поэтому советую арендное хозяйство и после меня. Не увлекаться комфортом, который надеетесь найти в деревне – здесь труд и труд неблагодарный для молодости или без внешней помощи при женитьбе.

Итак, кроме удовлетворительного содержания всех сыновей дочерям легко составить приданое без всяких залогов имения, а по выдаче приданого дочерям и при разделе имения каждый сын будет получать от 3.500 до 5.000 руб. дохода, что мало для семейства, а достаточно для одного, даже оставляя и копейку на черный день.

Будучи обер-офицером и полным, без родителей, помещиком, я имел доход до 1.500 руб., но мои доходы надобились



для других [детей] по распоряжению еще матери, и я получал по службе содержание 800 руб., и жил недурно, а главное, не задолжал никому ни одной копейки; оттого впоследствии, когда судьба вызвала меня в отставку, то при всех неблагоприятных обстоятельствах, неурожай 1833 года, я по сделанной на службе привычке не мог уже увлекаться мотовством, идя терпеливо со своими делами; ездил в Петербург, за границу, два раза женился еще, и всем тем не только не промотал наследства, но нажил для Вас семерых имение, которое каждому из вас сыновей принесет доход в три раза больший, чем я имел в молодости и по наследству.

Из этого Вы можете заключить, что если бы у меня были такие же обстоятельства, то есть доходы (до тридцатилетнего моего возраста), какие я Вам оставляю, то, несмотря на большое мое семейство, я мог бы Вам приобрести вдвое и втрое более, чем теперь оставляю.

Мая 30.

Изложив кажется мне как дальше действовать после меня с доходами, я перейду к воспитанию младших детей; – Веру отвезти в Петербургский Институт, Попу [Павла] – за границу, а с самыми младшими еще нельзя ничего определенного предпринять.

Веру желаю держать в Институте не более 4-5 лет, и Веру бы, не закончив курса, перевести ее года на два в Швейцарию или Италию, если она будет любить пение. Попу полагаю держать в Женеве не менее 4-х лет или 3 ½ года, так, чтобы ему было время подготовиться в Петербурге для казенного заведения около года. Цель этого воспитания, конечно, новые языки, без которых, как теперь и литература договорилась, «нет спасения». Я много об этом прежде писал, а теперь скажу только, что я требую и знать иначе не хочу, как только то, чтобы каждый мой сын говорил бойко и знал иностранный язык, не менее одного. Следует так поступать и с меньшим сыном Иваном. О дочерях так же думаю. – Ваню можно отдать за границу и ранее,

чем других, лет в 8 и не позже 9-тилетнего возраста. Тогда можно его продержать там не менее 5 лет, и в таком возрасте он усвоит языки французский, английский и немецкий достаточно, да и для здоровья полезнее.

Окончательно образовывать Попу и Ваню конечно надо в Петербурге, другим местам я не верю и более «собранию» в Одессе. – Одесса довольно уже убила Эрделиев. В Петербурге они [сыновья – О.М.] усвоят и мысль, что надо служить, то есть работать. Они будут всегда видеть там юношей, которые приготавливаются для государства и общества. От Москвы и до Одессы они увидят только тех фатов, которые, проповедуя о социализме и комунизме, отрицая собственность, чтобы на оставленную им отцами собственность распутствовать, пренебрегать и дичиться порядочного общества. Конечно, в ресторации гораздо легче быть героем, чем в обществе образованных людей, да даже на балах и в порядочных семействах.

О службе Попы и Вани я ничего не могу предсказать, а потому и настаивать. Но их воспитание окончательное и служба могут идти под надзором или советами старших братьев и матери, так как я требую, чтобы они, Попа и Ваня, знали языки новые практически да свой отечественный для чего и перевезти их в Петербург, а с этими познаниями и рациональными науками конечно будут пригодны для всякой службы. По особенному же их вдохновению могут избрать Университет или хорошее специальное заведение, а по роду образования и службу. С новыми языками можно составить хорошую и скорую карьеру в морской службе и по министерству иностранных дел. Собственной материальной поддержки у них довольно для всякой службы.

1873 год. Июль 14.

В эти два года перерыва моих записок в семействе все находится благополучно. Ольга вышла замуж<sup>6</sup>, прочие дети на своих местах, как упомянуто прежде.

---

<sup>6</sup> О.Г. Эрдели состояла в первом браке за П.А. Зелёным; во втором – за Се-пичем.

Но, к сожалению, экономические средства семейства хоть и находятся еще в прежнем виде, но будущее однако ж, несмотря на мой скромный расчет по ценам 1871 года, в нынешнем 1873 году немыслимо. Расчеты эти были основаны на отдаче Мирюлюбовки для здешней земли, а Михайло-Любовка была мною сдана по означенной цене. Падение аренд произошло от известных причин: неурожаи, неустойка рабочим и юридические причины более всего, — законы лишили гарантий земельную собственность.

Эта печальная неожиданность для всех владельцев испровергла все мои надежды, описанные в 1871 году. Там показан, повторю, скромный расчет в 17 тысяч кроме провизии, теперь без всякого продовольствия нельзя надеяться на доход всего имения более как в 13.000.

Высчитывая 2.000 процентов в банк и около тысячи налогов, выйдет доход в 13.500 с материнской частью, или лучше сказать недвижимостью. Имение, судя по старым контрактам, давало бы четырем сыновьям 11 тысяч, то есть без малого на каждого сына почти по три тысячи в год. Такой доход конечно был бы немал еще, но к несчастью и на этот доход нельзя рассчитывать, во-первых, потому что арендаторов на земельные имения нет, и собственное хозяйство решительно невыгодно и дурной *посессион*<sup>7</sup> для молодых воспитывающихся или служащих людей. Во-вторых, в прежнем 1871 году расчеты составились из лишка против расхода до 6 тысяч в год. И, следовательно, не было надобности закладывать имения для выдачи приданого дочерям. Но теперь при падении аренд на половину почти, может быть придется заложить хозяйство. В таком случае надо заложить имение, и, следовательно, доходы уменьшатся еще на половину, и каждому сыну придется доход в половину меньший, то есть от полутора до 2000 дохода! Что ж делать, люди живут и таким и меньшим доходом.

---

<sup>7</sup> *Possession* — владение, в данном случае речь идет об аренде, т.е. временной передаче права владения на свою собственность.

Залог имения я постараюсь сделать сам, но если жизнь моя прекратится ранее, то я намерен сделать план залога, и приложу его к этим запискам.

Скажу только мимоходом, что 7.000 долгу на Никольском по духовному завещанию я переводил на Эрдельевку при прежнем расчете, а теперь надо долг оставить, хоть Эрделиевка будет заложена, по-моему предположению, на 15.000. Постройки в Эрделиевке стоят более означенных долгов.

Дай Бог, чтобы эти последние предположения мои к худшему не сбылись: чтобы я успел отдать в аренду все имения выгоднее, чем полагаю теперь.

За деньгами для экипировки в Гвардию остановка Егору быть не может: не сомневаюсь, что в Елисаветградском банке останется несколько тысяч, хотя, по-моему имению, можно будет для этого найти деньги из доходов. Для экипировки ему необходимо от 3-х до 4-х тысяч с лошадьми, смотря в какой полк он выйдет. Для экипировки Якова также необходимо до 1.200 руб. с шубкой из тех же источников.

Что касается до экипировки дочерей при замужестве, то я надеюсь, что мать для них соберет необходимую сумму из доходов, пока еще есть два младших сына. Подобному расходу старшие сыновья не могут подвергаться, так как их доходы будут малы и едва-едва достаточны для собственного их содержания. Но если бы к несчастью средств экономии не было достаточно, то взять сколь возможно меньше из капиталов, назначенных по духовному завещанию дочерям в наследство.

1875 года. Июль 15.

Два года я не брал этих записок в руки. Теперь я слаб после болезни и постараюсь быть кратким.

В прошлом году отданы вновь в посессию [т.е. во временное владение – О.М.] Эрделиевка, Копанки и Ранговая. Уничтожив движимость, бывшую у пассионеров [т.е. у арендаторов – О.М.], я мог кое как удовлетворить огромные и часто неожиданные расходы. Имения Эрд[елиевка], Коп[анки] и Ранговая с

движимостью давали прежде ровно 7.000. По теперешним же торгам они отданы за 7.500.

Перемен к лучшему мало, да я предвижу и падение цены на Михайловскую землю, во всяком случае, горевать еще нечего. По-моему расчету, соображаясь с теперешними ценами, наследство каждого сына будет давать от 3-х до 4 тысяч чистого дохода. – С таким доходом можно жить хорошо, но надо благоразумия моим детям. Я пессимист и в последнем случае подозрителен.

В прежних моих планах я рассчитывал заложить имения в Земский Банк на столько, чтобы выдать приданое двум дочерям. Но [теперь] я вижу, что это имело бы дурные последствия. Я полагал заложить Эрделиевку за 15.000 и Михайловку переложить и взять 23 тысячи и всего 38.000. Но время и надобности показали, что можно обойтись без залога. – Для Веры уже есть около 10.000; другой десяток можно собрать до ее замужества. Леля так мала, что и этот капитал нетрудно будет собрать.

Залог имения был бы гибелен для всех детей, несмотря на мои мелкие извороты (?) по долгу. Пришлось бы всему имению платить 4.000 [руб.] процентов, да налогов не меньше 2.000. Доход же нынешний год – 15.500; следовательно на расход останется на всех 8.000 – гораздо меньше, чем я назначил – от 3 до 4.000 на каждого сына

Перемены в семействе: Гога выходит в офицеры<sup>8</sup>, Ольга родила дочь<sup>9</sup>: Попа посылается в морское училище, а Ваня принят в кандидаты на пажа. Если удадутся эти два последних предприятия, что Попа и Ваня будут воспитываться на казенный счет, то это немалое облегчение в расходах, не менее как на 1.500 руб. в год и более.

После перенесенной мною болезни я ослаб и не имею надежды на возвращение прежних сил по преклонности лет. Если бы удалось мне прожить несколько лет, я мог бы собрать

---

<sup>8</sup> Георгий Георгиевич Эрдели (1854-1885) был принят в лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк.

<sup>9</sup> Ольга Георгиевна Эрдели родила 1 января 1876 года дочь Валентину.

для Веры полное, по духовному, наследство, и тем облегчил бы семью управиться с делами по-моему распоряжению.

При назначении опекунов упростиь Петра Петровича Эрдели.

*ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-9.*

## *Приложение №2*

### **Отрывок из писем-дневников И.Г. Эрдели 20 мая 1918 года**

Говорят, на Украине разъезжает какой-то эрцгерцог Фердинанд Австрийский, женатый на русской, и пропагандирует [себя на] престол Украины вместо Скоропадского, что на этой почве возникают между Германией и Австрией недоразумения. Уж не знаю, верно ли это. Вообще слухов и сведений отовсюду много, и трудно разобраться в их достоверности, так как теперь самое невероятное бывает и осуществляется. Доносятся оружейные выстрелы оттуда, куда посланы войска. Сейчас 12 часов дня. Началось сражение. Дай бы, Господь, чтобы с нашими маленькими запасами патронов удалось сделать дело. Я и Марков не пошли, так как пришлось послать наши полки по частям, и мы остались – иначе нельзя. Дай, Господи, удачи нам. С отвращением все больше и больше думаю об этой междоусобице. Когда же ей конец – отчаяние одно.

Нам разрешены месячные отпуска в особых случаях. Если удастся на месяц ехать, отправлюсь искать тебя, хотя бы пришлось весь месяц потерять. Надо только особый случай найти, – чтобы не совестно было уезжать на такой длинный срок. Теперь положение таково, что в сущности мы висим на волоске. Неудача если будет сегодня, то при отсутствии патро-

нов (а их можно расстрелять все сегодня) поправить эту неудачу вскоре нельзя, а это будет громадное впечатление для большевиков – наше поражение – первое поражение. Ах, патроны-патроны! Чтобы мы могли только поделаться с нашими молодцами, если было бы много патронов, если бы было чем стрелять вдоволь, при нашем опыте и умении ничто и никто нам не был бы страшен. Ведь мы, Марочка, ну, правда, молодцы. Духу у нас много, а главное – выдержки, умения, опыта боевого. Понимаешь, душа моя?

Ты не думай, что я хвастаюсь, но, правда, наши походы и бои в кольце большевиков, без сочувствия населения с крохотными средствами, со всевозможными препятствиями, без железных дорог и [среди] во много-много раз превосходящего нас врага. Эти походы и бои – такая страница исключительная, что второй такой не найдешь. А сколько брожений, сколько слабых духом, сколько убитых, раненых, больных, сколько невзгод, холода, вшей, отчаянных положений – а все-таки стоим, держимся, закалились.

И конечно если бы не сволочь большевики, у которых было все в руках – и люди, и ружья, и патроны, и сахар, и перевозки по железным дорогам (броневые поезда), автомобили и все-все – то мы бы! Никто живой не ушел – все были бы переловлены. И потом их много, а нас была горсть. Если Господь даст благополучно закончить эту эпопею, то уж действительно будем честно и горделиво вспоминать минувшее, и ты, Марочка, оценишь, что в идее сохранения единой и неделимой России в борьбе против большевиков и против немцев – душой я не покривил. И ты оценишь это больше, чем кто-либо другой, потому я знаю твой образ мысли, я знаю, как ты ценишь верность тому, что дорого, чему обязан, и что составляет честь и долг совести. Люблю в тебе это благородство мыслей гражданина, моя любимая. Я знаю, что ты и любовью и жизнью моей пожертвуешь, лишь бы твой Ванюшенька остался честным и исполнительным по совести и чести своего долга до конца. Люблю тебя за это и

горжусь тобой. И мне легче, меня поддерживает в моих мыслях, решениях, действиях твое подобное направление.

Много во мне бывает и бывало слабостей, колебаний, которые я закладываю в моих листках одной тебе, но у кого не бывает сомнений, кто видит и знает и чужую душу, но я за собой знаю, что как я не колеблюсь, как не сомневаюсь, а все-таки с честного и достойного пути я не сверну, и помоги мне в этом Господь и ты, моя радость, прелестная моя Мара.

Этот вопрос с немцами у меня шаток. Мне по душе полное отчуждение от них и не вступление с ними ни в какие компромиссы и сношения, а ум подсказывает, что быть может было бы практичнее на них опереться, а потом их сбросить. Ну вот это «сбросить» не по плечу теперь, а дело будущего России – совместно с народом и всеми русскими людьми. Но когда это будет? Пока солнце взойдет, роса глаза выест. И простит ли русский народ тем, которые с немцами шли наводить порядок в России – не простит.

А в конце концов у меня безнадежное чувство, что все равно мы побеждены и от немецкой власти теперь не уйдем никак – как ни старайся, и единственная борьба теперь – это борьба подпольная для сплочения русских сил, и для изгнания большевизма нужны немцы. И так надо пользоваться немцами для уничтожения советской власти, а избавившись от нее, возбуждать тихо, потом все больше и больше патриотизм русского народа, чтобы в известный период времени сбросить немцев. Это государственная задача России. А нам, маленькой кучке людей, остается идти честно, с немцами не знаться и предпочесть обратиться в мирных граждан, чем иметь с немцами какое-либо общее боевое дело в качестве союзников и помощников. Но сила вещей заставит соприкоснуться с немцами, и мы можем очутиться на одном поле сражения против большевиков с немцами, и тогда что будет, так нам и быть.

Выстрелы артиллерии гудят. Сейчас получил донесение, что к нам что-то движется. Много их подлецов, на всех не напасешься, отовсюду вылезают как тараканы. Конечно, в од-



ном месте дернут, так везде отойдут, но надо это сделать, и дай, Бог, чтобы сегодня это удалось нашим молодцам. А у меня совсем конницы не осталось. Вытягиваю с позиций черкесов к себе. Давно уж большевикам следовало сделать одновременное наступление всеми силами. Неужели они, наконец, додумались до этого, а главное сумели исполнить это. Печально, если так, ну и за то, если мы их побьем, то будет меньше бойни. Но нравственное поражение было бы основательное – это гораздо важнее. Теперь идут томительные часы неизвестности и ожидания – как-то там, как протекает бой, от него мы и зависим, хоть мы и в трех верстах.

3 ½ часа дня. Бой все идет, выстрелы слышны. Сведений пока точных никаких нет. Из того, что так затягивается дело, заключаю, что большевики упираются. Деникин поехал руководить. Он человек опытный, положение его не запугает, но патроны-патроны. Этот ужас как камень сидит у меня на сердце. И если [даже] сегодня будет ладно, то завтрашний день все-таки не обеспечен. Проклятые патроны.

Дождь прошел, грязно, солнце, погода дивная, птицы щебечут, воздух чистый, пахучий, а на душе смутно и темно. Бывало на фронте сколько раз смутно, бывало и беспокойно и даже трагично, но тогда я все знал о тебе, и ты была около меня, а теперь не то: то чувствую тебя, а то ужасы всякие лезут [в голову], и чудиться, что нет тебя совсем, умерла – убита, и такое жестокое беспощадное одиночество. Закрадывается чувство, что я лишний – не для чего жить и существовать на свете. И бодрись, берешь себя в руки, молишься, утешаешь себя через силу, а тоска – тоска, отвращение жить какое-то. Все постыло, все надоело, и чего мне хотеть, чего ждать, разве я не получал уже в жизни все то, что может только мечтать человек, благодаря твоей любви, благодаря тебе единственной, несравненной. И так часто думается, что уж скорее бы выяснилось – один на свете или не один.

И если один, то мне и конец один, раньше или позже, но этот конец сумею устроить раньше. И так скучно и тяжело изжи-

то, все испробовано и только с тобой и к тебе неисчерпаемый источник радости, сладости, счастья и бесконечного, чудного разнообразия и свежести жизни.

Милый, ну где ты, жива ли, Мара моя. И курить стал, папиросы сам кручу, и куришь и легче как-то. Хочется вина подчас. Был в церкви сегодня. Мысли пустые, не молилось, разглядывал людей, глаза скользили по всем подробностям и мужчин, и баб, их одежде, сапог, лиц и просто безучастно – стоишь и спрашиваешь себя – зачем пришел.

10 часов вечера. Сведений о бое что-то нет. Мы своих большевиков оттеснили, а вот там, в большом бою что было, неизвестно до сих пор.

[...]

10 ½ часов вечера. Подробностей еще нет, но большевиков прогнали и, кажется, с треском. Ну, слава Богу. Теперь будет успокоение на некоторое время. Спокойной ночи, моя радость, любимая, целую тебя нежно, нежно, ну со всей своей нежностью, милый.

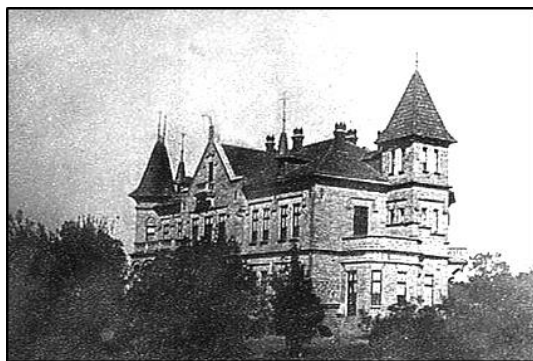
*ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 159-164.*



## ИЛЛЮСТРАЦИИ



*Герб рода Эрдели*



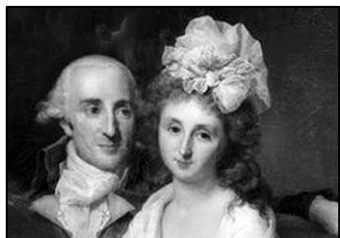
*Дом Эрдели в имени Мостовое*



*Георгий Яковлевич  
Эрдели  
(1807-1876)*



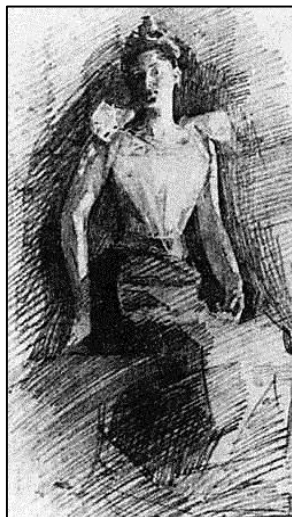
*Генерал И.Г. Эрдели  
1910-е гг. (?)*



*Никола и Мари-Франсуаза Олив  
Ок. 1792*



*Мара Олив  
в возрасте  
20 лет.  
Фото*



*М. Врубель.  
Мара Олив.  
Рисунок. 1890*



*В. Серов.  
Портрет М.К. Олив.  
1895*



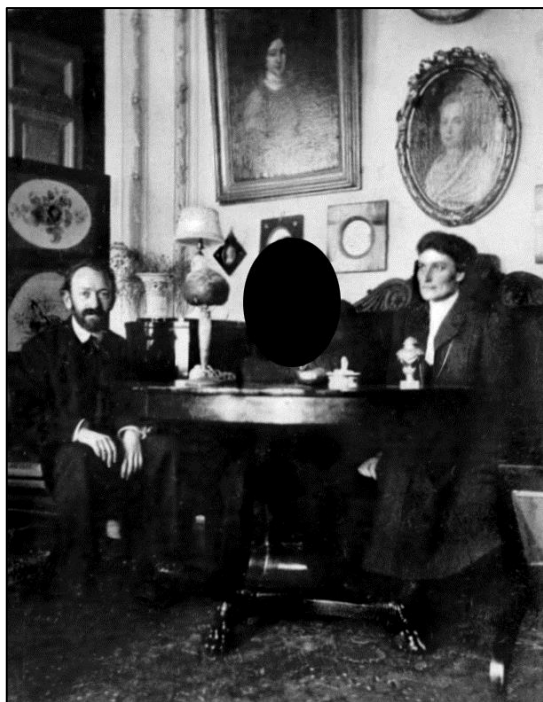
*Репин И.Е.  
Портрет М.К. Олив.  
1906*



*Малявин Ф.А.  
Портрет М.К. Олив  
1922*



*Мара Свербеева (слева) и Вера Андреевская. 1913 г.  
Санкт-Петербург*



*Мара Свербеева  
и Ф.Д. Свербеев (?).*



*Интерьеры дама Андреевских  
Санкт-Петербурге*





*Вторая слева (в клетчатой юбке) – Мара Сербеева.  
Франция. Около помещения Русского Дома. 1929 г.*



## ПРИМЕЧАНИЯ

---

<sup>1</sup> Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 6, 7.

<sup>2</sup> Там же. Л. 186-187.

<sup>3</sup> Там же. Л. 124.

<sup>4</sup> Там же. Л. 151, 156.

<sup>5</sup> Там же. Л. 100, 106, 139.

<sup>6</sup> Там же. Л. 86-87.

<sup>7</sup> Там же. Л. 93.

<sup>8</sup> Там же. Л. 13.

<sup>9</sup> Там же. Л. 169-170.

<sup>10</sup> *Эрдели Г.Я.* Воспоминания. URL: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=135> (дата обращения 23.03.2011)

<sup>11</sup> *Эрдели* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. Т. XLI. С. 1.

<sup>12</sup> Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 163.

<sup>13</sup> ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

<sup>14</sup> Там же. Л. 17.

<sup>15</sup> ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 242.

<sup>16</sup> ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 379.

<sup>17</sup> Цит.: *Калиновський В.Н.* Рід Ерделі. Повернення із забуття. Генеалого-краєведческий очерк. Николаев, 2012. С. 63.

<sup>18</sup> Жизнеописание выдающихся деятелей лесного хозяйства России. Век девятнадцатый. URL: [http://www.lesnyk.ru/vek19\\_7.html](http://www.lesnyk.ru/vek19_7.html)

<sup>19</sup> *Эрдели Г.Я.* Воспоминания // Московский журнал. История государства Российского. 2009. №1(217).

<sup>20</sup> Там же. С. 66.

<sup>21</sup> Восьмой ребенок – Александра – умерла в 1858 году, не достигнув годовалого возраста.

<sup>22</sup> Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

- 
- <sup>23</sup> Там же. Л. 4 об.
- <sup>24</sup> ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 37. Л. 71.
- <sup>25</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- <sup>26</sup> Николаевский кадетский корпус // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXI. С. 108.
- <sup>27</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
- <sup>28</sup> *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1956. С. 207.
- <sup>29</sup> *Калиновский В.Н.* Указ. соч. С. 63.
- <sup>30</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
- <sup>31</sup> Там же. Л. 6.
- <sup>32</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>33</sup> По данным родословной Тулубевых, составляемой современными представителями этой семьи, отец Леониды майор в отставке Никанор Ефимович Тулубьев род. в 1825 г., поэтому ее рождение в 1843 г. выглядит более вероятным. Кроме того, ее детьми там числятся Георгий, Леонида, Яков и Иван, хотя даты рождения указаны в ряде случаев иные, чем в родословной Эрдели, напр., Георгий рожден в 1862, Леонида в 1867, Яков и Иван – в 1870. Повидимому, сведениям в этой их части доверять нельзя. См.: URL: <http://www.tulubieva.ru/about.htm> (дата обращения 24.10.2013).
- <sup>34</sup> База данных сайта «Родовое гнездо», редактор – М. Линниченко. URL: <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/Erdely.html> (дата обращения 12.10.2013).
- <sup>35</sup> Георгия Яковлевича нередко называли Егором, и часть детей его писались по отчеству Егоровичи, другие Георгиевичи.
- <sup>36</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 116 об.-117.
- <sup>37</sup> Там же. Л. 104.
- <sup>38</sup> *Манвелов Н.В.* Обычаи и традиции Российского Императорского флота. М., 2008. С. 163-164.
- <sup>39</sup> Кировоградский областной музей. Ф. 6485. АИ № 1050. Цит. по: *Калиновский В.Н.* Указ. соч. С. 64-65.
- <sup>40</sup> Цит. по: *Калиновский В.Н.* Указ. соч. С. 64.
- <sup>41</sup> Оводов Александр Николаевич (род. 30.3.1844). Окончил Нижегородский кадетский корпус (1863 г.), Павловское военное училище (1864 г.) и Михайловское артиллерийское училище (1865 г.). В 1875 г. произведен в капитаны, в 1877 г. – в подполковники, в 1881 г. – в полковники, а в 1895 г. – в генерал-майоры. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1879 г. командир 17-й конноартиллерийской батареи, с 1892 г. – 29-го драгунского полка, с 1895 г. – 2-й бригады 12-й кавалерийской дивизии. С 1896 г. командир 2-й отдельной кавалерийской бригады. 12.12.1900 г. уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты.

<sup>42</sup> Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Детство и юность // Русские мемуары. Избр. страницы. 1826-1856 гг. М., 1990. С. 402, 488-490.

<sup>43</sup> Вадимов Е. Корнеты и звери («Славная школа»): очерки. Белград, 1929. URL: <https://archive.org/details/kornetyizvierisl00vadi> (дата обращения 12.08.2013).

<sup>44</sup> Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 210.

<sup>45</sup> Там же. С. 82.

<sup>46</sup> Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 78-79.

<sup>47</sup> Известие об избрании гетманом Украины Скоропадского, бывшего кавалергарда и командира конной гвардии, И.Г. Эрдели сопровождает ремаркой, что он также владеец гостиниц в Орле и Белгороде. Вот быть помещиком-землеладельцем, как все Эрдели или как зять Мары В.М. Андреевский, это благородно, но содержанием постоялого двора – это не по-гусарски. В Болгарии, где был проездом в Салоники для переговоров с союзным командованием на Балканах, генерал встретил сослуживцев по Генеральному штабу, которые успели послужить в украинских частях у Скоропадского и Петлюры, а теперь хотели бы присоединиться к Добровольческой армии, но боялись, что будут вопросы по поводу их подданства и службы. Он адресовал им на бумаге гневную отповедь: «А что думали раньше. Уж эта слабая, неустойчивая интеллигенция, дряблая, безвольная, все готовы продать, лишь бы только достигнуть собственного, личного спокойствия и благополучия. Близорукие люди, дальше своего носа ничего не видят» (ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 228). При личном общении генерал, отличавшийся деликатностью, по-видимому, говорил обычно несколько иное, например, что службой можно искупить ошибки, рожденные тяжелыми обстоятельствами.

<sup>48</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 31.

<sup>49</sup> Эрдели Г.Я. Воспоминания. URL: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=135> (дата обращения 23.03.2011).

<sup>50</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 155.

<sup>51</sup> ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 28. Л. 162.

<sup>52</sup> Там же. Л. 177, 188.

<sup>53</sup> Там же. Л. 247 об.

<sup>54</sup> Толстая С.А. Дневники: В 2-х томах. Т. 1. 1862-1900 гг. / Сост. и коммент. Н. И. Азаровой и др. Вступит. статья С. А. Розановой. М., 1978. С. 134-135.

<sup>55</sup> Там же. С. 140.

<sup>56</sup> Там же. С. 141.

<sup>57</sup> Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник / Сост. и автор вступит. статьи Т. Н. Волкова. М., 1979. С. 214-215.

<sup>58</sup> Толстая С.А. Указ. соч. Т. 1. С. 207.

<sup>59</sup> Там же. Т. 1. С. 548.

<sup>60</sup> Цит. по: *Опультская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 61.

<sup>61</sup> Кузминский Дмитрий Александрович (1888-1937) окончил училище правоведения; коллежский асессор, чиновник Министерства юстиции; в годы войны с Германией корнет л.-гв. Драгунского полка. С 1919 года в Вооруженных силах Юга России; член Особой следственной комиссии о преступлениях большевиков. Из Новороссийска эвакуирован за границу. Умер в Югославии. *Волков В.С.* Офицеры русской гвардии. URL: <http://www.maxknow.ru/images/upload/articles60/405.htm> (дата обращения 05.03.2013).

<sup>62</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 20.

<sup>63</sup> *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 555.

<sup>64</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 63.

<sup>65</sup> *Малиновский И.А.* Воспоминания. Екатеринодарский дневник, декабрь 1919 – март 1920 гг.: Рукопись. Подлинник хранится у потомков внучки И.А. Малиновского Марианны Цезаревны Шабат (1922-2009). С. 10.

<sup>66</sup> В 1918 году И.А. Малиновский невольно оказался на развилке политических путей. Когда получил предложение от Н.П. Василенко и академика В.И. Вернадского вступить в Украинскую Академию наук, согласился. Но вскоре после возвращения из Киева на конференции кадетской партии в Екатеринодаре голосовал за резолюцию о единой России. Когда об этом узнали в Киеве, то исключили его из списка предполагаемых первых украинских академиков.

<sup>67</sup> Вагонный полукондуктор – это проводник, обслуживающий два вагона.

<sup>68</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 24.

<sup>69</sup> Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 4.

<sup>70</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 83.

<sup>71</sup> Так же. Л. 136-137.

<sup>72</sup> Там же. Л. 14.

<sup>73</sup> *Сенявская Е.С.* Бытовая религиозность на войне (На примере двух мировых и советско-афганской войны) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 135.

<sup>74</sup> Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 35.

<sup>75</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 30.

<sup>76</sup> Там же. Л. 65.

<sup>77</sup> Там же. Л. 23.

<sup>78</sup> Там же. Л. 41.

<sup>79</sup> Там же. Л. 47.

- 
- <sup>80</sup> Там же. Л. 105.
- <sup>81</sup> Там же. Л. 31.
- <sup>82</sup> Там же. Л. 165.
- <sup>83</sup> ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 6.
- <sup>84</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 157.
- <sup>85</sup> Там же. Л. 221.
- <sup>86</sup> Там же. Л. 52.
- <sup>87</sup> Там же. Л. 163.
- <sup>88</sup> Там же. Л. 79-80.
- <sup>89</sup> ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 17; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 175.
- <sup>90</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 168.
- <sup>91</sup> ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 26; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 168, 175, 225-226.
- <sup>92</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 169, 224-225.
- <sup>93</sup> *Платонов О.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 316. Командир 14-й кавалерийской дивизии И.Г. Эрдели оказался причастен к неприятностям некоего Княжевича, к которому императрица относилась с симпатией. По-видимому, речь в письме шла о генерал-майоре Д.М. Княжевиче.
- <sup>94</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 138.
- <sup>95</sup> Российское зарубежье во Франции (1919 - 2000). Биографический словарь/ Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. В 3 т. М., 2008. Т. 3. С. 611.
- <sup>96</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 98.
- <sup>97</sup> Национальный архив Республики Адыгея. Хранилище документов новейшей истории. Ф. П-1293. Оп. 1-л. Д. 66. Л. 45.
- <sup>98</sup> Потомками В.Н. Олива занимались сотрудница Керченского музея-заповедника Наталья Власовна Небожаева и тамбовский краевед Валентина Андреевна Кученкова.
- <sup>99</sup> *Уваров П.Ю.* Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма // Французский ежегодник. 2001. С. 12.
- <sup>100</sup> Там же. С. 13.
- <sup>101</sup> *Zylberberg M.* Capitalisme et catholicisme dans la France moderne: la dynastie Le Couteulx. Paris: Publications de la Sorbonne, 2001. P. 172-173.
- <sup>102</sup> *Ellenberger M.* Le marquis et la marquise de Cubières étaient à Larue // Chevilly-Larue. № 122. Juin 2011. P. 31.
- <sup>103</sup> *Небожаева Н.* Крымское семейство Олив. URL: <http://bospor.com.ua/site/article/id/3518/print>

- 
- <sup>104</sup> *Полынкин А.* Семейство Олив на Орловской земле. URL: <http://maloarchangelsk.bezformata.ru/listnews/semejstvo-oliv-na-orlovskoj-zemle/6115136/>
- <sup>105</sup> См.: *Гершельман А.* Моя служба камер-пажем при дворе Императора Николая II // Кадетская переключка. № 64-66. 1998. URL: <http://allerleiten.livejournal.com/647932.html> (дата обращения 22.01.2013).
- <sup>106</sup> Орловский мудрец, опередивший время. Сб. науч. статей. Орел, 2011. С. 182.
- <sup>107</sup> Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 7357. URL: [catholic-tambov.ru/load/0-0-0-3-20](http://catholic-tambov.ru/load/0-0-0-3-20)
- <sup>108</sup> По мнению сотрудников ГАТО Вера Константиновна Андреевская была урожденная Стахович. Но тут допущена ошибка. Ее сестра Наталья Константиновна, урожд. Олив, была второй женой Александра Алексеевича Стаховича (1856-1919), овдовевшего в 1912 г. после смерти жены Марии Павловны Васильчиковой от туберкулеза. А.А. Стахович покончил с собой 10 марта 1919 г. в Москве. О его самоубийстве писала в своем дневнике М. Цветаева. В одном из последних разговоров он называл себя одиноким стариком. Вероятно, что Наталья Константиновна не находилась в это время при нем.
- <sup>109</sup> *Андреевский В.М.* О моем сельском хозяйстве: воспоминания. Воронеж, 2006. URL: <http://www.grad-irsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.myselhoz>
- <sup>110</sup> Российское зарубежье во Франции (1919 - 2000). Т. 3. С. 215.
- <sup>111</sup> *Коган Д.З.* М.А. Врубель. М., 1980. С. 144-148.
- <sup>112</sup> Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 427 (Рачинские). Оп. 1. Д. 3133. Копии писем из фонда Рачинских переданы сотрудницей Тюменского музея изобразительных искусств И. Яблоковой.
- <sup>113</sup> *Боханов А.Н.* Савва Мамонтов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 63.
- <sup>114</sup> РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 3128.
- <sup>115</sup> РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 3128.
- <sup>116</sup> *Гершельман А.* Указ. соч. URL: <http://www.xx13.ru/kadeti/pazheski.htm#gershelman>
- <sup>117</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 224-225.
- <sup>118</sup> Там же. Л. 169.
- <sup>119</sup> Там же. Л. 112.
- <sup>120</sup> Там же. Л. 212.
- <sup>121</sup> Там же. Л. 227.
- <sup>122</sup> Там же. Л. 4.
- <sup>123</sup> Там же. Л. 6.
- <sup>124</sup> Там же. Л. 232.
- <sup>125</sup> Там же. Л. 1-2.

- 
- <sup>126</sup> Там же. Л. 21.  
<sup>127</sup> Там же. Л. 23.  
<sup>128</sup> Там же. Л. 18.  
<sup>129</sup> Там же. Л. 20.  
<sup>130</sup> Там же. Л. 24-25.  
<sup>131</sup> Там же. Л. 62.  
<sup>132</sup> Там же. Л. 212.  
<sup>133</sup> Там же. Л. 84-85.  
<sup>134</sup> Там же. Л. 4.  
<sup>135</sup> Там же. Л. 169-170.  
<sup>136</sup> Там же. Л. 116.  
<sup>137</sup> Там же. Л. 163.  
<sup>138</sup> Там же. Л. 125.  
<sup>139</sup> *Баженов А.* Там флейты фебовой серебряные звуки, там и проклятых сребреников звон... («Серебряный век» как отражение революции). URL: <http://www.rospisatel.ru/bashenov1.htm>  
<sup>140</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 60-61.  
<sup>141</sup> Там же. Л. 60-61.  
<sup>142</sup> Там же. Л. 233.  
<sup>143</sup> Там же. Л. 164.  
<sup>144</sup> Там же. Л. 37.  
<sup>145</sup> Там же. Л. 57-58.  
<sup>146</sup> Там же. Л. 82-83.  
<sup>147</sup> Там же. Л. 31-32.  
<sup>148</sup> Там же. Л. 31-32.  
<sup>149</sup> Там же. Л. 244.  
<sup>150</sup> Там же. Л. 85.  
<sup>151</sup> Там же. Л. 69.  
<sup>152</sup> Там же. Л. 64.  
<sup>153</sup> Там же. Л. 18.  
<sup>154</sup> Там же. Л. 71.  
<sup>155</sup> Там же. Л. 73-74.  
<sup>156</sup> Там же. Л. 40.  
<sup>157</sup> Там же. Л. 45.  
<sup>158</sup> Там же. Л. 20.  
<sup>159</sup> Там же. Л. 61-63.  
<sup>160</sup> Там же. Л. 67-69.  
<sup>161</sup> Там же. Л. 75.  
<sup>162</sup> Там же. Л. 176.  
<sup>163</sup> Там же. Л. 40.  
<sup>164</sup> Там же. Л. 187-188.

- 
- <sup>165</sup> Там же. Л. 53.
- <sup>166</sup> *Лукомский А.С.* Очерки моей жизни // Вопросы истории. 2001. №5. С. 103.
- <sup>167</sup> Воспоминания К. Чхеидзе о событиях Гражданской войны на Тереке. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=11&art=355>.
- <sup>168</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 188.
- <sup>169</sup> Там же. Л. 78.
- <sup>170</sup> Там же. Л. 81.
- <sup>171</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>172</sup> Там же. Л. 84-85.
- <sup>173</sup> РГАЛИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 218. 5 л.
- <sup>174</sup> Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. М., 2008. С. 971.
- <sup>175</sup> *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 424.
- <sup>176</sup> Российское зарубежье во Франции (1919 – 2000). Т. 3. С. 215.
- <sup>177</sup> Русский православный храм и кладбище в Берлине в Тегеле. URL: <http://www.pogost-tegel.info/?bid=17>
- <sup>178</sup> Российское зарубежье во Франции (1919 – 2000). Т. 3. С. 55.
- <sup>179</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 169.
- <sup>180</sup> *Эрдели И.Г.* Из моих воспоминаний о ген[ерал]-адъютанте М.И. Драгомирове // Часовой. №47. 1931. 15 января.
- <sup>181</sup> *Калиновский В.Н.* Указ. соч. С. 135.
- <sup>182</sup> *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 560-561.
- <sup>183</sup> *Калиновский В.* Указ. соч. С. 136.
- <sup>184</sup> *Толстая С.А.* Дневники. В 2-х томах. Т. 2. М., 1978. С. 456.
- <sup>185</sup> *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. Мн., 2002. С. 31.
- <sup>186</sup> *Добрынин В.А.* Оборона Мугани, 1918 – 1919: записки кавказского пограничника. Париж, б.г. С. 80/2.
- <sup>187</sup> Даты по новому стилю.
- <sup>188</sup> *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 80/2, 91.
- <sup>189</sup> Флот в Белой борьбе / Сост., предисл., комм. С.В. Волкова. М., 2002. С. 338.
- <sup>190</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 45-46.
- <sup>191</sup> Там же. Л. 47.
- <sup>192</sup> Там же. Л. 59.
- <sup>193</sup> Там же. Л. 81.
- <sup>194</sup> Там же. Л. 77-78.
- <sup>195</sup> Там же. Л. 87.
- <sup>196</sup> *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 230.
- <sup>197</sup> Там же. Л. 98-99.



- 
- <sup>198</sup> Там же. Л. 101.
- <sup>199</sup> См.: *Слободин В.П.* Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996. С. 66.
- <sup>200</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 160.
- <sup>201</sup> Там же. Л. 36.
- <sup>202</sup> *Кантакузина Ю.* Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876-1918 / Пер. с англ. М., 2007. С. 225. Такое же мнение изложено: АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Е-100. Л. 22.
- <sup>203</sup> Мурманский путь (Петрозаводск). 1917. 7 сент.
- <sup>204</sup> Национальный архив Республика Адыгея. Ф. Р-1114. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // АРР. Т. I. С. 101.
- <sup>205</sup> *Михайлов И.В.* Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 159.
- <sup>206</sup> *Чиняков М.* Гражданская война: новый взгляд? Орел, 2010. С. 160.
- <sup>207</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 104.
- <sup>208</sup> Там же. Л. 114.
- <sup>209</sup> Там же. Л. 109-110.
- <sup>210</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1311. Л. 110, 114.
- <sup>211</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 115.
- <sup>212</sup> Там же. Л. 123, 135.
- <sup>213</sup> *Абинякин Р.М.* Военно-патриотические организации 1917 года: к предыстории белого движения // Белая армия. Белое дело: Ист. научно-популярный альманах (Екатеринбург). 1999. № 6. С. 5-12.
- <sup>214</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 149-151.
- <sup>215</sup> Там же. Л. 116, 121-122.
- <sup>216</sup> Там же. Л. 125-126.
- <sup>217</sup> Там же. Л. 144.
- <sup>218</sup> Там же. Л. 140-141.
- <sup>219</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 252. Л. 12.
- <sup>220</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 183-184.
- <sup>221</sup> Там же. Л. 186.
- <sup>222</sup> Там же. Л. 118.
- <sup>223</sup> Там же. Л. 134.
- <sup>224</sup> Там же. Л. 152.
- <sup>225</sup> Там же. Л. 155.
- <sup>226</sup> Там же. Л. 148.
- <sup>227</sup> Там же. Л. 103.
- <sup>228</sup> Там же. Л. 221.
- <sup>229</sup> Там же. Л. 223.
- <sup>230</sup> Там же. Л. 123.

- 
- <sup>231</sup> Там же. Л. 145-146.
- <sup>232</sup> Архивное собрание Дома Русского Зарубежья (далее – АСДРЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. М-111. Л. 21.
- <sup>233</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 219, 221.
- <sup>234</sup> *Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918-1920. М., 2005. С. 205; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 123, 165, 216.
- <sup>235</sup> *Волков-Муромцев Н.* Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983. С. 362.
- <sup>236</sup> *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т.: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003. Т. 1. С. 251.
- <sup>237</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 47-48.
- <sup>238</sup> Там же. Л. 63.
- <sup>239</sup> Там же. Л. 55.
- <sup>240</sup> Там же. Л. 81.
- <sup>241</sup> Там же. Л. 49.
- <sup>242</sup> *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 103.
- <sup>243</sup> Там же. Л. 75.
- <sup>244</sup> Там же. Л. 69-70.
- <sup>245</sup> Там же. Л. 26.
- <sup>246</sup> Там же. Л. 131.
- <sup>247</sup> Там же. Л. 170.
- <sup>248</sup> Там же. Л. 106.
- <sup>249</sup> Там же. Л. 121-122.
- <sup>250</sup> Там же. Л. 26.
- <sup>251</sup> Там же. Л. 105-106.
- <sup>252</sup> Там же. Л. 129.
- <sup>253</sup> Там же. Л. 181.
- <sup>254</sup> Цит. по: *Посадский А.В.* Куды крестьянину податься? Красноармеец под карательным ударом белых и красных // Родина. 2011. №2. С. 68.
- <sup>255</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 147.
- <sup>256</sup> Там же. Л. 149.
- <sup>257</sup> См. напр.: *Павлов Ю.* Генерал С.Л. Марков // Кадетская перекличка. 1986. № 41. URL: [http://www.xx13.ru/kadeti/gen\\_markov.htm](http://www.xx13.ru/kadeti/gen_markov.htm).
- <sup>258</sup> ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 693. Л. 37.
- <sup>259</sup> Те, кто красиво умирают // Россия (Курск). 1919. 10 окт. № 8. URL: <http://markovec.narod.ru/logmp.htm>.
- <sup>260</sup> АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. М-111. Л. 16, 24.
- <sup>261</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 192.
- <sup>262</sup> Там же. Л. 26.
- <sup>263</sup> Там же. Л. 154.
- <sup>264</sup> Там же. Л. 115.
- <sup>265</sup> Там же. Л. 118-119.

- 
- <sup>266</sup> Там же. Л. 104.
- <sup>267</sup> Там же. Л. 119.
- <sup>268</sup> Там же. Л. 97.
- <sup>269</sup> Там же. Л. 140-141.
- <sup>270</sup> Там же. Л. 233.
- <sup>271</sup> ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 11. Л. 199.
- <sup>272</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 237, 243.
- <sup>273</sup> Там же. Л. 241.
- <sup>274</sup> Там же. Л. 242.
- <sup>275</sup> Там же. Л. 237.
- <sup>276</sup> Там же. Л. 73.
- <sup>277</sup> Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГАРСО-А). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 13. Л. 93.
- <sup>278</sup> Фамилия генерала в документах пишется по-разному, в т.ч. Томпсон.
- <sup>279</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 10.
- <sup>280</sup> Там же. Л. 95.
- <sup>281</sup> Имеются в виду части под командованием генерала А.М. Пржевальского.
- <sup>282</sup> Байков Борис Львович, юрист, кадет, в течение нескольких лет возглавлял русскую общину в Закавказье. Летом 1919 г. выехал в Ессентуки, в 1919-1920 гг. – сотрудник ОСВАГа. Эмигрировал в 1920 г. Автор мемуаров «Воспоминания о революции в Закавказье».
- <sup>283</sup> Леонтович А.К., присяжный поверенный, председатель Центрального домового комитета г. Баку («Центродом»), созданного в декабре 1917 г. для борьбы с уличными грабежами, защиты имущества, организации снабжения населения продовольствием. Описавший в своих воспоминаниях деятельность этого комитета Б.Л. Байков сообщал, что «Центродом» имел в своей структуре пекарни, потребительные кооперативы, закупочные организации, больницы, детские приюты, образовательные курсы и т. д. Он существовал при всех властях до апреля 1920 г. Леонтович возглавлял «Центродом» до июля 1919 г., потом он убыл на Северный Кавказ и возвратился в Баку после отступления ВСЮР. Был арестован и расстрелян после установления советской власти в Баку.
- <sup>284</sup> Там же. Л. 10-15.
- <sup>285</sup> Там же. Л. 16-17.
- <sup>286</sup> ЦГАРСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
- <sup>287</sup> Там же. Л. 11.
- <sup>288</sup> Там же. Л. 9.
- <sup>289</sup> Там же. Л. 15 об.-16.
- <sup>290</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 55.

- 
- <sup>291</sup> История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 214-215; *Янчевский Н.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. С. 52-58.
- <sup>292</sup> ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 240. Л. 87, 101.
- <sup>293</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 153.
- <sup>294</sup> Там же. Л. 193.
- <sup>295</sup> Там же. Л. 22.
- <sup>296</sup> Там же. Л. 230.
- <sup>297</sup> Там же. Л. 232.
- <sup>298</sup> Там же. Л. 24.
- <sup>299</sup> Там же. Л. 26, 28.
- <sup>300</sup> Там же. Л. 33-36, 38.
- <sup>301</sup> Там же. Л. 48.
- <sup>302</sup> Там же. Л. 85.
- <sup>303</sup> Там же. Л. 88.
- <sup>304</sup> Там же. Л. 95.
- <sup>305</sup> Там же. Л. 91.
- <sup>306</sup> Там же. Л. 93.
- <sup>307</sup> Там же. Л. 89-92, 94.
- <sup>308</sup> Здесь и далее цит. по: Воспоминания К. Чхеидзе... URL:  
<http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=11&art=355>.
- <sup>309</sup> Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее – НА СОИГСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.
- <sup>310</sup> НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 125. Л. 20 об., 40.
- <sup>311</sup> ЦГАРСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.
- <sup>312</sup> *Посадский А.В.* Чеченцы в Вооружённых силах Юга России: к истории Чеченской конной дивизии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 101.
- <sup>313</sup> *Гойгова З.А.-Г.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина // Труды Чечено-Ингушского НИИ при Совете министров ЧИАССР. Т. VII. Грозный, 1963. С. 120-124, 132.
- <sup>314</sup> Это было в крепости Ведено // Колхозан дахар (Грозный). 1989. 1 июля.
- <sup>315</sup> *Гойгова З.А.-Г.* Указ. соч. С. 108-109, 146, 152.
- <sup>316</sup> АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 2.
- <sup>317</sup> *Посадский А.В.* Чеченцы в Вооружённых силах Юга России... С. 94-107.
- <sup>318</sup> ЦГАРСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.
- <sup>319</sup> АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 118. Л. 80.
- <sup>320</sup> ЦГАРСО-А. Ф. Р-8.
- <sup>321</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 42.
- <sup>322</sup> АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 82. Л. 4.
- <sup>323</sup> Там же. Л. 127.

- 
- <sup>324</sup> Там же. Л. 22-23.  
<sup>325</sup> Там же. Л. 112.  
<sup>326</sup> Там же. Л. 218.  
<sup>327</sup> Там же. Л. 16.  
<sup>328</sup> Там же. Л. 29.  
<sup>329</sup> Там же. Л. 49.  
<sup>330</sup> Там же. Л. 51-52.  
<sup>331</sup> Там же. Л. 59.  
<sup>332</sup> Там же. Л. 61, 64.  
<sup>333</sup> Волков С.В. Офицеры российской гвардии. С. 555.  
<sup>334</sup> *Его же*. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 395.  
<sup>335</sup> АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Е-44. Л. 5.  
<sup>336</sup> Российское зарубежье во Франции (1919 - 2000). Т. 3. С. 611.  
<sup>337</sup> ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 39.

---

## ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Одесской области (Украина). Ф. 143. Семейный фонд Эрдели. 43 ед.хр., 1854-1918 гг.  
Государственный архив Ростовской области. Ф. 243. Семейный фонд Ульяновых. 50 ед. хр., 1795-1893.  
Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5826. Фонд В.М. Андреевского, 161 ед. хр., 1891-1958.  
Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 427. Семейный фонд Рачинских. 3681 ед. хр., 1662-1926.

*Андреевский В.М.* О моем сельском хозяйстве: воспоминания. Воронеж, 2006.

*Баженов А.* Там флейты фебовой серебряные звуки, там и проклятых серебряников звон... («Серебряный век» как отражение революции). URL: <http://www.rospisatel.ru/bashenov1.htm>

*Боханов А.Н.* Савва Мамонтов // Вопросы истории. 1990. № 11.

*Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.

*Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

*Волков-Муромцев Н.* Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983.

Воспоминания К. Чхеидзе о событиях Гражданской войны на Тереке. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=11&art=355>.

*Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т.: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003.

*Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 4-х кн. Мн., 2002.

*Добрынин В.А.* Оборона Мугани, 1918 – 1919: записки кавказского пограничника. Париж, б.г.

Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. М., 2008.

*Калиновский В.Н.* Рід Ерделі. Повернення із забуття. Генеалого-краєведческий очерк. Николаев, 2012.

*Кантакузина Ю.* Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876-1918 / Пер. с англ. М., 2007.

- 
- Коган Д.З. М.А. Врубель. М., 1980.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
- Лукомский А.С. Очерки моей жизни // Вопросы истории. 2001. №1-12.
- Малиновский И.А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник, декабрь 1919 – март 1920 гг.: Рукопись. Подлинник хранится у потомков внучки И.А. Малиновского Марианны Цезаревны Шабат (1922-2009).
- Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998.
- Павлов Ю. Генерал С.Л. Марков // Кадетская переписка. 1986. № 41. URL: [http://www.xx13.ru/kadeti/gen\\_markov.htm](http://www.xx13.ru/kadeti/gen_markov.htm).
- Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918-1920. М., 2005.
- Посадский А.В. Куды крестьянину податься? Красноармеец под карательным ударом белых и красных // Родина. 2011. №2.
- Платонов О. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.
- Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
- Российское зарубежье во Франции (1919 - 2000). Биографический словарь/ Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. В 3 т. М., 2008.
- Русские мемуары. Избр. страницы. 1826-1856 гг. М., 1990.
- Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996.
- Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник / Сост. и автор вступит. статьи Т. Н. Волкова. М., 1979.
- Те, кто красиво умирают // Россия (Курск). 1919. 10 окт. № 8. URL: <http://markovec.narod.ru/logmp.htm>.
- Толстая С.А. Дневники: В 2-х томах. Т. 1. 1862-1900 гг. / Сост. и коммент. Н. И. Азаровой и др. Вступит. статья С. А. Розановой. М., 1978.
- Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991.
- Уваров П.Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма // Французский ежегодник. 2001. С. 7-13.
- Чиняков М. Гражданская война: новый взгляд? Орел, 2010.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1956.
- Эрдели Г.Я. Воспоминания // Московский журнал. История государства Российского. 2009. №1(217).
- Эрдели И.Г. Из моих воспоминаний о ген[ерал]-адъютанте М.И. Драгомирове // Часовой. №47. 1931. 15 января.
- Ellenberger M. Le marquis et la marquise de Cubières étaient à Larue // Chevilly-Larue. № 122. Juin 2011. P. 31.
- Zylberberg M. Capitalisme et catholicisme dans la France moderne: la dynastie Le Couteulx. Paris: Publications de la Sorbonne, 2001.

---

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b>	4
<b>Глава 1.</b> Эпоха юности и надежд: первое пореформенное поколение	17
<b>Глава 2.</b> Роман длиной в войну	60
<b>Глава 3.</b> Вождь поневоле: генерал Эрдели в рядах Добровольческой армии	111
<b>Заключение</b>	186
<b>Приложения</b>	188
<b>Иллюстрации</b>	203
<b>Примечания</b>	209
<b>Литература и источники</b>	222
<b>Оглавление</b>	224



---

Научное издание

**Морозова Ольга Михайловна**

**Баловень судьбы:  
генерал Иван Георгиевич Эрдели**

Корректор А. Яковлева  
Верстка С. Шестак  
Дизайн обложки О. Морозова

Подписано в печать \_\_\_\_\_.\_\_\_\_\_.\_\_\_\_\_  
Формат 60×84/16. Гарнитура Таймс  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,1  
Тираж \_\_\_\_\_ экз.

Издательство \_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_

Отпечатано в \_\_\_\_\_